

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

№ 1
(январь - март)
2026 г.

Учредитель и издатель:

Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

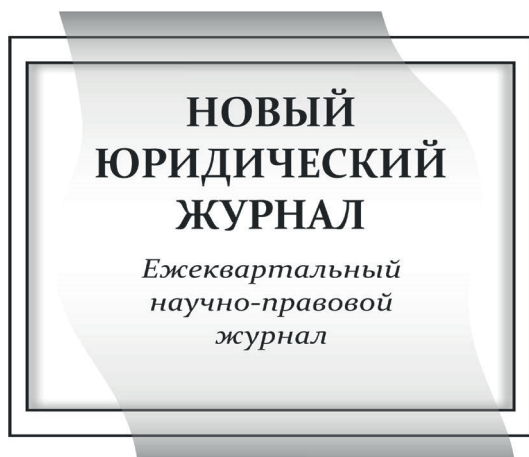
Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский
Индекс научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU

© ООО «ЮРКОМПАНИ», 2026

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО)
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- POLITICS AND LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE
- DIGITALIZATION OF LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Вафин Э.Я. * Индексация пенсий и социальных выплат в России с 1 февраля 2026 года: правовые основы, механизм реализации и социальные последствия 12

Ширенин Р.П. * Имеют ли информационные письма органов государственного финансового контроля силу нормативных правовых актов в сфере государственного оборонного заказа: правовой аспект 21

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Газзаева М.Т., Газзаев К.В. * Сочетание частных и публичных интересов при осуществлении банковской деятельности 29

Осиашвили Л. * Механизмы правовой защиты субъектов долевого строительства 34

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Бачинский Н.А., Бачинская Д.С. * Певческое дыхание как ядро обучения эстраднему вокалу: мультисенсорный игровой комплекс для младших школьников 39

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Васильев М.В., Макарова О.А. * Развитие юридических механизмов государственного контроля в рекламной сфере 44

Хасанов А.А. * Особенности применения статьи 1062 ГК РФ к отношениям по поводу компьютерных игр 50

Исарева А.П. * Сравнительно-правовой анализ механизмов исполнения и ответственности за нарушение корпоративного договора в праве Российской Федерации и зарубежных странах 57

Кудрявцев И.Н. * Самозащита как способ защиты прав в корпоративных правоотношениях 63

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА

Сологуб А.Н. * Разграничительная матрица человеческого и искусственного интеллекта при управлении предпринимательскими проектами в условиях цифровой трансформации 69

Баруздин И.В. * Цифровая трансформация социальной поддержки семей с детьми: оценка доступности и опыта в Санкт-Петербурге 75

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

Зыкин А.С. * Понятие и основания возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения 80

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ванеев Т.Т. * Состав и содержание прав интеллектуальной собственности 86

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Тилимович Е.В. * Проблемы расходов муниципального бюджета в сфере образования 92

Шахбазова Н.Д. * Роль банка России в предупреждении банкротства финансовых организаций 97

Мельникова К.В., Мусихина А.К., Фагина В.С., Черноскутова И.С. * Развитие познавательной компетенции у студентов вуза в рамках проектной работы по зарубежному переводоведению 101

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Васячкин Ю.А., Дериглазова М.А. * Цифровая трансформация международного частного права: регулирование смарт-контрактов и криптовалют в международном обороте	110
Борисова Д.А., Влазнева К.А. * Особенности расторжения брака, заключенного между российским гражданином и иностранцем, и признания развода за рубежом	116
Нестеренко Е.А. * Доказательная база по фактам распространения коммерческой тайны: критические вопросы	121
Семенова Р.О., Резенков Э.А. * Регулирование стриминговых платформ: формирование глобальных стандартов лицензирования	126

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Касумова Ж.Р. * Игровой тип личности преступника: сущность, признаки и криминологические отличия от корыстного, насильственного и ситуативного типов	131
Досмамбетов Р.Д. * Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения и подвергнутых административному наказанию	137
Штокберг С.И. * Получение взятки (ст. 290 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и проблема квалификации	141
Пекарева В.В. * Уголовно-правовая оценка DoS/DDoS-атак	145
Агичева Е.И. * Содержание процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства	151

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Vafin E.Ya. * Indexation of pensions and social benefits in Russia from 1 February 2026: legal framework, implementation mechanism and social consequences 12

Shirenin R.P. * Do informational letters from state financial control bodies carry the force of regulatory legal acts in the sphere of the state defense order: the legal aspect 21

CIVIL LAW THEORY

Gazzaeva M.T., Gazzaev K.V. * Combination of private and public interests in banking activities 29

Osiashvili L. * Mechanisms of legal protection of shared-equity construction entities 34

MANAGEMENT THEORY

Bachinsky N.A., Bachinskaya D.S. * Singing breath as the core of pop-vocal instruction: a multisensory, game-based program for primary school children 39

CIVIL AND BUSINESS LAW

Vasiliev M.V., Makarova O.A. * Development of legal mechanisms of state control in the advertising field 44

Khasanov A.A. * Particularities of the application of article 1062 of the Russian Federation Civil Code to relations concerning computer games 50

Isareva A.P. * Comparative legal analysis of mechanisms for enforcement and liability for breach of a corporate agreement in the law of the Russian Federation and foreign countries 57

Kudryavtsev I.N. * Self-protection as a way to protect rights in corporate legal relations 63

DIGITALIZATION OF LAW

Sologub A.N. * The boundary matrix of human and artificial intelligence in managing entrepreneurial projects in the context of digital transformation 69

Baruzdin I.V. * Digital transformation of social support for families with children: assessment of accessibility and experience in St. Petersburg 75

LAW OF OBLIGATIONS

Zykin A.S. * Concept and basis of obligations arising from injustice 80

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Vaneev T.T. * Composition and content of intellectual property rights 86

LAW AND ECONOMICS

Tilimovich E.V. * Problems of municipal budget expenditures in the field of education 92

Shakhbazova N.D. * The role of the bank of Russia in preventing the bankruptcy of financial organizations 97

Melnikova K.V., Musikhina A.K., Fadina V.S., Chernoskutova I.S. * Developing cognitive competence in university students through project-based work in foreign translation studies 101

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Vasyachkin Yu.A., Deriglazova M.A. * Digital transformation of private international law: regulation of smart contracts and cryptocurrencies in international circulation 110

Borisova D.A., Vlazneva K.A. * Features of divorce between a Russian citizen and a foreigner and

admissibility of divorce abroad	116
Nesterenko E.A. * Evidence base on the facts of dissemination of commercial secrets: critical issues	121
Semenova R.O., Rezenkov E.A. * Regulation of streaming platforms: global approaches to licensing	126

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Kasumova Zh.R. * The game personality type of the criminal: the essence, signs and criminological differences from the mercenary, violent and situational types	131
Dosmambetov R.D. * Issues of bringing to criminal liability persons driving a vehicle in a state of intoxication and subject to administrative punishment	137
Shtokberg S.I. * Receiving a bribe (article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristics and issues of legal qualification	141
Pekareva V.V. * Criminal law assessment of DDoS/DDoS attacks	145
Agicheva E.I. * The content of the process of ensuring the safety of participants in criminal proceedings	151

ВАФИН Эдуард Яфасович,
доктор экономических наук,
ГУ - Отделение СФР по Республике Татарстан, управляющий,
e-mail: evafin0105@mail.ru

ИНДЕКСАЦИЯ ПЕНСИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ В РОССИИ С 1 ФЕВРАЛЯ 2026 ГОДА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье анализируются правовые и организационные аспекты индексации пенсионных и связанных с ними социальных выплат в Российской Федерации в 2026 году, с акцентом на индексацию с 1 февраля 2026 года. [1;2] Рассматриваются конституционные гарантии индексации, нормы федерального законодательства, решения о параметрах повышения выплат, а также особенности перерасчёта для различных категорий получателей. [3] [4] Особое внимание уделено разграничению январской индексации страховых пенсий и февральского повышения ежемесячных денежных выплат, материнского капитала и иных пособий, а также проблемным вопросам правового регулирования. [5; 6;7]

Ключевые слова: индексация пенсий, Социальный фонд России, ежемесячная денежная выплата (ЕДВ), материнский капитал, социальные пособия, прожиточный минимум пенсионера, конституционные гарантии, страховая пенсия, социальная пенсия.

VAFIN Eduard Yafasovich,
Doctor of Economic Sciences,
GU - Branch of the Financial Markets Service for the Republic of Tatarstan,
Manager

INDEXATION OF PENSIONS AND SOCIAL BENEFITS IN RUSSIA FROM 1 FEBRUARY 2026: LEGAL FRAMEWORK, IMPLEMENTATION MECHANISM AND SOCIAL CONSEQUENCES

Annotation. The article analyzes the legal and organizational aspects of indexation of pensions and related social benefits in the Russian Federation in 2026, with a focus on the indexation from 1 February 2026. Constitutional guarantees of indexation, provisions of federal legislation, decisions on parameters of benefit increases and specific recalculation rules for different categories of recipients are examined. Special attention is paid to the distinction between January indexation of insurance pensions and the February increase of monthly cash payments, maternity capital and other benefits, as well as to problematic issues of legal regulation.

Key words: pension indexation, Social Fund of Russia, monthly cash payment (MCP), maternity capital, social benefits, subsistence minimum of a pensioner, constitutional guarantees, insurance pension, social pension.

Введение

В 2026 году система пенсионного обеспечения в Российской Федерации претерпевает очередной этап корректировки, связанный с

ежегодной индексацией пенсий и социальных выплат. [5; 8] С 1 февраля 2026 года предусмотрено повышение более чем 40 видов социальных выплат, включая ежемесячные денежные

выплаты (ЕДВ), денежный эквивалент набора социальных услуг (НСУ), ряд детских пособий и материнский капитал, исходя из уровня инфляции за 2025 год. [1; 2; 6]

При этом страховые пенсии по старости и иным основаниям были проиндексированы с 1 января 2026 года, что требует разграничения правового режима январской и февральской индексаций. [5; 8] Цель статьи — комплексно проанализировать правовые основы и практическую реализацию индексации с 1 февраля 2026 года, определить её место в общей системе пенсионных гарантий, а также выявить проблемные аспекты регулирования. [3; 4]

1. Нормативно-правовые основы индексации пенсий в Российской Федерации

Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства обеспечивать индексацию пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом. [3] Данное положение, сформулированное в части 6 статьи 75 Конституции РФ, придало конституционный статус ранее действовавшему законодательному механизму и ограничило возможность «замораживания» индексации через ежегодные законы о бюджете. [3]

Ключевым актом, регулирующим страховые пенсии, является Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», который предусматривает механизм индексации стоимости пенсионного коэффициента и фиксированной выплаты к страховой пенсии. [9; 10] Статья 16 закона устанавливает фиксированную выплату и общий принцип её ежегодной индексации с 1 января, а статья 17 — индексацию стоимости пенсионного коэффициента, определяющего размер страховой пенсии. [9; 10]

Социальные пенсии регулируются Федеральным законом от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», предусматривающим их индексацию с учётом роста прожиточного минимума и возможностей бюджета. [11] Порядок индексации, конкретные коэффициенты и даты повышения выплат на очередной финансовый год закрепляются законом о бюджете Социального фонда России, а также по-

становлениями Правительства РФ. [12; 4]

Исторически законодательство исходило из двухэтапной схемы индексации страховых пенсий (1 февраля и 1 апреля), однако в последние годы фактически применяется единая индексация с 1 января с возможной доиндексацией при превышении инфляции. [12; 13] На практике это приводит к ежегодному принятию специальных норм, отклоняющих действие базовых положений законов № 400-ФЗ и № 166-ФЗ в части сроков индексации. [12]

2. Индексация с 1 января 2026 года: страховые пенсии

Для понимания февральской индексации необходимо кратко обозначить параметры январского повышения страховых пенсий. [5; 8] С 1 января 2026 года страховые пенсии неработающих пенсионеров проиндексированы на 7,6%, что отражено в законе о бюджете Социального фонда России на 2026 год и разъяснениях СФР. [5; 8]

В результате индексации стоимость пенсионного коэффициента увеличена с уровня 2025 года до нового значения (порядка 156–157 рублей за балл), а фиксированная выплата к страховой пенсии по старости выросла примерно до 9,5–9,6 тыс. рублей в месяц. [5; 8] По оценкам СФР и профильных аналитических ресурсов, средний размер страховой пенсии по старости в 2026 году составляет около 27 тыс. рублей, что на 1,8–2 тыс. рублей выше показателя предыдущего года. [5; 8]

Круг получателей январской индексации включает неработающих пенсионеров по старости, а также получателей страховых пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца. [4; 8] В 2025–2026 годах в систему индексации в полном объёме постепенно возвращаются работающие пенсионеры, чьи пенсии ранее не повышались вслед за январскими коэффициентами. [14; 8] Индексация проводится в беззаявительном порядке, что прямо подчёркивается в официальных разъяснениях СФР: перерасчёт пенсий осуществляется автоматически на основании имеющихся данных. [4; 1]

3. Индексация с 1 февраля 2026 года: специфика и правовое регулирование

С 1 февраля 2026 года проводится индексация не страховых пенсий как таковых, а

широкого круга социальных выплат, связанных с пенсионными и льготными статусами граждан. [1; 2] В отличие от январской индексации страховых пенсий, основанной на заранее установленном в бюджете коэффициенте, февральское повышение привязано к фактической инфляции за 2025 год. [7; 15]

По данным правительства и Социального фонда, коэффициент индексации с 1 февраля 2026 года составляет 1,056, то есть выплаты увеличиваются на 5,6%. [1; 2; 7] Этот коэффициент соответствует инфляции 2025 года, составившей порядка 5,6% по данным Росстата, и применяется к более чем 40 видам пособий и компенсаций. [1; 15]

К числу выплат, подлежащих индексации с 1 февраля 2026 года, относятся: ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ) федеральным льготникам; денежный эквивалент набора социальных услуг; отдельные пособия семьям с детьми; федеральные компенсационные выплаты; а также материнский капитал. [1; 2; 6] Социальный фонд России прямо указывает, что перерасчёт производится автоматически, без подачи гражданами заявлений. [1; 16; 17]

4. Ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) и связанные меры

Ежемесячная денежная выплата является ключевым видом федеральной поддержки для льготных категорий граждан и ежегодно индексируется с 1 февраля. [18; 4] Право на ЕДВ имеют, в частности, инвалиды всех групп, участники и инвалиды Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, лица, подвергшиеся воздействию радиации, Герои СССР и РФ, а также иные категории федеральных льготников. [19; 18]

С 1 февраля 2026 года размеры ЕДВ для указанных категорий увеличиваются на 5,6% в соответствии с установленным коэффициентом. [1; 2; 16] В региональных сообщениях СФР приводятся новые конкретные суммы: например, для инвалидов I группы — около 6 157 рублей, для инвалидов II группы — порядка 4 397 рублей, для инвалидов III группы — около 3 115 рублей, с учётом повышения по коэффициенту 1,056. [16]

Получатели ЕДВ одновременно обладают правом на набор социальных услуг, предоставляемых в натуральной форме либо в де-

нежном эквиваленте. [4; 18] С февраля 2026 года денежный эквивалент НСУ также индексируется на 5,6%, в результате чего его стоимость достигает примерно 1 825 рублей в месяц. [16; 7] Как подчёркивается в разъяснениях СФР и экспертных материалов, индексация ЕДВ и НСУ осуществляется автоматически и не требует дополнительных обращений граждан. [16; 7; 17]

5. Материнский капитал и иные семейные выплаты

Материнский (семейный) капитал является одним из наиболее значимых инструментов государственной поддержки семей с детьми и также подлежит ежегодной индексации. [6; 20] С 1 февраля 2026 года размер материнского капитала увеличивается на 5,6% по официальному уровню инфляции 2025 года. [6; 20]

С учётом индексации сумма материнского капитала на первого ребёнка в 2026 году составляет порядка 728–737 тыс. рублей, а на второго ребёнка — около 970–975 тыс. рублей (при условии, что право ранее не реализовывалось). [6; 20; 21] Конкретные значения зависят от окончательно утверждённых параметров бюджета Социального фонда и могут незначительно различаться в различных официальных и экспертных публикациях, однако общий вектор роста закреплён в федеральном законодательстве. [20; 21]

Повышение материнского капитала синхронизировано с индексацией ряда детских пособий, в том числе ежемесячных выплат на детей в малообеспеченных семьях и других мер поддержки. [2; 6] Такие меры направлены на сохранение покупательной способности семейных выплат и частичную компенсацию роста цен на товары и услуги, необходимые для содержания детей. [2; 15]

6. Категории лиц, не охваченные февральской индексацией

Важно подчеркнуть, что февральская индексация 2026 года не распространяется на все виды пенсий и выплат. [1; 15] Так, страховые пенсии по старости и аналогичные выплаты с 1 февраля не увеличиваются, поскольку их индексация уже проведена с 1 января 2026 года на 7,6%, что превышает уровень инфляции за 2025 год. [5; 8; 22]

Если пенсионер получает только страхо-

вую пенсию и не относится к числу федеральных льготников, имеющих право на ЕДВ, его доход с 1 февраля 2026 года не изменится. [1; 7] Социальные пенсии в рамках государственного пенсионного обеспечения подлежат индексации, как правило, с 1 апреля, а не с 1 февраля, причем в 2026 году планируется их повышение примерно на 6,8%. [14; 23; 24]

Таким образом, с точки зрения объёма поддержки февральская индексация преимущественно ориентирована на получателей ЕДВ, семейные выплаты и адресные льготы, а не на основной массив страховых пенсий. [1; 15] Это приводит к различиям в динамике доходов между различными группами пенсионеров и льготников, что имеет как социальное, так и юридическое значение. [23; 24]

7. Отдельные категории пенсионеров: особенности индексации и перерасчёт

Для отдельных категорий пенсионеров закон предусматривает специальные правила определения размера пенсии, которые взаимодействуют с механизмами индексации. [9; 4] Так, у граждан, достигших возраста 80 лет, фиксированная выплата к страховой пенсии по старости удваивается, причём такой перерасчёт осуществляется независимо от ежегодной индексации. [25; 10] В 2026 году удвоенная фиксированная выплата для лиц старше 80 лет достигает порядка 19 тыс. рублей в месяц, без учёта надбавок и региональных доплат. [25; 10]

Аналогичное правило удвоения фиксированной выплаты применяется к инвалидам I группы, для которых пенсия рассчитывается исходя из повышенного базового уровня обеспечения. [25; 10] Индексация в январе 2026 года увеличивает базовый размер фиксированной выплаты, а специальные перерасчёты (в связи с достижением 80-летнего возраста или установлением I группы инвалидности) проводятся поверх уже проиндексированного значения. [9; 10]

Работающие пенсионеры, в отличие от предыдущего периода, вновь включены в систему индексации страховых пенсий, что предусмотрено решениями на 2025–2026 годы. [14; 8] Помимо январского повышения, они традиционно получают индивидуальный перерасчёт в августе, исходя из пенсионных

коэффициентов, начисленных за прошлый год, хотя такой перерасчёт ограничен максимальным количеством учитываемых баллов. [14; 8] Для многодетных матерей с пятью и более детьми с 2026 года уточнён порядок учёта периодов ухода за детьми, что влияет на суммарное количество пенсионных баллов и, соответственно, на размер страховой пенсии. [26; 8]

8. Процедурные аспекты: роль Социального фонда России

Практическая реализация индексации возложена на Социальный фонд России, который выступает правопреемником ПФР и ФСС и осуществляет назначение и выплату пенсий, пособий и социальных выплат. [26; 4] В официальных разъяснениях СФР подчёркивается беззаявительный характер индексации: все выплаты, подлежащие повышению, пересчитываются автоматически, а новые суммы зачисляются получателям в обычные сроки выплаты. [1; 16; 17]

С точки зрения административного процесса индексированные суммы отражаются в личных кабинетах граждан на портале госулуг и сервисах СФР, что обеспечивает доступность информации о новых размерах выплат. [26; 4] При этом порядок доставки денежных средств (через кредитные организации, почтовые отделения, организации, осуществляющие доставку на дом) не изменяется; меняется только размер перечисляемых сумм. [1; 16]

Социальный фонд также осуществляет информирование граждан через региональные пресс-релизы, горячие линии и приём в клиентских службах и МФЦ, разъясняя, какие именно выплаты повышаются с 1 февраля, а какие — с иных дат (1 января или 1 апреля). [26; 17; 15] Это имеет значение с точки зрения реализации права граждан на получение полной и достоверной информации о мерах социального обеспечения. [4; 15]

9. Социальная доплата к пенсии и прожиточный минимум пенсионера

Отдельный пласт регулирования связан с социальной доплатой к пенсии до уровня прожиточного минимума пенсионера (ПМП). [23; 4] В 2026 году продолжается курс на унификацию федеральной и региональных со-

циальных доплат, с постепенной передачей полномочий по их назначению Социальному фонду России, за исключением отдельных субъектов (в частности, Москвы и Сахалинской области), сохранивших собственные схемы. [26; 23]

На федеральном уровне прожиточный минимум пенсионера в 2026 году установлен на уровне порядка 16,2–16,3 тыс. рублей в месяц, что превышает показатель 2025 года. [23; 27] В ряде регионов ПМП устанавливается выше федерального значения, что обуславливает необходимость региональных доплат; примером служит город Москва, где прожиточный минимум пенсионера традиционно значительно выше общероссийского. [23]

Индексация пенсий и социальных выплат в совокупности с изменением ПМП влияет на размер социальной доплаты: при повышении пенсии и иных доходов пенсионера величина доплаты может сокращаться либо полностью прекращаться, однако общий доход не должен быть ниже установленного прожиточного минимума. [4; 23] Это создаёт специфическую правовую ситуацию, когда формальная индексация пенсии не всегда приводит к пропорциональному росту общей суммы денежных поступлений пожилого гражданина. [23; 24]

10. Сравнительный анализ индексации 2025 и 2026 годов

Сравнительный анализ позволяет оценить устойчивость и предсказуемость механизма индексации. [14; 11] В 2025 году индексация страховых пенсий сопровождалась доиндексацией в феврале, что фактически довело общий прирост до уровня, сопоставимого или несколько превышающего инфляцию соответствующего периода. [11; 12] В 2026 году индексация страховых пенсий с 1 января на 7,6% уже превышает фактическую инфляцию за 2025 год (5,6%), что исключает необходимость дополнительного повышения в феврале. [22; 28; 1]

Февральская индексация 2026 года в размере 5,6% применяется к ЕДВ, НСУ, материнскому капиталу и ряду пособий, тем самым выравнивая их рост с динамикой цен. [1; 2; 6] По сравнению с 2025 годом, когда обсуждалась возможная индексация ЕДВ на 6,8% по прогнозной инфляции, фактический коэффициент 1,056 отражает более умеренную инфляционную нагрузку на экономику. [18; 19; 15]

В целом сочетание январской индексации пенсий и февральской индексации социальных выплат в 2026 году позволяет выполнить конституционное требование об индексации не ниже уровня инфляции. [3; 14; 23]

Заключение

Индексация выплат с 1 февраля 2026 года является важным элементом действующей в Российской Федерации системы пенсионного и социального обеспечения, обеспечивая адаптацию доходов льготных категорий граждан к инфляции. [1; 2] В отличие от январской индексации страховых пенсий, февральское повышение ориентировано прежде всего на получателей ЕДВ, обладателей права на набор социальных услуг, семьи с детьми и иных льготников, а также на увеличение материнского капитала. [1; 16; 6]

С точки зрения правового регулирования индексация строится на сочетании конституционных гарантий, базовых федеральных законов и ежегодных бюджетных решений, что придаёт системе одновременно гибкость и определённую нестабильность. [3; 12] В 2026 году ключевые параметры (7,6% — для страховых пенсий с 1 января и 5,6% — для ЕДВ и ряда пособий с 1 февраля) позволяют обеспечить индексацию не ниже фактической инфляции. [5; 1; 22]

При дальнейшем совершенствовании законодательства целесообразно рассмотреть возможность большей унификации сроков и подходов к индексации различных видов пенсионных и социальных выплат. [3; 4; 23]

Список литературы:

- [1] *Какие выплаты будут проиндексированы с 1 февраля 2026 года* // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/697c41af9a794763b4e36286> (дата обращения: 10.02.2026).
[2] *Что изменится в России с 1 февраля 2026 года* // СПС Гранат. URL: <https://www.>

garant.ru/article/1979697/ (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Президент: обязанность государства по индексации пенсий нужно закрепить в Конституции // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/prezident-indeksaciyu-pensiy-nuzhno-zakreplit-v-konstitucii.html> (дата обращения: 10.02.2026).

[4] Индексация пенсий // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/index_pens (дата обращения: 10.02.2026).

[5] С 1 января 2026 года в России проиндексированы пенсии // Объясняем.рф. URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/s-1-yanvarya-2026-goda-v-rossii-proindeksirovany-pensii/> (дата обращения: 10.02.2026).

[6] Что изменится с 1 февраля 2026 года и как на этом отразится индексация маткапитала, пенсий и пособий: новые правила семейной ипотеки // Финуслуги. URL: https://finuslugi.ru/navigator/kak-ehto-rabotaet/stat_izmeneniya-v-fevrale-2026-indeksaciya-matkapitala-pensij-i-posobij-novye-pravila-semejnoj-ipoteki (дата обращения: 10.02.2026).

[7] Индексация соцвыплат 2026 с 1 февраля: +5,6% // ВоенСчёт. URL: <https://voenschet.ru/informacziya/voennaya-pensiya/indeksacziya-soczvyplat-s-01-02-2026-cto-vyrastet-na-56-i-kak-poluchit-pribavku> (дата обращения: 10.02.2026).

[8] Страховая пенсия: размер в 2026 году и формула расчета // ВЭБ.РФ. URL: <https://pensiya.veb.ru/news/strahovaja-pensija-razmer-v-2026-godu-i-formula-rascheta/> (дата обращения: 10.02.2026).

[9] Статья 16. Закон «О страховых пенсиях» № 400-ФЗ // Законодательство Российской Федерации. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-strahovyh-pensiyah-400-fz/st-16.php> (дата обращения: 10.02.2026).

[10] Статья 16. Фиксированная выплата к страховой пенсии // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70552688/7a58987b486424ad79b62aa427dab1df/> (дата обращения: 10.02.2026).

[11] Индексация пенсий в 2025 году: даты, размеры, порядок // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250326/pensii-1867694740.html> (дата обращения: 10.02.2026).

[12] Определен порядок индексации пенсий в 2025 году // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/article/1790879/> (дата обращения: 10.02.2026).

[13] Двухэтапная индексация размера страховых пенсий // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/news/1865444/> (дата обращения: 10.02.2026).

[14] Индексация пенсий в 2026 году: сроки и суммы // РИАМО. URL: <https://riamo.ru/articles/aktsenty/indeksatsiya-pensij-v-2026-godu-sroki-i-summy/> (дата обращения: 10.02.2026).

[15] Подробный гид по февральской индексации соцвыплат 2026 года: кто получит прибавку и как изменятся суммы // Одобрели. URL: <https://refinanc.ru/journal/podrobnyy-gid-po-fevral'skoy-indeksatsii-sotsvyplat-2026-kto-poluchit-pribavku-i-kak-izmenyatsya-summ/> (дата обращения: 10.02.2026).

[16] С 1 февраля 2026 года увеличены размеры ежемесячной денежной выплаты и набора социальных услуг // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/vologda/news/~2026/02/02/278523> (дата обращения: 10.02.2026).

[17] Сергей Чирков: Соцфонд проиндексировал социальные и иные выплаты // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/news/~2026/02/01/278483 (дата обращения: 10.02.2026).

[18] ЕДВ в 2026 году // Время бухгалтера. URL: <https://www.v2b.ru/articles/edv-v-2024-godu/> (дата обращения: 10.02.2026).

[19] Повышение соцпособий с 1 февраля коснется 16 млн человек // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25419893> (дата обращения: 10.02.2026).

[20] Материнский капитал в 2026 году вырастет // Frank Media. URL: <https://frankmedia.ru/220976> (дата обращения: 10.02.2026).

[21] Материнский капитал проиндексируют в 2026 году // Федерация профсоюзов Челябинской области. URL: <https://chelprof.ru/index.php?page=3&blog=4382> (дата обращения: 10.02.2026).

- [22] Проиндексируют ли пенсии вторично в 2026 году? // БанкИнформ. URL: <https://bankinform.ru/news/140354> (дата обращения: 10.02.2026).
- [23] Пенсия в 2026 году: новые правила, индексация, доплаты, особенности // Рамблер / Личные финансы. URL: <https://finance.rambler.ru/finansovaya-gramotnost/55792557-pensiya-v-2026-godu-novye-pravila-indeksatsiya-doplaty-osobennosti/> (дата обращения: 10.02.2026).
- [24] В России проиндексируют все виды пенсий в 2026 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/691190f99a794727053cf4eb> (дата обращения: 10.02.2026).
- [25] О фиксированной выплате // Официальный сайт органов местного самоуправления города Когалыма. URL: <https://admkogalym.ru/upload/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%8B/%D0%A3%D0%9F%D0%A4/%D0%9E%20%D0%A4%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%99%20%D0%92%D0%AB%D0%9F%D0%9B%D0%90%D0%A2%D0%95.docx> (дата обращения: 10.02.2026).
- [26] Услуги Социального фонда России – 2026: что ждет россиян с нового года // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/news~2025/12/29/277953 (дата обращения: 10.02.2026).
- [27] Что изменится в России с 1 января 2026 года // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/article/1951506/> (дата обращения: 10.02.2026).
- [28] Повышение пенсии и пособий с 1 февраля 2026 года: кому и на сколько прибавят выплаты // Банки сегодня. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/pensii-i-vyplaty/povyshenie-pensii-i-posobiy-s-1-fevralya-2026-goda-komu-i-na-skolko-pribavyat-vyplaty> (дата обращения: 10.02.2026).
- [29] Прокуратура разъясняет: с 1 февраля 2026 года изменяются размеры отдельных выплат // Плюсский муниципальный округ Псковской области. URL: https://plyusskij-r58.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_947.html (дата обращения: 10.02.2026).
- [30] ЕДВ: что это за выплата, кому положена, размер // Frank Media. URL: <https://frankmedia.ru/257012> (дата обращения: 10.02.2026).
- [31] Пенсия 2026: индексация пенсий в 2026 году – сроки, размеры, особенности // Pro-ability.ru. URL: https://www.pro-ability.ru/article_hr/tpost/vu2bdtmss1-pensiya-2026-indeksatsiya-pensii-v-2026 (дата обращения: 10.02.2026).

References:

- [1] What payments will be indexed from February 1, 2026 // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/697c41af9a794763b4e36286> (date accessed: February 10, 2026).
- [2] What will change in Russia from February 1, 2026 // SPS Granat. URL: <https://www.garant.ru/article/1979697/> (date accessed: February 10, 2026).
- [3] President: the state's obligation to index pensions should be enshrined in the Constitution // Parliamentary Newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/social/prezident-indeksaciyu-pensiy-nuzhno-zakrepi-v-konstitucii.html> (date accessed: February 10, 2026).
- [4] Pension Indexation // Social Fund of Russia. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/index_pens (date of access: 10.02.2026).
- [5] Pensions in Russia have been indexed as of January 1, 2026 // Obyasnyem.rf. URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/s-1-yanvary-2026-goda-v-rossii-proindeksirovany-pensii/> (date of access: 10.02.2026).
- [6] What will change as of February 1, 2026, and how will the indexation of maternity capital, pensions, and benefits affect this: new rules for family mortgages // Finuslugi. URL: https://finuslugi.ru/navigator/kak-ehto-rabotaet/stat_izmeneniya-v-fevrale-2026-indeksaciya-matkapitala-pensij-i-posobij-novye-pravila-semejnoj-ipoteki (Accessed: 10.02.2026).
- [7] Indexation of social payments 2026 from February 1: +5.6% // VoenSchet. URL: <https://>

voenschet.ru/informacziya/voennaya-pensiya/indeksacziya-soczyvyplat-s-01-02-2026-chto-vyrastet-na-56-i-kak-poluchit-pribavku (Accessed: 10.02.2026).

[8] Insurance pension: amount in 2026 and calculation formula // VEB.RF. URL: <https://pensiya.veb.ru/news/strahovaja-pensija-razmer-v-2026-godu-i-formula-rascheta/> (date of access: 10.02.2026).

[9] Article 16. Law No. 400-FZ «On Insurance Pensions» // Legislation of the Russian Federation. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-strahovyh-pensiyah-400-fz/st-16.php> (date of access: 10.02.2026).

[10] Article 16. Fixed payment to the insurance pension // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/70552688/7a58987b486424ad79b62aa427dab1df/> (date of access: 10.02.2026).

[11] Pension indexation in 2025: dates, amounts, procedure // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250326/pensii-1867694740.html> (date of access: 10.02.2026).

[12] The procedure for pension indexation in 2025 has been determined // SPS Garant. URL: <https://www.garant.ru/article/1790879/> (date of access: 10.02.2026).

[13] Two-stage indexation of the amount of insurance pensions // SPS Garant. URL: <https://www.garant.ru/news/1865444/> (accessed: 10.02.2026).

[14] Pension indexation in 2026: deadlines and amounts // RIA MO. URL: <https://riamo.ru/articles/aktsenty/indeksatsiya-pensij-v-2026-godu-sroki-i-summy/> (accessed: 10.02.2026).

[15] A detailed guide to the February 2026 indexation of social payments: who will receive an increase and how the amounts will change // Approved. URL: <https://refinanc.ru/journal/podrobnyy-gid-po-fevral'skoy-indeksatsii-sotsvyplat-2026-kto-poluchit-pribavku-i-kak-izmenyatsya-summ/> (accessed: 10.02.2026).

[16] From February 1, 2026, the amounts of monthly cash payments and the set of social services have been increased // Social Fund of Russia. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/vologda/news/~2026/02/02/278523> (accessed: 10.02.2026).

[17] Sergey Chirkov: The Social Fund has indexed social and other payments // Social Fund of Russia. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/news/~2026/02/01/278483 (accessed: 10.02.2026).

[18] EDV in 2026 // Vremya bukhta. URL: <https://www.v2b.ru/articles/edv-v-2024-godu/> (accessed: 10.02.2026).

[19] Increase in social benefits from February 1 will affect 16 million people // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25419893> (accessed: 10.02.2026).

[20] Maternity capital will increase in 2026 // Frank Media. URL: <https://frankmedia.ru/220976> (accessed: 10.02.2026).

[21] Maternity capital will be indexed in 2026 // Federation of Trade Unions of the Chelyabinsk Region. URL: <https://chelpref.ru/index.php?page=3&blog=4382> (date accessed: 10.02.2026).

[22] Will pensions be indexed again in 2026? // BankInform. URL: <https://bankinform.ru/news/140354> (date accessed: 10.02.2026).

[23] Pensions in 2026: new rules, indexation, additional payments, features // Rambler / Personal Finances. URL: <https://finance.rambler.ru/finansovaya-gramotnost/55792557-pensiya-v-2026-godu-novye-pravila-indeksatsiya-doplatty-osobennosti/> (accessed: 10.02.2026).

[24] All types of pensions in Russia will be indexed in 2026 // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/691190f99a794727053cf4eb> (accessed: 10.02.2026).

[25] On fixed payments // Official website of local government bodies of the city of Kogalym. URL: <https://admkogalym.ru/upload/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%8B%D0%A3%D0%9F%D0%A4%D0%9E%20%D0%A4%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%99%20%D0%92%D0%AB%D0%9F%D0%9B%D0%90%D0%A2%D0%95.docx> (accessed: 10.02.2026).

[26] Services of the Social Fund of Russia – 2026: what awaits Russians from the new year // Social Fund of Russia. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/news~2025/12/29/277953 (accessed: 10.02.2026).

[27] *What will change in Russia from January 1, 2026 // SPS Garant.* URL: <https://www.garant.ru/article/1951506/> (accessed: 10.02.2026).

[28] *Pension and benefit increases from February 1, 2026: who will receive the increase and by how much // Banks today.* URL: <https://bankstoday.net/last-articles/pensii-i-vyplaty/povyshenie-pensii-i-posobiy-s-1-fevralya-2026-goda-komu-i-na-skolko-pribavyat-vyplaty> (accessed: 10.02.2026).

[29] *The prosecutor's office explains: the amounts of certain payments will change from February 1, 2026 // Plussky Municipal District of the Pskov Region.* URL: https://plyusskij-r58.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_947.html (accessed: 10.02.2026).

[30] *EDV: what is this payment, who is eligible, and how much // Frank Media.* URL: <https://frankmedia.ru/257012> (accessed: 10.02.2026).

[31] *Pension 2026: pension indexation in 2026 – terms, amounts, features // Pro-ability.ru.* URL: https://www.pro-ability.ru/article_hr/tpost/vu2bdtmss1-pensiya-2026-indeksatsiya-pensii-v-2026 (accessed: 10.02.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ШИРЕНИН Роман Павлович,
специалист
Федерального государственного унитарного предприятия
«Российский федеральный ядерный центр –
Всероссийский научно-исследовательский институт э
кспериментальной физики»,
г. Саров, Россия,
e-mail: RPShirenin@vniief.ru

ИМЕЮТ ЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПИСЬМА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ СИЛУ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье исследуется правовой статус информационных писем органов государственного финансового контроля (Минфина России, ФАС России и др.) в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ). Цель работы — определить, обладают ли такие документы силой нормативных правовых актов и могут ли они считаться официальными разъяснениями законодательства о ГОЗ. Методологической основой исследования является формально-юридический анализ норм Конституции РФ, федеральных законов, подзаконных актов и судебной практики, в частности позиций Конституционного и Верховного Судов РФ. На основании проведенного анализа систематизированы формальные критерии, которым должен соответствовать нормативный правовой акт (официальное принятие, опубликование, государственная регистрация, распространение на неопределенный круг лиц). Детально рассмотрена и сопоставлена правоприменительная практика и внутренние регламенты Минфина России и ФАС России, касающиеся выдачи разъяснений. В результате доказано, что информационные письма контролирующих органов по вопросам ГОЗ, не будучи изданными и опубликованными в установленном для нормативных актов порядке, не обладают юридической силой официальных разъяснений. Заключительный вывод статьи состоит в том, что данные документы носят исключительно информационно-справочный характер, а их использование в качестве нормативного основания при разрешении споров является правомерным лишь в случае прямого дублирования норм действующего законодательства без их искажения.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, информационные письма, нормативный правовой акт, государственный финансовый контроль, правовой статус.

SHIRENIN Roman Pavlovich,
Specialist,
Federal State Unitary Enterprise
«Russian Federal Nuclear Center - All-Russian Research Institute of Experimental Physics,»
Sarov, Russia

DO INFORMATIONAL LETTERS FROM STATE FINANCIAL CONTROL BODIES CARRY THE FORCE OF REGULATORY LEGAL ACTS IN THE SPHERE OF THE STATE DEFENSE ORDER: THE LEGAL ASPECT

Annotation. The article examines the legal status of informational letters issued by state financial control bodies (the Ministry of Finance of Russia, the FAS of Russia, etc.) in the sphere of the state defense order (SDO). The aim is to determine whether such documents carry the force of regulatory legal acts and can be considered official clarifications of SDO legislation. The methodological basis

of the research is a formal legal analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation, federal laws, by-laws, and judicial practice, particularly the positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. Based on the conducted analysis, the formal criteria that a regulatory legal act must meet (official adoption, publication, state registration, application to an indefinite circle of persons) are systematized. The law enforcement practice and internal regulations of the Ministry of Finance of Russia and the FAS of Russia concerning the issuance of clarifications are examined and compared in detail. As a result, it is proven that informational letters of control bodies on SDO issues, not being issued and published in the manner established for regulatory acts, do not possess the legal force of official clarifications. The final conclusion of the article is that these documents are of a purely informational and advisory nature, and their use as a normative basis for dispute resolution is legitimate only in cases of directly duplicating the norms of current legislation without distorting them.

Key words: *state defense order, informational letters, normative legal act, state financial control, legal status.*

Нормотворческая (или правотворческая) деятельность заключается в издании органами государственного финансового контроля нормативных правовых актов в рамках своих компетенций, регулируется Конституцией РФ и федеральным законодательством. В отличие от других направлений правотворческой (нормотворческой) деятельности, правила о разделении предметов ведения (полномочий) между федеральным центром в лице Российской Федерации и субъектами РФ в сфере ГОЗ не действуют в силу особенностей формирования ГОЗ, закрепленных в ФЗ «О ГОЗ».

В Конституции РФ прописаны два основных блока норм, которые предусматривают:

1. Основные требования к принимаемым нормативным правовым актам (законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ; любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения).

2. Полномочия отдельных органов государственной власти (подзаконные нормативные акты федерального уровня принимаются Президентом РФ, Правительством РФ, федеральными органами исполнительной власти).

Отдельного внимания заслуживает Постановление Государственной Думы РФ № 781-П ГД от 11.11.1996, в котором отмечено, что в действующем законодательстве пока отсутствует определение понятия «нормативный правовой акт». Вместе с тем, в юридической

доктрине принято исходить из того, что нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение [1].

Президент РФ Указом № 314 от 09.03.2004 [2] закрепил понятие функций по принятию нормативных правовых актов, под которыми следует понимать издание на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами правил поведения, распространяющихся на неопределенный круг лиц.

При подготовке нормативных правовых актов в сфере своих полномочий субъекты государственного финансового контроля руководствуются Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [3].

Важное значение при вступлении нормативных правовых актов в законную силу имеет тот факт, что все нормативные правовые акты, рассчитанные на неоднократное применение, подлежат государственной регистрации Министерством юстиции РФ.

Предлагаем нормативным правовым актом в сфере ГОЗ считать письменный официальный документ, принятый (изданный) субъектом контроля ГОЗ в пределах своих полномочий (компетенций), являющийся обязательным для исполнения подконтрольными субъектами и направленный на урегулирование правоотношений в сфере ГОЗ.

Полномочия конкретных органов исполнительной власти в области нормотворческой (правотворческой) деятельности в сфере ГОЗ устанавливаются федеральным законодательством и иными нормативными правовыми актами федерального уровня. ***Нормативные правовые акты органов исполнительной власти издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений, если иное не предусмотрено законодательством РФ. Акты, издаваемые в ином виде, не должны содержать предписания нормативного правового характера.***

Кроме того, федеральными законами, регулирующими правоотношения в отдельных отраслях, может быть предусмотрена своя, уникальная (частная) иерархия нормативных правовых актов, действующих в данной отрасли.

В процессе рассмотрения (изучения, анализа) законодательства и правоприменительной практики в сфере ГОЗ нами установлено (выявлено), что при возникновении разногласий между субъектами контроля и подконтрольными субъектами часто, в качестве обоснования своей позиции, приводятся ссылки на письма официальных органов финансового контроля в сфере ГОЗ (Правительства РФ, Минфина РФ, ФАС России и др.), а также Государственных Заказчиков ГОЗ. При этом до настоящего времени многие объекты и субъекты финансового контроля не понимают, почему письма органов финансового контроля в сфере ГОЗ и Государственных Заказчиков ГОЗ не являются официальными разъяснениями действующего законодательства в сфере ГОЗ.

Постараемся проанализировать (разобраться, определить) правовой статус указанных писем на примере Минфина РФ, ФАС России и Государственных Заказчиков в сфере ГОЗ, а также могут ли являться вышеуказанные письма правовыми актами, имеющими

юридическую силу.

Во-первых, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ № 17-П от 17.11.1997, разъяснения законов должны приниматься, подписываться и обнародоваться в том же порядке, что и разъясняемый ими законодательный акт, то есть с обязательным соблюдением требований статей 105, 106 и 107 Конституции РФ, предъявляемых к принятию федеральных законов [4].

Разъяснения законодательных актов являются государственными предписаниями, обязательными для исполнения, адресованными неопределенному кругу лиц и рассчитаны на многократное применение. Конституционный Суд РФ акцентирует внимание на том, что официальные разъяснения законодательных актов содержат конкретизирующие нормативные предписания, общие правила, имеющие нормативный правовой характер и при этом наделены той же силой, что и разъясняемые ими акты – федеральные законы. Таким образом, полагаем, что федеральные законы в области ГОЗ не имеют юридической правоспособности комментировать (разъяснять) ни один из субъектов контроля в сфере ГОЗ, если данное право им не дано данным федеральным органом.

Следует отметить, что без обнародования (официального опубликования) в том же порядке, что и разъясняемый законодательный акт, ни одно из писем органов финансового контроля (Минфина РФ и ФАС России и др.), в соответствии с действующим Постановлением Конституционного Суда РФ № 17-П от 17.11.1997, не является официальным разъяснением законодательства РФ о ГОЗ, так как данные письма не опубликованы (не обнародованы) в установленном законом порядке.

Во-вторых, в соответствии с пунктом 2.5 Постановления Правительства РФ № 1009 от 13.08.1997 [3], издание нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти в виде писем и телеграмм, а с 30.09.2019 также и в виде распоряжений не допускается. Акт, признанный Минюстом РФ не нуждающимся в регистрации подлежит официальному опубликованию, но порядок вступления такого акта в силу определяется федеральным органом исполнительной власти, издавшим акт (в соответствии с пунктом

4 Указа Президента РФ № 668 от 14.10.2014; пунктом 17 Правил, утвержденных Постановлением Правительства РФ № 1009 от 13.08.1997). С 01.01.2016 для всех актов, не нуждающихся в регистрации, установлен единый источник официального опубликования – «Официальный интернет-портал правовой информации».

Однако не все федеральные органы исполнительной власти утвердили порядок опубликования и вступления в силу своих актов, признанных Минюстом РФ не нуждающимися в регистрации.

Акты Минфина РФ, признанные не нуждающимися в государственной регистрации, вступают в силу со дня их размещения (опубликования) на Официальном интернет-портале правовой информации, если самими актами не установлен иной срок вступления их в силу в соответствии с приказом Минфина РФ № 211н от 29.11.2017 [5].

Аналогичные приказы по условиям и порядку вступления актов федеральных органов исполнительной власти изданы и другими органами финансового контроля за ГОЗ (приказ ФАС России № 532/22 от 21.07.2022; приказ Минэкономразвития РФ № 120 от 17.03.2017; приказ Минпромторга РФ № 4382 от 08.12.2017; приказ Федерального Казначейства РФ № 7н от 07.06.2016; приказ Госкорпорации «Росатом» № 1/789-П от 22.09.2011 и др.).

Следовательно, если акт субъекта финансового контроля в сфере ГОЗ опубликован в установленном порядке, то он является официально вступившим в силу правовым актом. Необходимо отметить, что письма, телеграммы и распоряжения субъектов финансового контроля в сфере ГОЗ не являются официальными правовыми актами.

В-третьих, субъекты финансового контроля могут давать разъяснения нормам какого-либо законодательного акта в случае, если в данном законодательном акте прописаны полномочия данного субъекта финансового контроля на предоставление таких разъяснений.

Например, руководствуясь пунктом 5 части 2 статьи 23 ФЗ № 135-ФЗ от 26.07.2006 «О защите конкуренции» [6] ФАС России дает разъяснения по вопросам применения ею ан-

тимонопольного законодательства.

ФЗ «О ГОЗ» не уполномочил ни один орган финансового контроля правом давать разъяснения и рекомендации по нормативным правовым актам в сфере ГОЗ.

В соответствии с пунктом 11.8 Регламента Минфина РФ [7] (утвержден Приказом № 194н от 14.09.2018), Минфином РФ не осуществляется разъяснение законодательства РФ, практики его применения, практики применения приказов, а также толкование норм, терминов и понятий по обращениям, за исключением случаев, если на Минфин РФ возложена соответствующая обязанность или если это необходимо для обоснования решения, принятого по обращению. Кроме того, в Минфине РФ не рассматриваются по существу обращения по проведению экспертиз договоров, учредительных и иных документов предприятий, выполняющих ГОЗ, а также по оценке их конкретных хозяйственных ситуаций. Поэтому Минфин РФ во всех письмах информирует, что данные письма не являются официальными разъяснениями и носят информационный характер (как, например, письма Минфина РФ № 02-12-12/52908 от 29.05.2025; № 03-02-08/12057 от 13.02.2024; № 02-09-10/61895 от 25.06.2025; № 02-12-14/54698 от 13.06.2024; № 02-09-10/64689 от 11.07.2024 и множество других).

Данный вывод полностью согласуется с позицией Минфина РФ, изложенной в ответе на вопрос заявителя от 21.04.2025 «О перечислении целевых средств с лицевого счета участника казначейского сопровождения – исполнителя по госконтракту в рамках гособоронзаказа на его расчетный счет в целях возмещения расходов», в котором заместитель директора Департамента бюджетной методологии Минфина РФ сообщил, что «в соответствии с Положением о Министерстве финансов Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 года № 329, Минфин РФ является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере бюджетной деятельности, при этом Минфину РФ не предоставлено право официального толкования законодательных

или иных нормативных правовых актов и практики их применения, а также по оценке конкретных хозяйственных операций. Согласно пункту 11.8 Регламента Министерства финансов РФ, утвержденного приказом № 194н от 14.09.2018, Минфином РФ не осуществляется разъяснение законодательства Российской Федерации, практики его применения, практики применения нормативных правовых актов, а также толкование норм, терминов и понятий по обращениям организаций, за исключением случаев, если на него возложена соответствующая обязанность. Однако Минфин РФ посчитал возможным высказать мнение в пределах компетенции [8].

Ситуация с письмами ФАС России несколько отличается от позиции Минфина РФ. Анализ правоприменительной практики показал, что в своих письмах ФАС России осуществляет просто информирование о нормах законодательства без искажения его смысла. И тогда, полагаем, ФАС России действует в пределах своих полномочий. Но если информация, содержащаяся в письмах ФАС России, выходит за пределы дублирования норм законодательства, то тогда считаем, что ФАС России превышает свои полномочия. Наша позиция основана на выводах Верховного Суда РФ, который в Решении № АКПИ19-798 от 09.12.2019 [9] указывает ФАС России на то, что она превысила свои полномочия, так как не наделена какими-либо полномочиями по разъяснению законодательства в сфере закупок.

Свою позицию Верховный Суд РФ обосновал следующим. Согласно пункту 2 Постановления Правительства РФ № 728 от 26.08.2013, пункту 1 Положения о Федеральной антимонопольной службе, ФАС России является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в числе прочего функции по контролю (надзору) в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Действующим законодательством ФАС России не наделена полномочиями давать разъяснения норм ФЗ «О контрактной системе». Ссылка ФАС России на пункт 5.4 Положения и пункт 9.1 Регламента ФАС России, утвержденного приказом ФАС России № 105 от 09.04.2007, в качестве осно-

вания для издания оспариваемых разъяснений является несостоятельной, поскольку указанными положениями ФАС России наделена полномочиями обобщать и анализировать практику применения законодательства РФ в установленной сфере деятельности, разрабатывать рекомендации по применению антимонопольного законодательства, направлять в территориальные органы приказы и информационные письма.

Данная позиция об отсутствии у ФАС России полномочий по разъяснению законодательства РФ в сфере закупок была поддержана также Минюстом РФ и Генеральной прокуратурой РФ, а также Апелляционной коллегией Верховного Суда РФ. При этом в своем Апелляционном определении № АПЛ20-49 от 19.03.2020 Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ подчеркнула, что судом первой инстанции правильно указано в решении, что действующим законодательством ФАС России не наделена полномочиями давать разъяснения норм ФЗ «О контрактной системе», а также разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах [10].

Данная правовая позиция Верховного Суда РФ применима и к законодательству РФ о закупках отдельными видами юридических лиц, так как последнее также, как и ФЗ «О контрактной системе», не является частью антимонопольного законодательства.

Однако пунктом 1 статьи 2 ФЗ № 210-ФЗ от 27.07.2010 [11] деятельность по предоставлению разъяснений законодательства отнесена к государственным услугам, оказываемым ФАС России. При этом предоставление государственных услуг осуществляется ФАС России в соответствии с административным регламентом (пункт 1 статьи 12 ФЗ № 210-ФЗ от 27.07.2010), а размещение на своем официальном сайте в сети Интернет информации о своих административных регламентах обязывает ФАС России ФЗ № 8-ФЗ от 09.02.2009. В этой связи достаточно посетить официальный сайт ФАС России, где опубликованы два регламента по предоставлению функции разъяснения законодательства:

- Административный регламент по предоставлению государственной услуги по даче разъяснений по вопросам применения ФАС

20.01.2012).

Тем не менее информационные письма ФАС России применяются всеми субъектами и объектами ГОЗ как источник обоснования своей позиции. Однако предприятиям, выполняющим ГОЗ, необходимо иметь в виду, что информационные письма ФАС России не являются государственными предписаниями.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342593/ (дата обращения 01.02.2026).

[10] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ № АППИ20-49 от 19.03.2020 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ № АКПИ19-798 от 09.12.2019, которым признано недействующим письмо ФАС России от 18.06.2019 № ИА/50880/19 «О разъяснении положений Федерального закона № 44-ФЗ от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части заключения государственного контракта с победителем закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348827/ (дата обращения 01.02.2026).

[11] Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения 01.02.2026).

References:

[1] Resolution of the State Duma of the Russian Federation No. 781-P GD of November 11, 1996 «On Appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation» // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/183350/> (date of access 01.02.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation No. 314 of March 9, 2004 «On the System and Structure of Federal Executive Bodies» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (date of access 01.02.2026).

[3] Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1009 of August 13, 1997 “On approval of the rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration” // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/ (date of access 02/01/2026).

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P of 17.11.1997 «On the case of verifying the constitutionality of Resolutions of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 1090-1 GD of 21.07.1995 «On certain issues of application of the Federal Law «On Amendments and Supplements to the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» and No. 682-II GD of 11.10.1996 «On the Procedure for Applying Clause 2 of Article 855 of the Civil Code of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16835/ (date of access 01.02.2026).

[5] Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 211n of November 29, 2017 «On the procedure for the entry into force of regulatory legal acts of the Ministry of Finance of the Russian Federation recognized by the Ministry of Justice of the Russian Federation as not requiring state registration» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285923/ (date of access 01.02.2026).

[6] Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 «On the Protection of Competition» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (date of access 01.02.2026). [7] Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 194n of September 14, 2018 «On Approval of the Regulations of the Ministry of Finance of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308808/ (accessed February 1, 2026).

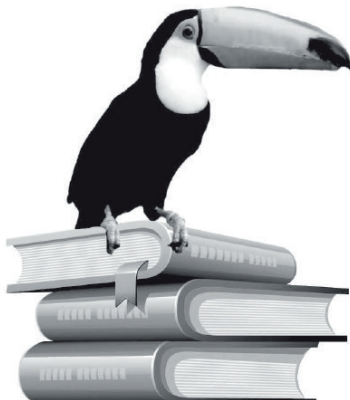
[8] Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 02-12-12/52908 of May 29, 2025 // Klerk.ru website. URL: https://www.klerk.ru/doc/658878/?srsltid=AfmBOorBx1E50qmSC5IkFPkFyzn7GDjWgMS4dejQofOmFl0i_ITJAz-R (accessed February 1, 2026).

[9] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. АКПИ19-798 dated 09.12.2019 “On declaring invalid from the date of adoption the letter of the FAS Russia No. IA/50880/19 dated 18.06.2019 “On clarification of the provisions of Federal Law No. 44-FZ dated 05.04.2013 “On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for meeting state and

municipal needs” in terms of concluding a government contract with the winner of the procurement applying the simplified taxation system” // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342593/ (date of access 01.02.2026).

[10] Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation No. APL20-49 dated March 19, 2020 “On leaving unchanged the decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI19-798 dated December 9, 2019, which invalidated the letter of the FAS Russia dated June 18, 2019 No. IA/50880/19 “On clarification of the provisions of Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013 “On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for meeting state and municipal needs” in terms of concluding a government contract with the winner of the procurement using the simplified taxation system” // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348827/ (accessed 01.02.2026).

[11] Federal Law «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» dated 27.07.2010 No. 210-FZ // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (accessed 01.02.2026).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-29-33

ГАЗЗАЕВА Мадина Тотрбековна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры частно-правовых дисциплин,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова,
e-mail: gazzaevamt@yandex.ru

ГАЗЗАЕВ Константин Викторович,
магистрант кафедры частно-правовых дисциплин,
СОГУ им. К.Л. Хетагурова,
e-mail: gazzaevamt@yandex.ru

СОЧЕТАНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу сложного и дискуссионного вопроса о сочетании частных и публичных интересов в сфере банковской деятельности. Рассматривается необходимость выстраивания баланса между свободой экономической деятельности кредитных организаций (частный интерес) и задачами государства по обеспечению финансовой стабильности, защите прав граждан и поддержанию экономического порядка (публичный интерес). Авторы исследуют, как превалирование одного из интересов может дестабилизировать систему: избыточное публичное регулирование душит инициативу, а бесконтрольное доминирование частного интереса банков угрожает общественной безопасности. Особое внимание уделено регулированию договорных отношений, в частности, процедуре банкротства должников, где проявляется конфликт интересов. В заключение предлагается законодательное решение для усиления защиты публичных интересов в кредитных правоотношениях.

Ключевые слова: банковская деятельность, частный интерес, публичный интерес, правовое регулирование, финансовая стабильность, защита прав потребителей, банкротство должника, кредитные отношения, государственное вмешательство.

GAZZAEVA Madina Totrbekovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Private Law Disciplines,
K.L. Khetagurov North Ossetian State University

GAZZAEV Konstantin Viktorovich,
Master's Student of the Department of Private Law Disciplines,
K.L. Khetagurov North Ossetian State University

COMBINATION OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN BANKING ACTIVITIES

Annotation. The article analyzes the complex and controversial issue of the combination of private and public interests in the field of banking. It examines the need to strike a balance between the freedom of economic activity of credit institutions (private interest) and the state's objectives of ensuring financial stability, protecting citizens' rights, and maintaining economic order (public interest). The author explores how the prevalence of one interest can destabilize the system: excessive

public regulation stifles initiative, while unchecked dominance of private interests by banks poses a threat to public safety. Special attention is paid to the regulation of contractual relations, in particular, the bankruptcy procedure for debtors, where a conflict of interests occurs. In conclusion, a legislative solution is proposed to strengthen the protection of public interests in credit relations.

Key words: *banking activities, private interest, public interest, legal regulation, financial stability, consumer protection, debtor bankruptcy, credit relations, government intervention.*

В процессе выполнения своих задач финансовые учреждения вступают в многообразные юридические отношения, где они одновременно отстаивают как частные, так и общественные интересы. Из определения основания «интереса», данного А.А. Осиповым, сделаем вывод, что «интерес» - это «причина, побуждающая совершать определенные действия (либо не совершать их)» [1, с. 9]. Из этого следует, что в юридическом контексте, указанные действия несут определенные правовые последствия.

При углублении в анализ взаимодействия частной выгоды и общественных потребностей в банковском секторе, следует констатировать, что эта область до сих пор вызывает активные споры. Данная тема на протяжении долгого времени является предметом интенсивных научных изысканий, порой даже в тех аспектах, где острой необходимости в рассмотрении нет, а сам интерес продиктован желанием следовать актуальным научным трендам. Тем не менее, в законодательной базе, регулирующей работу банков, одновременно присутствуют как нормы, защищающие частные права, так и предписания, служащие общественным целям.

Если общественные нужды станут доминировать в банковской сфере, это может оттолкнуть частных инвесторов и бизнесменов, которые воспримут это как неоправданное вмешательство государства в их собственность. С другой стороны, если интересы частных финансовых учреждений возобладают, система рискует потерять инструменты государственного контроля, необходимые для обеспечения интересов социума и страны. Конечным результатом может стать расшатывание тех экономических отраслей, которые критически зависят от банковского финансирования, а также сокращение финансирования социальных инициатив, поддерживаемых государством. Необходимость рассмотрения названной проблемы обуславливается также тем,

что это дает возможность установить, каким образом необходимо регулировать отношения по защите тех или иных интересов и при этом не позволить лишнего вмешательства государства в сферу предпринимательской деятельности. Следовательно, обнаруживая частные и публичные сферы интересов в банковской деятельности, государству надлежит определять тот минимум властного воздействия, без которого решить публичные экономические и социальные проблемы невозможно. В остальном же, «нужно применять только частноправовые методы регулирования, предоставляя потенциал предпринимателю действовать в собственном интересе, который в отдельных случаях могут пересекаться и с публичными» [2, с. 95].

Крайне необходимо, чтобы то, что часто выдается за охрану всеобщих благ, не облекалось в форму публично-правовых установлений и чтобы эти установления не вытесняли частноправовые механизмы урегулирования, касающиеся исключительно частных сделок, а также чтобы не происходило дублирования, что лишь усилит властные рычаги государственных структур в осуществлении их прерогатив.

При анализе того, что понимается под общественными интересами в сфере банковских операций, первоочередным шагом является обращение к Основному закону РФ. Он закрепляет гарантии неприкосновенности прав граждан, включая их материальные активы, обеспечивает единство экономического поля страны, беспрепятственное движение товаров, услуг и капиталов, поощряет здоровую конкуренцию, свободу ведения бизнеса, а также признает и оберегает различные виды собственности. Поскольку функционирование финансового сектора напрямую отзывается на то, насколько надежно защищены эти права, это недвусмысленно указывает на наличие общественного интереса в данной области.

Вместе с тем, обеспечение этих общих

интересов является исключительной ответственностью самого государства. Именно оно, согласно первой части статьи 45 Конституции РФ, несет ответственность перед обществом за всеобщее благополучие и в рамках этой обязанности создает необходимые рамки для ведения коммерческой деятельности [3, с. 79]. В частности, когда речь идет о защите имущественных прав, затрагивающих значительное число субъектов, то, как правильно указал Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 24 февраля 2004 № 3-П [4], увеличивается значение надлежащих юридических процедур. Следовательно, процедура самого допуска субъекта к осуществлению банковской деятельности императивна и служит защите частного и публичного интереса, где частную заинтересованность формулирует претендент на занятие банковской деятельностью, а публичным интересом априори обладает государство и потенциальные клиенты.

Необходимо подчеркнуть, что власть предпринимает все возможные меры для предотвращения финансовых потрясений, в частности, в области банковских услуг. Очевидно, что провалы в любой рыночной нише негативно сказываются на общем положении экономики государства, что, в свою очередь, ослабляет уровень обеспечения конституционных свобод и нужд как каждого гражданина, так и всего социума в целом. Однако, «банковская деятельность напрямую обеспечивает стабильность финансовой системы в целом» [5, с. 377], а следовательно, публичные интересы в экономике в большей степени зависят от устойчивой работы банковской системы, нежели чем от прочих отраслей рынка. В принципе, весь рынок, так или иначе, зависит от банковской системы и ее кризис неминуемо может привести к значимому ухудшению жизни общества [6, с. 60].

Согласно федеральным нормам, финансовые учреждения имеют право предпринимать шаги для повышения своей ликвидности, удерживания средств клиентов, занимать средства у Центробанка без предоставления залога, привлекать валютное фондирование у Внешэкономбанка для урегулирования внешних задолженностей, а также выкупать долговые претензии у зарубежных кредиторов,

руководствуясь при этом собственными коммерческими целями.

Серьезный конфликт между необходимостью защиты общественных интересов и частными целями банковской индустрии возникает, когда заемщик не выполняет свои кредитные обязательства, а банк не в состоянии вернуть средства по необеспеченным займам. Такое положение дел не выгодно ни самим банкам, ни государству. Ведь размещение капитала у заемщиков — это главный источник прибыли для кредитных организаций, а рост вероятности дефолтов угрожает не только их финансовой устойчивости, но и всей системе в целом. Таким образом, для всех участников процесса — как для учреждений, выдающих займы, так и для регулятора — критически важно обеспечить максимальное возмещение основного долга и причитающихся процентов. Интересным способом возврата ссудных средств считается банкротство должника. Федеральный законодатель, в ходе регулирования процедуры банкротства, сделал попытку наиболее оптимальным образом соблюсти баланс интересов как должника, так и кредитора. Однако, законодательство, через общие нормы, укрепило позиции кредитных организаций при банкротстве заемщиков.

Тем не менее, действующая в настоящее время процедура банкротства часто позволяет недобросовестным заемщикам воспользоваться ею для бегства от исполнения кредитных обязательств. Зачастую крайне непросто определить, является ли неплатежеспособность мнимой или же она возникла по злему умыслу. Доказать, что заемщик мог бы рассчитаться с кредитором еще до того, как инициировал процедуру признания его банкротом в суде, — задача весьма трудная. Точно так же почти невозможно доказать, что у него был корыстный мотив — стремление умышленно ухудшить свое финансовое положение, чтобы добиться отсрочки, рассрочки по основной сумме долга и начисленным процентам, а то и вовсе обнуления обязательств.

Следует констатировать, что баланс между интересами частных лиц (должника или кредитора) и общественными интересами определяется не только юридическими нормами, но и экономической выгодой сложившейся ситуации.

Можно бы было согласиться с мнением Н.В. Галактионовой о том, что «отношения в банковском секторе экономики необходимо регулировать частным правом в той мере, в которой такое регулирование не будет препятствовать надлежащей защите публичных интересов» [6, с. 61]. Тем не менее, все отношения в указанной сфере в различной степени касаются публичного интереса. Причем защита публичных интересов предполагает и защиту частных интересов кредитной организации, если не брать в расчет отношений, которые сулят сиюминутный доход.

Даже когда речь идет о сделках, совершаемых в сфере банковского дела, и которые по своей сути являются частными, они все равно подпадают под двойное регулирование, учитывающее как интересы частных сторон, так и общественные (публичные) нужды. Это достигается через применение как норм частного права, так и методов публичного контроля.

Однако такое включение властных (императивных) предписаний в частные правоотношения может лишить участников сделки свободы самостоятельно определять свои действия. Положение дел таково, что в ситуациях, где требуется найти компромисс между государственными целями и интересами частных лиц, государство вынуждено устанавли-

вать строгие правила поведения, используя для этого даже инструменты частного права.

Большинство исследователей одобряют такое положение. Их позиция основана на том, что нельзя позволять частным игрокам самостоятельно формировать правила игры в тех сферах, которые имеют высокую значимость для всего общества и государства. Это не допускает доминирования интересов самого банка за счет ущемления прав его партнеров по сделке или интересов государства, поскольку такой перекося грозит дестабилизацией всей финансовой системы. В частности, недопустимо ущемлять права клиентов банков в их частных интересах, особенно когда речь идет о займах, предоставляемых физическим лицам (потребительское кредитование).

Следовательно, для обеспечения общественных интересов и повышения ответственности финансовых структур в кредитных операциях, законодательно следует запретить банкам-кредиторам включать в договоры положение о праве передачи своих долговых требований (прав по обязательствам) третьим сторонам, которые не являются другими уполномоченными финансовыми учреждениями. В таком случае вопрос о смене кредитора в обязательстве будет решаться исключительно судебной инстанцией.

Список литературы:

- [1] Осипов А. А. *Интерес и субъективное гражданское право : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Осипов А. А.; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА).* - Москва, 2011. - 178 с.
- [2] Скакодуб Н. Р. *О соотношении банковского контроля и банковского надзора и о его роли в сфере защиты публичных интересов / Н. Р. Скакодуб, Т. А. Еремия // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 5. – С. 95-100.*
- [3] Захарова А. Э. *Правовая природа банковского права / А. Э. Захарова, Н. Г. Толочкова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2024. – № 1(59). – С. 79-83.*
- [4] *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Интеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» : [принято 24 февраля 2004 года]. - [Москва] : Официальное опубликование, 2004. - 15 с.*
- [5] Семенец А. Е. *Правовое регулирование банковской деятельности: публично-право-*

вой аспект / А. Е. Семенец // Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике : IV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция, Москва, 14 октября 2021 года / Российский государственный гуманитарный университет, Институт экономики, управления и права, Юридический факультет. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. – С. 377-382.

[6] Галактионова Н. В. Применение новых правил по вопросу комиссии банка / Н. В. Галактионова // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2022. – № 2(109). – С. 60-63.

References:

[1] Osipov A. A. *Interest and subjective civil law: specialty 12.00.03 «Civil law; business law; family law; private international law»: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Osipov A. A.; Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL). - Moscow, 2011. - 178 p.*

[2] Skakodub N. R. *On the relationship between banking control and banking supervision and its role in the protection of public interests / N. R. Skakodub, T. A. Eremia // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2023. - No. 5. - P. 95-100.* [3] Zakharova A. E. *Legal nature of banking law / A. E. Zakharova, N. G. Tolochkova // Works of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. - 2024. - No. 1 (59). - P. 79-83.*

[4] *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 24, 2004 No. 3-P «On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 74 and 77 of the Federal Law «On Joint-Stock Companies» regulating the procedure for consolidating the outstanding shares of a joint-stock company and the buyback of fractional shares, in connection with complaints from citizens, the Cadet Establishment company and the request of the Oktyabrsky District Court of the city of Penza»: [adopted on February 24, 2004]. - [Moscow]: Official publication, 2004. - 15 p.*

[5] Semenets A. E. *Legal regulation of banking activities: public law aspect / A. E. Semenets // Youth scientific potential in jurisprudence of the 21st century: from theory to practice: IV All-Russian student scientific and practical conference, Moscow, October 14, 2021 / Russian State University for the Humanities, Institute of Economics, Management and Law, Faculty of Law. - Moscow: Russian State University for the Humanities, 2021. - Pp. 377-382.*

[6] Galaktionova N. V. *Application of new rules on the issue of bank commission / N. V. Galaktionova // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. - 2022. - No. 2 (109). - Pp. 60-63.*

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ОСИАШВИЛИ Лука,
аспирант кафедры
предпринимательского и корпоративного права,
ФБГОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
e-mail: osiashvili123@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. Научная статья посвящена вопросам правовой защиты субъектов долевого строительства в контексте современной жилищной политики Российской Федерации. В статье рассматриваются ключевые нормативные акты, регулирующие отношения между дольщиками и застройщиками, а также механизмы обеспечения их прав и интересов. Особое внимание уделяется конституционным основам правовой защиты субъектов долевого строительства. В статье проводится анализ проблем нарушения прав дольщиков, связанных с недобросовестными действиями застройщиков и банкротством.

Ключевые слова: правовые механизмы, правовая защита, долевое строительство, счет эскроу, дольщики, застройщики.

OSIASHVILI Luka,
Postgraduate Student, Department of
Business and Corporate Law,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

MECHANISMS OF LEGAL PROTECTION OF SHARED-EQUITY CONSTRUCTION ENTITIES

Annotation. The scientific article is devoted to the issues of legal protection of subjects of shared-equity construction in the context of modern housing policy of the Russian Federation. The article examines the key regulations governing the relationship between equity holders and developers, as well as mechanisms to ensure their rights and interests. Special attention is paid to the constitutional foundations of the protection of the rights of participants in shared-equity construction, legal guarantees, and the analysis of judicial practice. The article analyzes the problems of violation of the rights of shareholders related to unfair actions of developers and bankruptcy.

Key words: legal mechanisms, legal protection, shared-equity construction, escrow account, equity holders, developers.

Введение

Рост спроса на недвижимость влияет на увеличение числа граждан, которые принимают участие в долевом строительстве. В сфере долевого строительства существуют правовые проблемы, которые связаны с неисполнением застройщиками своих обязанностей, нарушениями прав дольщиков. Изменения в содержании гражданского законодательства напрямую определяют необходимость проведения анализа существующих механизмов правовой защиты субъектов долевого строительства.

Нормативно-правовое регулирование долевого строительства

Долевое строительство предполагает внесение дольщиками финансовых средств в строительство жилья и предполагающее принятие объектов долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию объекта недвижимости [1]. Правовой основой долевого строительства выступает Федеральный закон № 214-ФЗ, который определяет «порядок создания, правовое положение, цели деятельности, функции, полномочия и

порядок управления деятельностью публично-правовой компании «Фонд развития территорий» [2].

Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ, который регулирует порядок создания, правовое положение, цели деятельности, функции, полномочия и организацию управления публично-правовой компанией «Фонд развития территорий». Основные положения закона предусматривают, что деятельность Фонда направлена на создание условий для развития территорий, улучшение жилищных условий, а также стимулирование инвестиций в строительство и инфраструктурные проекты [3].

Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 регулирует специфические аспекты ответственности сторон, участвующих в договорах долевого строительства, с целью повышения защиты прав субъектов долевого строительства. Данным нормативно-правовым актом указываются правовые ситуации применения и расчета неустойки – соразмерность причиненному ущербу.

Правовая защита субъектов долевого строительства

Правовая защита субъектов долевого строительства имеет взаимосвязь с конституционным правом на жилище. В Конституции РФ право на жилище относится к основным правам человека и гражданина [4]. Следовательно, государством должны быть созданы условия для реализации данного конституционного права. В рамках реализации конституционных принципов в российской жилищной политике особое место занимает регулирование отношений, связанных с долевым участием в строительстве. Это обусловлено тем, что долевое строительство становится одним из наиболее популярных механизмов приобретения жилья.

Защита прав участников долевого строительства включает в себя создание правовых гарантий, предотвращающих нарушение интересов граждан, инвестирующих в строительство [5]. Важными аспектами являются обеспечение соответствия содержания договора законодательным нормам, предотвращение мошенничества со стороны застройщиков, контроль за соблюдением сроков и

условий строительства, а также создание механизмов компенсации в случае нарушения обязательств.

Правовая защита субъектов долевого строительства осуществляется и актами судебной практики. Так, в Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей Президиума Верховного Суда РФ от 23.10.2024 определено, что установление застройщиком сокращенного гарантийного срока до одного года работы на осуществление отделочных работ в строящейся квартире, приобретенной заказчиком по условиям долевого строительства является незаконным и противоречащим нормам ч. 5 ст. 7 ФЗ № 214, и в случае обнаружения дефектов в отделочных работах, застройщик должен нести ответственность [6]. Рассмотренный случай из судебной практики подтверждает наличие проблемы в сфере долевого строительства, связанной с нарушением прав участников договоров долевого участия. Несмотря на прямой запрет законодательства на включение в договорные отношения условий, ущемляющих права граждан, на практике наблюдаются случаи, когда застройщики и иные участники рынка пытаются включить в договоры незаконные положения, ослабляющие гарантии участников строительства. Такие ситуации могут привести к значительным финансовым и правовым рискам для граждан, вкладывающих свои средства в строительство жилья. Подобного рода нарушения свидетельствуют о необходимости более строгого контроля за соблюдением законодательства и единообразного применения норм о ничтожности условий, ущемляющих права участников долевого строительства.

Правовая защита субъектов долевого строительства необходима и в случае, когда застройщики становятся банкротами. В таком случае правовым механизмом защиты субъектов долевого строительства является компенсационный фонд и деятельность конкурсных управляющих. Так, в Определении Верховного Суда РФ № А57–18444/2020 была рассмотрена ситуация, показывающая недобросовестность конкурсного управляющего который не включил в реестр требование должника о передаче квартиры, причем, что договор долевого участия имел надлежащую регистрацию [7].

Судебным органом было признано право дольщика на получение квартиры, поскольку включение требований участников долевого строительства в ЕГРН относится к обязательству конкурсного управляющего. А недобросовестность конкурсного управляющего не должна препятствовать процессу соблюдения всех прав дольщика, связанных с приобретением жилья. Содержание данного акта судебной практики позволяет закрепить правовую защиту дольщиков в случае банкротства застройщиков и обозначить необходимость совершенствования правовых норм в аспекте установления ответственности конкурсного управляющего за недобросовестное исполнение трудовых обязанностей, которые повлекут за собой нарушение прав дольщиков.

В судебной практике также можно выделить проблему получения дольщиком полной суммы неустойки, поскольку при рассмотрении споров в суде, наблюдается снижение размера неустойки Ст. 333 Гражданского кодекса РФ определяет что уменьшение неустойки судебным органом возможно в том случае, если она несоразмерна последствиям нарушения обязательств [8]. Снижение неустойки может быть обусловлено имущественным положением застройщика, длительностью просрочки и установлением соотношения между суммой неустойки и суммой общего долга.

Разъяснение расчета размера компенсации содержится в определении Конституционного Суда РФ. Так, Определение Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 № 3016–О подтверждает законность существующего правового механизма методики расчета компенсации в случае банкротства застройщика на основе рыночной стоимости жилья, находящегося в долевом строительстве [9]. В определении содержится отказ в удовлетворении жалобы дольщицы в неправомерности расчета компенсации, указав, что взаимосвязь компенсации и рыночной стоимости жилья не нарушает имущественных прав дольщика. Однако при этом, судебным органом определено, что дольщики имеют право обратиться в судебный орган в случае несогласия с рассчитанным размером компенсации. Для снижения жалоб дольщиков, связанных с назначением

компенсации при банкротстве застройщика, в юридической практике обсуждается введение жилищных сертификатов, заменяющих денежную компенсацию в случае банкротства застройщика.

Еще одним правовым механизмом защиты прав субъектом долевого строительства является создание эскроу-счетов. Деньги дольщиком при заключении договора долевого участия вносятся не на счет, принадлежащий застройщику, а на счет эскроу, с которого деньги будут переведены застройщику только после того, как объект недвижимости будет передан дольщику [10].

Такой порядок обеспечивает дополнительные гарантии для дольщиков, так как их средства не могут быть использованы застройщиком до выполнения обязательств по передаче жилья. Это значительно снижает риск мошенничества, неправомерных действий или банкротства застройщика, что в свою очередь повышает доверие участников рынка и стимулирует честное выполнение обязательств.

В 2024 г. был введен мораторий на взыскание неустоек и штрафов с застройщиков за просрочку сдачи домов. Его введение позволило предотвратить банкротство застройщиков, что могло способствовать окончанию строительства объектом недвижимости [11]. Данная мера являлась временной и была отменена с 1 января 2026 г., однако свидетельствовала о том, что в приоритет было поставлено объемное завершение строительства и развитие жилищной политики, а не защита имущественных прав дольщиков.

Заключение

Нормативно-правовое регулирование долевого строительства в РФ позволяет обеспечить защиту прав участников рынка недвижимости и развитие жилищной политики. Правовая защита участников долевого строительства включает гарантии исполнения обязательств, судебную практику, а также меры по компенсации и ответственности. Создание эскроу-счетов и мораторий на взыскание неустоек, направлены на снижение рисков для дольщиков и правомерное окончание долевого строительства в случае банкротства застройщика.

Список литературы:

- [1] Хабибуллина В.И. К вопросу о государственных гарантиях защиты прав участников строительства: фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 12-1 (87). С. 123.
- [2] Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2005. № 1 (часть I). Ст. 40.
- [3] Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4767.
- [4] Конституция Российской Федерации (от 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.12.2025).
- [5] Гончарова А.А. Некоторые предметы споров между субъектами страхования гражданской ответственности застройщика // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 1 (122). С. 95.
- [6] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024) // *Судебные и нормативные акты РФ*. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-delam-o-zashchite_4/ (дата обращения: 07.12.2025).
- [7] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 июля 2023 г. № 306-ЭС22-27838 (2, 3) по делу № А57-18444/2020 // *Судебные и нормативные акты РФ*. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/JMmZnfmBM7dW/> (дата обращения: 07.12.2025).
- [8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 07.12.2025).
- [9] Определение Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г. № 3016-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толмачевой Ирины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 13 Федерального закона «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *ЮИС Легалакт*. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14112023-n-3016-o/> (дата обращения: 07.12.2025).
- [10] Воронов А.В., Одинцов С. В. Баланс интересов участников долевого строительства в Российской Федерации // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2025. № 12 (291). С. 82-92.
- [11] Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 (ред. от 19.06.2025) «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // *Собрание законодательства РФ*. 2024. № 13. Ст. 1797.

References:

- [1] Khabibullina V.I. On the Issue of State Guarantees for the Protection of the Rights of Construction Participants: Fund for the Protection of the Rights of Citizens-Participants in Shared Construction // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. No. 12-1 (87). P. 123.
- [2] Federal Law of 30.12.2004 No. 214-FZ (as amended on 26.12.2024) «On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to

Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part I). Art. 40.

[3] *Federal Law of July 29, 2017 No. 218-FZ (as amended on April 7, 2025) «On the Public-Law Company «Territorial Development Fund» and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4767.*

[4] *Constitution of the Russian Federation (dated December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: December 7, 2025).*

[5] *Goncharova A.A. Certain subjects of disputes between subjects of developer civil liability insurance // Current issues of Russian law. 2021. No. 1 (122). P. 95.*

[6] *Review of judicial practice in cases of consumer rights protection (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 23, 2024) // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-podelam-o-zashchite_4/ (date of access: December 7, 2025).*

[7] *Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 17, 2023 No. 306-ES22-27838 (2, 3) in case No. A57-18444/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/JMmZnfmBM7dW/> (accessed: 07.12.2025).*

[8] *Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 07.12.2025).*

[9] *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 14, 2023 No. 3016-O «On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Irina Vladimirovna Tolmacheva Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by Part 2 of Article 13 of the Federal Law «On the Public-Law Company «Territorial Development Fund» and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // UIS Legalact. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14112023-n-3016-o/> (date accessed: 07.12.2025).*

[10] *Voronov A.V., Odintsov S.V. Balance of Interests of Participants in Shared Construction in the Russian Federation // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 12 (291). Pp. 82-92.*

[11] *Resolution of the Government of the Russian Federation of 18.03.2024 No. 326 (as amended on 19.06.2025) “On establishing the specifics of applying penalties (fines, fines), other financial sanctions, as well as other liability measures for failure to fulfill or improper fulfillment of obligations under agreements for participation in shared construction, established by the legislation on shared construction” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 13. Art. 1797.*

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-39-43

БАЧИНСКИЙ Никита Аркадьевич,
студент,
Херсонский государственный педагогический университет,
e-mail: nikita.ba4insky96@gmail.com

БАЧИНСКАЯ Дарья Сергеевна,
ассистент,
Севастопольский государственный университет,
e-mail: dasha.voropaeva.98@gmail.com

ПЕВЧЕСКОЕ ДЫХАНИЕ КАК ЯДРО ОБУЧЕНИЯ ЭСТРАДНОМУ ВОКАЛУ: МУЛЬТИСЕНСОРНЫЙ ИГРОВОЙ КОМПЛЕКС ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья рассматривает певческое дыхание как ядро обучения эстраднему вокалу у младших школьников и обосновывает интеграцию мультисенсорных и игровых методик в структуру урока. Предлагается методический комплекс, включающий диафрагмально-рёберную дыхательную гимнастику, визуально-тактильные и аудиальные опоры, ритмико-двигательные и творческие задания, элементы сценической подготовки, наглядность и «тихую зону» релаксации. Показано, что гибридная модель минимизирует риски форсинга и «академизации» звучания, повышая перенос навыков в микрофонный, рече-ориентированный стиль исполнения. Материалы статьи могут служить протоколом интервенции и основой для последующей эмпирической оценки в условиях ДШИ и студий дополнительного образования.

Ключевые слова: эстрадный вокал, младшие школьники, певческое дыхание, мультисенсорный подход, игровые технологии, дыхательная гимнастика, сценическая подготовка, голосовая гигиена, индивидуализация обучения.

BACHINSKY Nikita Arkadievich,
Student,
Kherson State Pedagogical University

BACHINSKAYA Daria Sergeevna,
Assistant,
Sevastopol State University

SINGING BREATH AS THE CORE OF POP-VOCAL INSTRUCTION: A MULTISENSORY, GAME-BASED PROGRAM FOR PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Annotation. The article positions singing breath as the core of pop-vocal instruction for primary school children and substantiates the integration of multisensory and game-based methods into lesson design. It presents a methodological program comprising diaphragmatic–costal breathing exercises, visual–tactile and auditory cues, rhythm–movement and creative tasks, basic stage preparation, explicit visual supports, and a short relaxation «quiet zone». The hybrid model is argued to reduce risks of over-pressurizing and over-academic sound while improving transfer to microphone-based, speech-oriented performance. The materials can serve as an intervention protocol and a basis for

subsequent empirical evaluation in children's music schools and extracurricular vocal studios.

Key words: *pop-vocal, primary school children, singing breath, multisensory approach, game-based learning, breathing exercises, stage preparation, vocal hygiene, individualized instruction.*

Эстрадное пение в младшем школьном возрасте выступает не только как область художественного опыта, но и как средство развития личности ребёнка: эмоциональной выразительности, коммуникативной активности, телесной координации и саморегуляции дыхания [4]. Практика показывает, что устойчивый прогресс в обучении вокалу возможен при одновременном соблюдении трёх условий: ценностно ориентированного педагогического взаимодействия, методической адаптации к возрастным и индивидуальным особенностям, а также к системной организации упражнений, в первую очередь, направленных на постановку дыхания, дикции, интонации и сценического поведения. Важность освоения техник певческого дыхания неоспорима, однако описание существующих методик и их содержание чаще всего направлено на обучающихся старшего возраста или освещается в рамках обучения академическому пению. У младших школьников, которые только приступили к обучению эстраднему пению в системе дополнительного образования, есть свои специфические потребности и особенности восприятия, которые требуют особых подходов. Настоящее исследование направлено на анализ эффек-

тивности педагогических стратегий, которые целенаправленно интегрируют мультисенсорные и игровые методики для формирования певческого дыхания у младших школьников.

Для формирования навыков певческого дыхания у младших школьников необходимо учитывать такие принципы педагогического сопровождения как: индивидуализации (необходимо учитывать темперамент ребенка, стартовый уровень, строение и функциональное состояние голосового аппарата), психофизиологические и когнитивные особенности, игровой формы для поддержания интереса и вовлеченности, также принципы наглядности и доступности, обязательного позитивного подкрепления, постепенности и последовательности, не забывая и про сотрудничество с родителями [1].

Педагогу эстрадного вокала в современных условиях важно совместить физиологически безопасное формирование певческого дыхания с сохранением речевой природы звучания и высокой мотивации ребенка. Ниже представлен краткий анализ существующих подходов, оценивающий их сильные и слабые стороны для младших школьников и указывающий, где целесообразна мультисенсорная и игровая интеграция методов (Таблица 1).

Таблица 1. Анализ существующих подходов формирования певческого дыхания.

Подходы	Сильные стороны	Слабые стороны
Академическая (классическая) школа дыхания	1. Физиологически бережная модель выдоха (экономный поток, стабильная опора). 2. Раннее формирование «длинной фразы», ровности тембра, интонационной стабильности. 3. Хорошо сочетается с артикуляционной гимнастикой и дикционной плавностью.	1. Переизбыточная терминология («опора», «купола», «реберные дуги»). 2. Риск «штампования» академической манеры и торможения естественной речевой атаки, нужной в эстраде. 3. Требуется тонкой работы педагога, чтобы не превратить вдох в «собираание воздуха» (зажим верхнего плечевого пояса).

Хорово-ритмический (Далькроз/Орф/Кодай)	1. Мультисенсорность: дыхание «встроено» в движение, метр, фразу; высокая удерживаемость внимания. 2. Игровые формы (ритмические шаги, «дыхательные волны», рукоплески) — естественная саморегуляция выдоха. 3. Социализация и командная координация дыхания (вступления, концовки).	1. Нужна целенаправленная «стыковка» с микрофонной техникой и речевой атакой; иначе дыхательная координация не переносится в сольное эстрадное пение. 2. Риск размывания фокуса на конкретных вокальных приёмах (микст, тванг).
«Пение в речевой позиции» Сетта Риггса	1. Речевая база звукоизвлечения, близкая к эстраде; естественная атака, экономный поток. 2. Чёткие «переключатели» режимов (голос/головной, смешанный), визуальные и тактильные подсказки. 3. Хороший перенос на микрофон: короткие фразы, дыхательные «дозы».	1. Риск преждевременного «игры в эффекты» (квази-бэ-лт, тванг) при ещё не устойчивом выдохе. 2. Термины и «модели» аппарата могут быть излишни; важна детская версия языка.
Логопедическая/дыхательная коррекция (свистки, перышки, фонационный выдох)	1. Быстрая обратная связь «вижу-слышу»: длинная гласная, свеча, перышко. 2. Снижение гипервентиляции и крикливой атаки, развитие плавности выдоха. 3. Подходит детям с нестабильной саморегуляцией.	1. Без музыкализации легко уходит в «дыхательную гимнастику ради гимнастики». 2. Не формирует само по себе сценическую фразировку и стиль.
Технологические подходы (метроном, простые визуализаторы потока, запись голоса)	1. Наглядность, мотивация, самоконтроль (слушаю себя, вижу длительность выдоха). 2. Быстрое закрепление режима «мало воздуха — хороший звук» в эстраде.	1. Требуется педагогической фильтрации: не подменять слуховую задачу «гонкой» за картинкой. 2. Дефицит оборудования в ДШИ.

В современных условиях российского до-образования оптимально сочетать подходы в зависимости от педагогических условий: игровые подходы в сочетании с ритмико-двигательной базой, опыт академической экономии выдоха, наглядность и другие. Не рационально обучать чистому академизму или чистой дыхательной гимнастике младших школьников, без понимания уместности внедрения подхода, существует риск перегрузки и утраты интонации [9]. Целевой анализ подходов к формированию певческого дыхания у

младших школьников (7–10 лет) в контексте эстрадного пения, с учетом реальной практики Детских школ искусств и студий дополнительного образования в России позволил прийти к выводу: мультисенсорная и игровая интеграция минимизирует риски, повышает мотивацию и обеспечивает перенос навыка в реальное эстрадное исполнение младших школьников.

В отличие от повседневного дыхания, вокальное дыхание требует сознательного контроля и координации, обеспечивая опти-

мальную поддержку звука и управление его качеством [5]. В связи с этим, ценностно-целевым ориентиром обучения для педагога становится здоровый голос, а точнее профилактика перенапряжения, формирование голосовой выносливости и осознанного отношения к телесным ощущениям при пении. Вместо узконаправленного применения отдельных техник, педагог должен стремиться к созданию динамичной обучающей среды, включающей разнообразные методы развития певческого дыхания.

Исходя из вышеннаписанного, мы предлагаем примерный методический комплекс формирования певческого дыхания как ядра обучения, который будет основан на диафрагмально-рёберной опоре, переводимой в детский опыт через игровые действия и телесные маркеры. Благодаря мультисенсорной поддержке, которая объединяет визуальные схемы дыхательного движения, тактильные и аудиальные подсказки, а также простые кинестетические траектории, можно успешно закрепить связь «вдох—выдох—звук» в устойчивую моторно-слуховую модель:

1. Игровые и творческие форматы (ролевые сценарии, музыкально-ритмические задания, мини-импровизации) служат «мягким интерфейсом» к технике, развивая дыхание, дикцию и чувство ритма без перегрузки терминологией.

2. Развитие слуха и артикуляции реализуется через короткие вариативные распевки и скороговорки при обязательном контроле выдоха, что предотвращает форсинг и крик.

3. В структуру каждого занятия включается «тихая зона» релаксации (спокойное дыхание, короткая музыкальная пауза), формирующая навыки саморегуляции и голосовой гигиены.

4. Наглядность и самонаблюдение обеспечиваются использованием зеркала для пострального контроля и плакатов/схем для упро-

щённого объяснения физиологии.

5. Ранняя сценическая подготовка и работа с текстом (микрофонная дистанция, смысловые опоры, эмоциональная окраска) связывают дыхание с фразировкой и снижают сценическую тревожность.

Организация процесса носит спиральный характер: малые цели, смена активности каждые 3–5 минут, регулярное возвращение к базовым навыкам и индивидуализация через «рабочие» метафоры, дозировку высоты и длительности выдоха. Домашние задания задаются как микро-практики на 3–5 минут и дополняются краткими рекомендациями для родителей по голосовой гигиене и поддержке без сравнений.

Ожидаемые результаты включают стабилизацию выдоха и сокращение «воздушных потерь», рост интонационной точности, слитности фразы и чёткой дикции без форсирования, безопасное расширение рабочего диапазона, повышение сценической уверенности, а также метапредметные эффекты — развитие слуховой и моторной памяти, произвольной регуляции и кооперации в группе.

Интеграция мультисенсорных и игровых методик формирует у младших школьников устойчивые навыки певческого дыхания и обеспечивает перенос в рече-ориентированное эстрадное исполнение без форсинга. Предложенный методический комплекс со спиральной организацией урока, «тихой зоны» релаксации и микро-практиками для дома показывает потенциал повышения интонационной точности, слитности фразы и сценической уверенности при одновременном снижении голосовой утомляемости. Для подтверждения эффективности на уровне доказательной педагогики необходимы дальнейшие исследования с контролем, стандартизированными индикаторами (длительность выдоха, число «перевдохов», экспертные шкалы) и расширенной выборкой.

Список литературы:

[1] Абрамова А. А. *Современные подходы к развитию вокально-хоровых навыков у детей младшего школьного возраста в условиях дополнительного образования* / А. А. Абрамова // Педагогика: история, перспективы. – 2022. – № 1. – С. 45-52.

[2] Акимова А. А. *Методическая разработка «Формирование певческого дыхания, дикции и артикуляции у детей младшего школьного возраста на уроках вокала»* / А. А. Акимова.

– Братск, 2023. – 20 с.

[3] Алмазов Е. И. О возрастных особенностях певческого голоса у дошкольников, школьников и молодёжи / Е. И. Алмазов // Развитие детского голоса. – Москва, 1963. С. 18-27.

[4] Бурмистрова Е. В. Эстрадный вокал в системе дополнительного образования : методические рекомендации / Е. В. Бурмистрова. – Москва, 2024.

[5] Годун В. Тренировка дыхания в системе вокального образования / В. Годун // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 9(67). – С. 232-240.

[6] Зайцева О. В. Развитие вокальной техники эстрадного исполнителя с использованием современных цифровых технологий / О. В. Зайцева // Вестник Института искусств и информационных технологий. – 2020. – № 2. – С. 78-84.

[7] Иванова Е. В. Использование игровых технологий в вокально-хоровой работе с младшими школьниками / Е. В. Иванова // Музыка в школе. – 2023. – № 2. – С. 32-38.

[8] Кислова О.Н. Освоение техники дыхания в классе сольного народного пения / О. Н. Кислова, И. В. Ковкина, Е. А. Медведева // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-2.

[9] Левидов И. И. Певческий голос в здоровом и больном состоянии / И. И. Левидов. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 268 с.

[10] Межидова Ф. В. О некоторых проблемах формирования певческого дыхания у младших школьников / Ф. В. Межидова. // Актуальные задачи педагогики : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Чита, январь 2015 г.). — Чита : Издательство Молодой ученый, 2015. — С. 10-12.

References:

[1] Abramova A. A. Modern approaches to the development of vocal and choral skills in children of primary school age in the context of additional education / A. A. Abramova // Pedagogy: history, prospects. - 2022. - No. 1. - Pp. 45-52.

[2] Akimova A. A. Methodological development «Formation of singing breathing, diction and articulation in children of primary school age in vocal lessons» / A. A. Akimova. - Bratsk, 2023. - 20 p.

[3] Almazov E. I. On the age-related features of the singing voice of preschoolers, schoolchildren and young people / E. I. Almazov // Development of children's voice. - Moscow, 1963. Pp. 18-27.

[4] Burmistrova E. V. Pop vocals in the system of supplementary education: methodological recommendations / E. V. Burmistrova. - Moscow, 2024.

[5] Godun V. Breathing training in the vocal education system / V. Godun // Education management: theory and practice. - 2023. - No. 9 (67). - Pp. 232-240.

[6] Zaitseva O. V. Development of vocal technique of a pop performer using modern digital technologies / O. V. Zaitseva // Bulletin of the Institute of Arts and Information Technology. - 2020. - No. 2. - Pp. 78-84.

[7] Ivanova E. V. Use of game technologies in vocal and choral work with primary school students / E. V. Ivanova // Music at school. - 2023. - No. 2. - Pp. 32-38.

[8] Kislova O. N. Mastering breathing techniques in the solo folk singing class / O. N. Kislova, I. V. Kovkina, E. A. Medvedeva // Problems of modern pedagogical education. - 2025. - No. 86-2.

[9] Levidov I. I. Singing voice in a healthy and sick state / I. I. Levidov. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 268 p.

[10] Mezhidova F. V. On some problems of developing singing breathing in primary school students / F. V. Mezhidova. // Actual tasks of pedagogy: materials of the VI Int. scientific conf. (Chita, January 2015). - Chita: Young Scientist Publishing House, 2015. - pp. 10-12.

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-44-49

ВАСИЛЬЕВ Михаил Владимирович,
аспирант 1 курса,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
e-mail: mihail.vasilev.01@list.ru

МАКАРОВА Ольга Александровна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
e-mail: moatoma@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РЕКЛАМНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Статья носит систематизирующий характер ввиду включения в предмет исследования актуальных законодательных изменений 2025 года. Актуальность исследования состоит в необходимости доктринального исследования законодательных нововведений. Описывается проблематика правового регулирования, связанная с необходимостью одновременной публичной защиты общества от негативных тенденций и защиты частных интересов участников экономических отношений. Текущее правовое регулирование отношений в сфере рекламы можно охарактеризовать расширением полномочий органов государственного управления в области контроля за рекламой в сети Интернет, в частности, ввиду повышения потребности в обработке информационных данных в рамках проведения государственного контроля за данными Роскомнадзором и одновременно с этими нововведениями необходимо сохранить баланс в экономических правоотношениях. Новизна научной статьи состоит в том, что в содержании этой научной работы описываются и исследуются актуальные вопросы правоприменения, которые затрагивают самые последние изменения в рекламном и информационном законодательстве Российской Федерации. Используется формально-юридический метод, анализируются положения, изложенные в нормативных правовых актах, а также приводится пример из судебной практики, на основе которого обобщается проблематика. Используются тезисы из научных статей других учёных. Цель исследования состоит в выявлении закономерностей между процессом развития правового регулирования рекламной сферы и совершенствования механизмов по контролю за рекламой. Отмечается противоречивость действующих правовых механизмов в рекламной сфере, освещается вопрос о пределах регулирования государством частных отношений, затрагивается вопрос об экономических особенностях охраны объектов интеллектуальной собственности рекламы. По факту обзора проблематики выясняется необходимость проведения реформы на государственном уровне. Предлагается дополнить антимонопольное законодательство введением нового критерия недобросовестной конкуренции. Предполагается, что такая реформа будет одновременно способствовать укреплению государственности Российской Федерации и защите частных экономических отношений.

Ключевые слова: государственный контроль, частные экономические интересы, регулирование рекламы, интеллектуальная собственность, распространение рекламы.

VASILIEV Mikhail Vladimirovich,
1st year postgraduate student,
St. Petersburg State University of Economics

MAKAROVA Olga Alexandrovna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Corporate Law,
St. Petersburg State University of Economics

DEVELOPMENT OF LEGAL MECHANISMS OF STATE CONTROL IN THE ADVERTISING FIELD

Annotation. *The article is systematizing in nature due to the inclusion of current legislative changes in 2025 in the subject of the study. The relevance of the research lies in the need for a doctrinal study of legislative innovations. The article describes the problems of legal regulation related to the need for simultaneous public protection of society from negative trends and protection of private interests of participants in economic relations. The current legal regulation of relations in the field of advertising can be characterized by the expansion of the powers of government authorities in the field of control over advertising on the Internet, in particular, due to the increased need for information data processing within the framework of state data control by Roskomnadzor, and at the same time these innovations need to maintain a balance in economic legal relations. The novelty of the scientific article lies in the fact that the content of this scientific work describes and explores current law enforcement issues that affect the most recent changes in the advertising and information legislation of the Russian Federation. The formal legal method is used, the provisions set out in normative legal acts are analyzed, and an example from judicial practice is given, on the basis of which the issues are reviewed. Abstracts from scientific articles by other scientists are used. The purpose of the study is to identify patterns between the development of legal regulation of the advertising sector and the improvement of advertising control mechanisms. The inconsistency of the existing legal mechanisms in the advertising sphere is noted, the question of the limits of state regulation of private relations is highlighted, and the question of the economic features of the protection of intellectual property of advertising is raised. The review of the issue reveals the need for reform at the State level. It is proposed to supplement the antimonopoly legislation by introducing a new criterion of unfair competition. It is assumed that such a reform will simultaneously contribute to strengthening the statehood of the Russian Federation and protecting private economic relations.*

Key words: *state control, private economic interests, advertising regulation, intellectual property, advertising distribution.*

Введение. Рекламная сфера охватывает большое количество общественных отношений, среди которых антимонопольная политика [1, с. 18], охрана объектов интеллектуальной собственности [2, с. 611], защита прав потребителей, регулирование информации и многие другие государственно-правовые области регулирования. Одна из наиболее фундаментальных особенностей рекламы состоит в том, что в большинстве случаев она распространяется на неопределённое количество потребителей. С развитием технологического прогресса [3, с. 569], эта особенность усиливается, а количество потенциальных потре-

бителей стремительно повышается. В связи с этим, усилилась и потребность в усилении контрольно-надзорной деятельности государственных органов.

Текущее правовое регулирование отношений в сфере рекламы можно охарактеризовать расширением полномочий органов государственного управления в области контроля за рекламой в сети Интернет, в частности, ввиду повышения потребности в обработке информационных данных в рамках проведения государственного контроля за данными Роскомнадзором [4, с. 95]. В то же время, несмотря на повышение ограничений, невзирая на

укрепление мер государственного контроля, реклама по-прежнему выступает в качестве одного из наиболее значимых и востребованных в социуме инструментов [5, с. 1008] по развитию частных отношений, которые в целях безопасности должны постоянно находиться под надзором органов государства.

За 2025 год было принято множество нововведений в законодательство, в частности, были приведены в соответствие с изменениями и иные нормативные акты. Одним из наиболее важных и актуальных вопросов в области укрепления государственного контроля можно обозначить ведение Министерством юстиции реестров запрещённых источников (Изменения от 31.07.2025 в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о духовно-нравственных ценностях, которые должны соблюдаться и в рекламной сфере и в Приказе Министерства юстиции РФ от 11 декабря 2015 г. №289 «О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов», который изменяется и дополняется, к примеру, были изменения от 16 сентября 2024 г.). Эти меры коренным образом защищают основы конституционного строя и укрепляют российскую государственность.

В частности, эти ограничения уместны и релевантны при рассмотрении рекламной сферы. Соблюдение запрета (Запрет был введён 07.04.2025 в ФЗ «О рекламе» в п. 10.7. Ст. 5., в настоящее время реклама должна соответствовать не только частно-отраслевым, но и публичным нормам, в особенности, в сфере противодействия экстремистской и иной нежелательной деятельности в соответствии с развитием уже публичного законодательства) на размещение рекламы в нежелательных источниках обеспечивается на правоприменительном уровне санкцией в виде штрафа.

Основная часть. Основными субъектами, проводящими рекламные мероприятия являются юридические лица как заказчики рекламы, а иногда и физические лица, как распространители, в частности, в рамках распространения коротких рекламных роликов в социальных сетях. В то же время с 1 сентября 2025 года административный штраф (КоАП РФ п. 1 Ст. 14.3) для юридических лиц составляет сумму в размере до 500 тысяч ру-

блей, штрафы в отношении физических лиц же существенно меньше, а именно, до 2500 рублей. Таким образом, реклама, осуществляемая физическими лицами в запрещённых социальных интернет-ресурсах, имеет чрезмерно мягкое наказание, в особенности ввиду того, что получает распространение реклама букмекерских организаций, онлайн-казино и иных весьма прибыльных организаций, которые могут выплачивать крупные суммы денег физическим лицам, которые ведут свои блоги для рекламы.

Помимо этого, необходимо выделить проблему сложности защиты объектов интеллектуальной собственности, к примеру, при несанкционированном использовании товарных знаков в рекламном видеоролике, при использовании фотоснимков и иных фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии, при использовании иных объектов, которые должны защищаться как объекты авторских прав или как иные объекты интеллектуальной собственности. При наличии ограничений и запретов на посещение некоторого ряда источников, предприниматели могут столкнуться со сложностью фиксации нарушений прав на свои объекты интеллектуальной собственности. Так, проблема может возникнуть при поиске информации об использовании объекта интеллектуальной собственности, при переходе на запрещённый источник по ссылке осведомителя о нарушении для анализа ситуации и принятия мер по защите своих законных интересов, а также в случае обращения в суд для проверки по факту использования результатов интеллектуальной собственности заявителя без его согласия.

Сложность возникает и в установлении заказчика рекламы, так как физическое лицо блогер, который является рекламопроизводителем [6, с. 72-86] (в настоящее время активно набирают популярность короткие рекламные видеоролики в социальных сетях, которые пусть и согласуются с рекламодателем, в большинстве случаев производятся самим блогером на его видеозаписывающее устройство) и рекламораспространителем (путём публикации отснятого видеоролика с элементом рекламы в соцсети) будет нести административную ответственность, санкция по которой

исчисляется в денежной сумме до 2500 рублей, в то же время, привлечь к ответственности компанию рекламодателя будет гораздо сложнее, так как современные цифровые возможности позволяют анонимизировать транзакции денежных средств, к примеру, если оплата за рекламу начисляется цифровым крипто-активом. Даже не учитывая цифровое развитие, блогер может получить вознаграждение за рекламу посредством наличного расчёта, который также сложно будет подтвердить при доказывании факта нарушения.

Основные проблемы правового регулирования. Таким образом, в качестве результатов исследования можно обозначить то, что реклама по-прежнему выступает в качестве одного из наиболее значимых и востребованных в социуме инструментов по развитию частных отношений, однако, одновременно с этим, требует грамотного подхода по правовому регулированию, в частности, для укрепления механизмов государственного контроля. Это подтверждается наличием проблематики в сфере интернет-рекламы. В частности, на государственно-правовом уровне не решён вопрос о возможности защиты прав на результаты интеллектуальной собственности в запрещённых источниках в частном порядке. В особенности, важно то, что такая реклама влечёт за собой не только вероятный вред публичным общественным отношениям. Весьма серьёзный ущерб могут получить частные отношения ввиду того, что реклама в запрещённых источниках по своей сущности будет являться одним из видов недобросовестной конкуренции, который на уровне правоприменения ещё не был в достаточной степени изучен, в особенности, на текущий момент не имеется единого подхода к формированию судебной практики на уровне высших инстанций по вопросу отнесения рекламной деятельности в запрещённых источниках к числу актов недобросовестной конкуренции. Напротив, решением Арбитражного суда Московской области от 26 апреля 2024 г. по делу № А41-101804/23 в 2024 году несмотря на то, что оба лица распространяли рекламу в запрещённом на сегодняшний день источнике, суд защитил интересы истца, назначив ответчику компенсацию за нарушение исключительных прав в

размере 300 тыс. руб. В то время суд исходил в большей степени из принципов защиты экономических интересов. Принцип соблюдения запрета на размещение рекламы в запрещённых источниках получил свою актуальность лишь ко второй половине 2025 года, поэтому, можно утверждать, что судебная практика по этому вопросу не сформировалась окончательно. Неоднозначна в этом вопросе и позиция ФАС, так как на примере определения о возбуждении дела № 055/05/18.1-1292/2025 от 22 октября 2025 г. ещё нет окончательного решения, а по делам из категории, относящейся к рекламе в запрещённых источниках ещё ни один субъект не подал кассационную жалобу в Верховный суд Российской Федерации. Ввиду этого можно твёрдо утверждать о том, что на уровне правоприменения эта проблематика ещё не может быть изучена. К научному познанию можно на текущий момент подойти исключительно с теоретического подхода за полным отсутствием однозначной эмпирической базы исследования. А подход с теоретической позиции видим насущным и актуальным, так как теоретическое осмысление является фундаментом к созданию успешного практического правоприменения в будущем.

Таким образом, действие существующих механизмов по защите частных интересов может быть затруднено, а конкуренция в малом или среднем бизнесе может стать недобросовестной. К примеру, нарушители могут несанкционированно копировать идеи и сюжеты для рекламных видеороликов из открытых социальных сетей, к примеру, VK клипы и распространять свои ролики, созданные путём плагиата в запрещённых ресурсах, действуя в нарушение экономических интересов добросовестных конкурентов. Запрещённая платформа в таком случае может являться субститутивным деликвентом [7, с. 11] ввиду неисполнения требований законодательства Российской Федерации, ввиду этого, необходимо задать правовой режим для распространяемой в таких источниках информации.

Помимо этого, сложности вызывает и процесс доказывания экономических потерь, вызванных рекламой в запрещённых интернет-ресурсах. Сложность выражается в оценке экономических потерь и в доказывании, а

именно, в фиксации факта нарушения.

Заключение. Ввиду этого представляется необходимым повышение штрафов за нарушения в рекламной сфере для физических лиц. Также для внесения ясности в правоприменение, необходимо добавить Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите кон-

куренции» в главу 2.1. «Недобросовестная конкуренция» запрет на недобросовестную конкуренцию путем размещения рекламы в запрещённых источниках. Антимонопольной службе необходимо будет подготовить проект по практическому внедрению механизмов реализации этой нормы.

Список литературы:

[1] Глебов И. А. Проблемы правового регулирования ограничений в рекламе / И. А. Глебов // Парламентаризм: региональный аспект формирования законодательства: сборник научных трудов всероссийской научно-практической студенческой конференции, Курган, 29 марта 2024 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2025. – С. 18-21.

[2] Макиев Э. Б. Особенности правового регулирования рекламы в российском законодательстве / Э. Б. Макиев, И. А. Толстова // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 4-2. – С. 604-613.

[3] Мокляк И. А. Правовое регулирование распространения рекламы в сети интернет / И. А. Мокляк, Т. П. Самарина // Вестник Академии управления и производства. – 2025. – № 1. – С. 568-575.

[4] Сукиасян Э. С. Особенности правового регулирования рекламы в сети интернет / Э. С. Сукиасян, А. Р. Закирзянова // Лучший студенческий проект: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 09 апреля 2025 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. – С. 88-96.

[5] Толстова И. А. Реклама как объект гражданско-правового регулирования / И. А. Толстова, Э. Б. Макиев // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 4-2. – С. 1008-1016.

[6] Каменский М. А. Гражданско-правовое регулирование производства и распространения рекламы на территории Российской Федерации: специальность 12.00.03 «Гражданское право; семейное право; предпринимательское право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каменский Максим Андреевич. – Москва, 2019. – 156 с.

[7] Лукьянов Р. Л. Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права: специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лукьянов Роман Львович; науч. рук. Бузова Н. В. – Москва, 2024. – 189 с.

References:

[1] Glebov I. A. Problems of legal regulation of restrictions in advertising / I. A. Glebov // Parliamentarism: regional aspect of legislation formation: collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical student conference, Kurgan, March 29, 2024. - Kurgan: Kurgan State University, 2025. - Pp. 18-21.

[2] Makiev E. B. Features of legal regulation of advertising in Russian legislation / E. B. Makiev, I. A. Tolstova // Bulletin of the Academy of Management and Production. - 2024. - No. 4-2. - Pp. 604-613.

[3] Moklyak I. A. Legal regulation of advertising distribution on the Internet / I. A. Moklyak, T. P. Samarino // Bulletin of the Academy of Management and Production. – 2025. – No. 1. – P. 568-575.

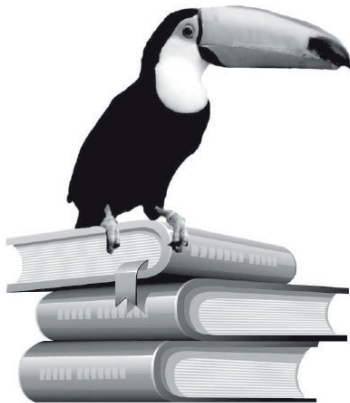
[4] Sukiasyan E. S. Features of legal regulation of advertising on the Internet / E. S. Sukiasyan,

A. R. Zakirzyanova // *Best student project: collection of articles of the II International scientific research competition, Petrozavodsk, April 09, 2025. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science» (IP Ivanovskaya I.I.), 2025. – P. 88-96.*

[5] Tolstova I. A. Advertising as an object of civil law regulation / I. A. Tolstova, E. B. Makiev // *Bulletin of the Academy of Management and Production. – 2024. – No. 4-2. – P. 1008-1016.*

[6] Kamensky M. A. Civil-law regulation of the production and distribution of advertising on the territory of the Russian Federation: specialty 12.00.03 «Civil law; family law; business law; international private law»: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Kamensky Maxim Andreevich. - Moscow, 2019. - 156 p.

[7] Lukyanov R. L. Compensation as a measure of civil liability for violation of an exclusive right: specialty 5.1.3 «Private law (civilistic) sciences»: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Lukyanov Roman Lvovich; scientific supervisor. Buzova N. V. - Moscow, 2024. - 189 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ХАСАНОВ Артур Александрович,
аспирант
Новосибирский государственный университет, НГУ,
e-mail: ar.allex@mai.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 1062 ГК РФ К ОТНОШЕНИЯМ ПО ПОВОДУ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы о применении правил статьи 1062 ГК РФ к отношениям по компьютерным играм. Производится анализ как самой статьи, так и базовых понятий закона об азартных играх, анализируется существующая практика применения действующих норм. Установлено, что рассматриваемая статья фактически описывает два различных правоотношения: отношения по поводу азартных игр и игр как таковых. Делается вывод о необходимости при разрешении споров более тщательно исследовать существо отношений по поводу компьютерных игр поскольку по поводу компьютерных игр возникают различные правовые отношения, которые не всегда подпадают под действие рассматриваемой нормы.

Ключевые слова: Гражданское право, Компьютерные игры, азартные игры, применения права, судебная практика, статья 1062 ГК РФ.

KHASANOV Arthur Alexandrovich,
Postgraduate,
Novosibirsk State University, NSU

PARTICULARITIES OF THE APPLICATION OF ARTICLE 1062 OF THE RUSSIAN FEDERATION CIVIL CODE TO RELATIONS CONCERNING COMPUTER GAMES

Annotation. This study examines the application of Article 1062 of the Russian Civil Code to computer game-related legal relations. Through analysis of both the statutory provision and foundational concepts from gambling legislation, combined with examination of existing judicial practice, the work demonstrates that Article 1062 encompasses two conceptually distinct legal relationships: gambling relations and games per se. It is concluded that, in resolving disputes, the substantive nature of relationships concerning computer games should be examined more thoroughly, since various legal relations arise in connection with computer games that do not always fall within the scope of the norm under consideration.

Key words: Civil law, Computer Games, Gambling Application of Law, Judicial Practice, Article 1062 of the Russian Civil Code.

В некоторых случаях при решении споров, связанных с компьютерными играми, суды в своём решении ссылаются на статью 1062 ГК РФ.

Одной из возможных причин подобного подхода судов является решение конституционного суда от 26.05.2011 № 684-О-О [1]. Данное решение фактически, предоставляет судам возможность толковать понятие игр в достаточно произвольном порядке и приме-

нять норму 1062 ГК РФ в спорах исключительно потому, что предметом спора является отношение, связанное с «играми».

Несмотря на то что описанный подход судов в научной литературе подвергается критике [2], его следует рассмотреть подробнее. Это позволит: 1) определить отношения, к которым суды применяют рассматриваемую норму; 2) оценить существующие подходы 3) определить пределы применения нормы 4)

предложить подход к определению применимости статьи 1062 ГК РФ.

Дополнительный интерес к данной теме вызван тем, что возникающие в связи с компьютерными играми отношения многообразны и неоднородны. Поэтому применять статью 1062 ГК РФ к любым возникающим отношениям по поводу Компьютерных игр, можно назвать опрометчивым подходом. Схожей позиции придерживается Рожкова М.А. [3].

Для полноценного изучения вопроса, следует определить базовые рассматриваемые понятия. Статья 1062 ГК РФ упоминает игры и пари и отсылает к закону об азартных играх.

Азартная игра определена как соглашение о выигрыше, как правило, денежном или об имуществе [4].

Компьютерные игры как термин не закреплён в российском законодательстве. При этом законопроект «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» определяет Компьютерную игру как «программа для электронных вычислительных машин, созданная в художественной, учебной, анимационной или иной форме на основе творческого замысла, воспроизводящая изображения, звуки, объединённые сюжетом, определяемым в том числе действиями пользователя» [5]. Данное определение можно назвать противоречивым, однако для целей исследования данное определение является допустимым.

Также можно воспользоваться определением, сформулированным Джрагацпаняном А.Г: «это вид программного обеспечения, построенный с использованием мультимедийных возможностей компьютера» [6]. Данное определение, иллюстрирует техническую сторону игры их разносторонность компьютерных игр. С точки зрения юридической науки оно имеет недостаток: определяет компьютерные игры через понятие компьютерной программы. Данный подход является спорным, однако в рамках данного исследования приемлем.

Следует также упомянуть определение, предлагаемое Архиповым В.В. Автор формулирует его на основе анализа различных подходов к компьютерным играм как социальному феномену: «рассматриваемое явление, с одной стороны, относится к медиа (в том

числе в значении школы медиа исследований М. Маклюэна), конкретно к «новым медиа», а с другой — имеет все признаки игр в понимании культурологических исследований XX века» [7]. Данное определение можно назвать наиболее удачным.

Вне зависимости от использованного определения, компьютерные игры не подразумевают «соглашение о выигрыше» как часть определения. Соответственно если исходить исключительно из существа понятия Компьютерных игр, их нельзя отнести к азартным играм без добавления дополнительного контекста (например, «геймплей» в отдельных случаях может подразумевать соглашение о выигрыше). Следовательно, для применения нормы ст. 1062 ГК РФ нужно установить существо возникшего общественного отношения по поводу компьютерной игры.

Рассмотрим родовые отношения, возникающие в отношении компьютерных игр. К таким можно отнести:

1) Общественные отношения по созданию компьютерных игр — отношения между компаниями, предоставляющими технологии создания игр, например, игровые движки, трудовые отношения и т. д.;

2) Общественные отношения по продаже компьютерных игр — отношения между разработчиком игры и интернет-магазином; между интернет-магазином и пользователем и т. д.

3) Общественные отношения межпользовательского взаимодействия — отношения, возникающие в онлайн-играх между пользователями при непосредственном участии в игре — общение в чате и т. д.;

4) Общественные отношения неправомерного характера — взлом аккаунта, кража игрового имущества и т. д.

Из-за характера первой и четвёртой категорий отношений, можно однозначно сказать, что к данным общественным отношениям не может быть применена норма 1062 ГК РФ поскольку эти отношения, определённо не связаны с участием в азартных играх и не связаны с участием в играх как таковых.

Остаются как возможные варианты — общественные отношения второго и третьего типа.

Как было сказано ранее, в категорию общественных отношений типа два входят все

отношения между разработчиком/интернет магазином и пользователем по предоставлению в пользование продукта – компьютерной игры, технической поддержки пользователя, обеспечения правильного функционирования игры, продажи дополнительного функционала и т.д.

Отношения типа три возникают, как правило, в играх с онлайн компонентом и заключаются во взаимодействии двух пользователей.

По базовым признакам отношения, описываемые ст. 1062 ГК РФ могут возникнуть в типе отношений два. В данную категорию попадают отношения, связанные с организацией игр как таковых, между разработчиком и пользователем, что можно соотнести с положениями рассматриваемой нормы.

Разберём форму возникающего между разработчиком и пользователем правоотношения, которое будет подпадать под требования рассматриваемой статьи:

1. Суть игры (геймплей) заключается в действии пользователя, направленном на инициирование процесса, в результате которого с некоторой вероятностью произойдёт событие.

2. В случае, если событие произойдёт, пользователь получит «ценность».

2.1. Ценность должна выражаться денежно или в «имуществе», имеющем денежное выражение.

Примером такой ситуации может быть 1 X bet [8], где в условиях пользования [9] описаны подробно условия участия в «игре».

Другим примером может быть игровая механика онлайн-игры CS:GO [10]. Она заключается в процессе получения случайного предмета из «Кейса».

Описанные игровые процессы соответствуют вышеуказанной схеме. В то же время «основной» геймплей CS:GO под описание азартной игры не подпадает [11].

Пример CS:GO иллюстрирует, что в игре может быть несколько составляющих. Одна может подпадать под условия статьи 1062 ГК РФ, а другая нет.

Следует также отметить, что в отдельных случаях данную статью допустимо трактовать расширительно и относиться к игре не как к азартной игре, а как к игре как таковой.

В данном контексте следует использовать

концепцию, что правила гражданского кодекса не применяются к игровым правилам. Следовательно, если по правилам игры, предусмотрена потеря, при определённых обстоятельствах «имущества», имеющего денежное выражение, или предусмотрена «кража» другим игроком «имущества» лицо, потерявшее его, не имеет права требовать его возврата. В данном случае подобная потеря не будет считаться правонарушением, поскольку правила игры предусматривали подобные действия и пользователь был заранее ознакомлен с правилами. При этом важно различать правила получения доступа к игре и правила самой игры.

Можно вспомнить несколько примеров из судебной практики, иллюстрирующих подход к интерпретации рассматриваемой статьи где игры рассматриваются как таковые:

– Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 28 октября 2021 г. по делу N 33–43923/2021. Пользователю заблокировали аккаунт в игре по причине нарушений правил. Пользователь требовал восстановления аккаунта указывая, что были нарушены условия лицензионного соглашения. Позиция истца обусловлена тем, что для восстановления аккаунта с пользователя взымается штраф.

Суд отказал в удовлетворении требований пользователя. Он указал, что пользователь по правилам игры должен был ознакомиться с условиями игры прежде чем принимать в ней участие где все штрафные санкции были указаны. Заклучив суд указал следующее: «В связи с тем, что онлайн-игра «Perfect World» является игрой, в силу определения и целей ее создания, которые указаны в Лицензионном соглашении, к ней подлежат применению положения статьи 1062 Гражданского кодекса РФ». [12]. Данный подход можно в целом назвать адекватным.

Хотя следует обратить внимание на тот факт, что суды одновременно указывают на условия лицензионного соглашения и статью 1062 ГК РФ. Вероятно, упоминание данной статьи необходимо для того, чтобы избежать процесса анализа допустимости указания тех или иных требований к пользователю в лицензионном соглашении.

– Апелляционное определение СК по граж-

данским делам Московского городского суда от 20 мая 2019 г. по делу N 33–21065/2019. В данном деле истец также нарушил правила, с которыми должен был ознакомиться заранее.

Суд также сослался на условия лицензионного соглашения и указал: «Таким образом, суд учитывал, что поскольку, онлайн-игра «*» является игрой, в силу определения и целей ее создания, которые указаны в Лицензионном соглашении, к ней подлежат применению положения ст. 1062 Гражданского кодекса РФ». [13]. Вероятнее всего это сделано по тем же мотивам, что и в прошлом деле.

Однако здесь стоит заметить, что частью спора был вопрос о применимости закона о защите прав потребителей. Истец приобретал внутриигровые предметы за дополнительную плату. Суд, однако решил, что поскольку участие в игре бесплатное, то закон применяться не может. Это вопрос, выходящий за рамки исследования, однако укажем что данная позиция суда является спорной.

Общего в обоих спорах то, что суд отказался удовлетворять требования истца, так как спор возник из-за нарушения игроком правил игры, предусмотренных лицензионным соглашением и иными документами, и счёл, что в обоих случаях действуют правила ст. 1062 ГК РФ. В целом данный подход можно считать адекватным.

При этом подход, где понятие игра толкуется, расширительно имеет и примеры менее удачной практики. Например, дело: № 2–5519/2022 [14]. В этом случае суд отказал в защите прав в связи с тем, что платформа steam предоставляет услуги по доступу к компьютерным играм, следовательно, организует игровой процесс, следовательно, в данном случае применяется правило ст. 1062 ГК РФ.

В данном случае судом допускается ошибка. Отождествляются и отношения, связанные с игровым процессом и отношения по предоставлению доступа к компьютерной игре. Подмена понятий заключается в том, что аккаунт steam связан не с регистрацией в игре и не с игровым процессом, как в предыдущих случаях. В данном случае процесс связан регистрацией в магазине игр, поэтому применимость нормы 1062 является как минимум спорной.

Как видно из представленных примеров,

даже когда суд проводит более подробный анализ возникающих отношений, провести необходимое разграничение между разными общественными отношениями в рамках игры может быть затруднительно. Это демонстрирует актуальность правовых исследований компьютерных игр.

Скажем также несколько слов про третий тип отношений, по своей форме они являются игровыми, и регулируются правилами игры. Поэтому к данным видам отношений применять норму 1062 ГК РФ представляется возможным.

Можно подвести выше сформулированные рассуждения следующим:

– При попытке оценить применимость статьи 1062 ГК РФ необходимо установить точную природу общественного отношения.

– Статья 1062 ГК РФ может описывать два родовых вида общественных отношений. Отношения по поводу азартных игр и отношения, предусмотренные игровым сценарием. Для определения соответствующего игрового сценария информация о нём должна быть указана в пользовательском соглашении или ином документе.

– Можно выделить два правовых отношения описываемых статьёй 1062 ГК РФ: 1) вовлечённые субъекты: разработчик, пользователи онлайн-игры действуют в рамках отношений, подразумевающих соглашение, подразумевающего выигрыш денежных средств или объектов, конвертируемых в денежные средства. 2) отношения происходят в рамках оговорённых правил игры и непосредственно в процессе игры.

– Если отношения не связаны с игровым процессом или азартом, как например регистрация в магазине игр, то применение нормы 1062 нельзя считать правильным, поскольку «игровых» отношений не возникает.

При этом из-за разнообразия возникающих отношений проблема установления применимости ст. 1062 ГК РФ остаётся, поскольку требуется метод определения отношений как «игровых».

Возможным способом решения может быть использование теста семантических пределов права [15]. Однако подробный анализ данного метода и его применимости в контексте ст. 1062 требует отдельного исследования.

Список литературы:

- [1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Е. И. на нарушение его конституционных прав статьями 1062 и 1063 ГК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 684-О-О // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=202698> (дата обращения: 21.01.2026).
- [2] Рожкова М. А., Лукьянов, Р. Л. (ред.). Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы // rozhkova.com. URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf (дата обращения: 21.01.2026).
- [3] Рожкова М. А. Разновидности правоотношений, возникающих в связи с многопользовательскими онлайн-играми // rozhkova.com. URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf (дата обращения: 21.01.2026).
- [4] О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102072404&backlink=1&nd=102111150> (дата обращения: 21.01.2026).
- [5] О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации: законопроект № 795581-8 // Информационный ресурс системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 21.01.2026).
- [6] Джрагацпаян А.Г. Правовая природа компьютерных игр как сложных объектов интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды по интеллектуальной собственности. URL: <https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/279331> (дата обращения: 21.01.2026).
- [7] Архипов В. В., Васильев А. А., Андреев Н. Ю., Печатнова Ю. В. Компьютерные игры в юридических исследованиях: к вопросу о предпосылках модели регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/14655> (дата обращения: 21.01.2026).
- [8] 1xBet: веб-сайт букмекерских ставок и азартных игр // платформа онлайн-гэмблинга. URL: <https://1xlite-74798.pro/en> (дата обращения: 21.01.2026).
- [9] 1xBet: правила и условия использования // платформа букмекерских ставок. URL: <https://1xlite-74798.pro/en/information/rules/1> (дата обращения: 15.01.2026).
- [10] How to Open CS2 Cases and What to Expect // BLAST.tv. URL: <https://blast.tv/article/how-to-open-cs2-cases-and-what-to-expect> (дата обращения: 21.01.2026).
- [11] Giving Weapons in Counter-Strike: Global Offensive раздел технической документации // Valve Software: Developer Community Wiki. URL: https://developer.valvesoftware.com/wiki/Counter-Strike:_Global_Offensive#Giving_Weapons (дата обращения: 21.01.2026).
- [12] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.10.2021 по делу № 33-43923/2021 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/537338f0-364b-11ec-9c00-ed62b48e1d39> (дата обращения: 21.01.2026).
- [13] Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20 мая 2019 г. по делу № 33-21065/2019 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/0de6b77e-95c8-4707-8921-f762e36dd67d?baseDecision=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&caseJudgeTeam=&caseNumber=33%E2%80%9121065%2F2019&category=&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType=&firstCaseNumber=&firstCourt=&formType=shortForm&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&participant=&publishingState=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&sessionRoom=&uid=&year=&_cb=1768903610.734 (дата обращения: 21.01.2026).

[14] Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.09.2023 по делу № 2-5519/2022 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/delo-88-10528-2024.pdf> (дата обращения: 21.01.2026).

[15] Архипов В. В. Семантические пределы права в условиях медийного поворота: теоретико-правовая интерпретация // СпбГУ URL: <https://dspace.spbu.ru/items/9b69bffe-4ed5-4bbf-99d8-5f1539652eff/full> (дата обращения: 21.01.2026).

References:

[1] On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen E. I. Shevchenko regarding the violation of his constitutional rights by Articles 1062 and 1063 of the Civil Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 26, 2011 No. 684-O-O // SPS ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=202698> (accessed: January 21, 2026).

[2] Rozhkova M. A., Lukyanov R. L. (eds.). Video games, gaming, eSports: legal issues // rozhkova.com. URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf (accessed: January 21, 2026).

[3] Rozhkova M.A. Types of legal relations arising in connection with multiplayer online games // rozhkova.com. URL: https://rozhkova.com/books_text/GAME-LAW.pdf (date of access: 21.01.2026).

[4] On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 29 December 2006 No. 244-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102072404&backlink=1&&nd=102111150> (date of access: 21.01.2026).

[5] On the activities related to the development and distribution of video games on the territory of the Russian Federation: draft law No. 795581-8 // Information resource of the system for supporting the legislative activity of the State Duma of the Russian Federation URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (date of access: 21.01.2026).

[6] Dzhagatspanyan A.G. Legal nature of computer games as complex objects of intellectual property: comparative legal analysis // Works on intellectual property. URL: <https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/279331> (date of access: 21.01.2026).

[7] Arkhipov V.V., Vasiliev A.A., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. Computer games in legal research: on the issue of the prerequisites of the regulatory model // Bulletin of St. Petersburg University. URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/14655> (accessed on January 21, 2026).

[8] 1xBet: Bookmaker and Gambling Website // Online Gambling Platform. URL: <https://1xlite-74798.pro/en> (accessed on January 21, 2026).

[9] 1xBet: Terms and Conditions of Use // Bookmaker Betting Platform. URL: <https://1xlite-74798.pro/en/information/rules/1> (accessed on January 15, 2026).

[10] How to Open CS2 Cases and What to Expect // BLAST.tv. URL: <https://blast.tv/article/how-to-open-cs2-cases-and-what-to-expect> (accessed on January 21, 2026).

[11] Giving Weapons in Counter-Strike: Global Offensive technical documentation section // Valve Software: Developer Community Wiki. URL: https://developer.valvesoftware.com/wiki/Counter-Strike:_Global_Offensive#Giving_Weapons (accessed: 21.01.2026).

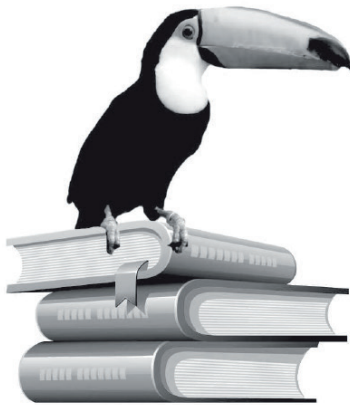
[12] Appellate ruling of the Civil Division of the Moscow City Court dated 28.10.2021 in case No. 33-43923/2021 // Official website of the Moscow City Court. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/537338f0-364b-11ec-9c00-ed62b48e1d39> (accessed: 21.01.2026).

[13] Appellate ruling of the Civil Cases Judicial Panel of the Moscow City Court dated May 20, 2019 in case No. 33-21065/2019 // Official website of the Moscow City Court. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/0de6b77e-95c8-4707-8921-f762e36dd67d?baseDecision=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&caseJudgeTeam=&caseNumber=33%E2%80%9121065%2F2019&category=&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType=&firstCaseNumber=&firstCourt=&formType=shortF>

orm&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&participant=&publishingState=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&sessionRoom=&uid=&year=&_cb=1768903610.734 (accessed: 21.01.2026).

[14] Cassation ruling of the St. Petersburg City Court dated 20.09.2023 in case No. 2-5519/2022 // Official website of the Moscow City Court. URL: <https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/delo-88-10528-2024.pdf> (accessed on 21.01.2026).

[15] Arkhipov V. V. *Semantic Limits of Law in the Context of the Medial Turn: Theoretical and Legal Interpretation* // St. Petersburg State University URL: <https://dspace.spbu.ru/items/9b69bffe-4ed5-4bbf-99d8-5f1539652eff/full> (accessed on 21.01.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ИСАРЕВА Ангелина Павловна,
студентка 2 курса магистратуры,
ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: isarevaangelina@gmail.com

Научный руководитель:
ЕФИМОВА Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента права ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: EfimovaOV@mgpu.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу механизма исполнения корпоративного договора и ответственности за его нарушение в российском праве с учетом зарубежного опыта и выявлению направлений его совершенствования.

Ключевые слова: корпоративный договор, субъекты корпоративных отношений, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, акционерное соглашение.

ISAREVA Angelina Pavlovna
Second-year Master's student,
Moscow State Pedagogical Univ.

Scientific supervisor:
EFIMOVA Olga Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Law,
Moscow State Pedagogical Univ.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MECHANISMS FOR ENFORCEMENT AND LIABILITY FOR BREACH OF A CORPORATE AGREEMENT IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article analyzes the mechanism for enforcement of a corporate agreement and liability for its breach under Russian law, taking into account foreign experience, and identifies directions for its improvement.

Key words: corporate agreement, subjects of corporate relations, limited liability company, joint-stock company, shareholders' agreement.

В современных условиях развития корпоративных отношений и усложнения структуры управления хозяйственными обществами особую роль приобретает корпоративный договор как инструмент согласования интересов участников и предотвращения корпоративных конфликтов. Данный институт

позволяет участникам юридического лица определить порядок осуществления корпоративных прав, распределение контроля, условия голосования и отчуждения долей (акций), а также иные существенные аспекты корпоративного управления. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся высоким

уровнем корпоративных споров. По данным судебной статистики, только в 2024 году арбитражными судами Российской Федерации было рассмотрено более 21 тысячи корпоративных споров, при этом удовлетворено свыше половины заявленных требований, что говорит о значительной конфликтности корпоративной сферы. Одновременно отмечается рост числа экономических споров в целом. В 2024 году в арбитражные суды поступило около 2,06 миллиона заявлений, что превышает показатели предыдущего года. В 2025 году тенденция сохраняется – отмечается увеличение доли исков о взыскании убытков и иных форм ответственности участников и органов управления юридических лиц. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в «Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.07.2025 был вынужден обобщать практику рассмотрения корпоративных споров, связанных, в частности, с ответственностью лиц, контролирующих юридическое лицо, что подтверждает наличие существенных проблем правоприменения.

Дополнительным фактором актуальности является усложнение экономической среды и увеличение количества споров с участием иностранных лиц. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, число таких споров, передаваемых иностранными компаниями в российские арбитражные суды, выросло примерно на 30 %, что усиливает значимость эффективных механизмов регулирования корпоративных отношений и исполнения договорных обязательств. Несмотря на законодательное закрепление корпоративного договора в российском праве, его практическая эффективность во многом определяется возможностью принудительного исполнения и применением мер ответственности за нарушение. Российская судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов к данным вопросам, что приводит к снижению предсказуемости корпоративных отношений и увеличению рисков для инвесторов и участников хозяйственных обществ. В этой связи значимость приобретает исследование проблем механизма исполнения кор-

поративного договора и ответственности за его нарушение в российском праве.

Цель статьи – определить проблемы механизма исполнения и ответственности за нарушение корпоративного договора в России.

Корпоративный договор, закрепленный в российском праве как соглашение участников хозяйственного общества об осуществлении принадлежащих им корпоративных прав, представляет собой инструмент, находящийся на стыке обязательственного и корпоративного права. Его эффективность определяется не только допустимостью заключения такого соглашения, но прежде всего наличием действенного механизма исполнения предусмотренных им обязательств. Под механизмом исполнения корпоративного договора следует понимать совокупность правовых средств, обеспечивающих реализацию согласованной воли участников общества, выраженной в договоре, а также восстановление нарушенных прав в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения соответствующих обязательств. Данный механизм носит комплексный характер и включает элементы как частноправового, так и корпоративно-правового регулирования.

Специфика корпоративного договора заключается в том, что его исполнение не сводится исключительно к совершению действий имущественного характера между сторонами обязательства. В большинстве случаев обязательства по такому договору направлены на осуществление корпоративных прав — голосование на общем собрании, согласование решений органов управления, порядок отчуждения долей (акций), осуществление контроля над обществом и иные действия, непосредственно влияющие на функционирование юридического лица. Следовательно, исполнение корпоративного договора предполагает воздействие не только на поведение его сторон, но и на корпоративную структуру в целом. Эффективность представленного механизма во многом определяется степенью согласованности договорных условий с корпоративным законодательством, возможностью принудительного исполнения обязанностей, связанных с осуществлением корпоративных прав, а также наличием действенных санкций за нарушение соглашения.

Практическая проблема заключается в том, что обязательства по корпоративному договору прямо направлены на осуществление корпоративных прав, среди которых голосование определенным образом, согласование решений, распределение контроля, однако российское правоприменение в целом исходит из недопустимости понуждения к осуществлению корпоративных прав посредством волезамещающих решений суда. Это приводит к тому, что корпоративный договор фактически не меняет корпоративные права и обязанности участников, а его исполнение значительным образом «оставлено на усмотрение сторон» [1, с. 103].

При этом в доктрине фиксируется запрос на расширение инструментов принуждения. В частности, обосновывается возможность исполнения обязательств в натуре, например, волезамещающее решение суда при голосовании вопреки установленному порядку [3, с. 235]. Таким образом, следует констатировать, что механизм исполнения корпоративного договора акцентирован в сторону денежной ответственности, тогда как инструменты реального понуждения остаются неиспользуемыми.

На практике исполнение корпоративного договора чаще всего обеспечивается крупной неустойкой, а не реальными механизмами принудительного исполнения. При этом проблема состоит не только в размере неустойки, но и в правовой неопределенности пределов судебного контроля: обсуждается снижение неустойки (ст. 333 ГК РФ), причем в научной литературе указана необходимость ограничить дискрецию судов, установив более четкие критерии «явной несоразмерности» именно для корпоративных соглашений [Кузнецова]. Отдельно подчеркивается, что имущественные санкции (неустойка/компенсация) не всегда являются эффективным способом защиты прав сторон корпоративного договора, то есть фактически не гарантируют достижения цели — соблюдения согласованного поведения участников. Таким образом, российская модель де-факто опирается на «денежное принуждение», но эффективность механизма не позволяет добиться корпоративного результата, в который включен контроль, голосование или управление.

Отдельную проблему представляет компенсация (в т.ч. предусмотренная п. 7 ст. 32.1 Закона об АО). Прямо зафиксирована неясность ее правовой природы порождает вопрос, допустимо ли применять к ней механизм снижения по аналогии со ст. 333 ГК РФ. Также судебная практика показывает, что встречаются случаи, когда суды снижают компенсацию, фактически вводя судебный контроль там, где закон прямо механизма не предусматривает [3, с. 234]. На уровне научных предложений формулируется вывод о необходимости прямого законодательного запрета на снижение компенсации по правилам ст. 333 ГК РФ во избежание смешения компенсации и неустойки как санкций различной правовой природы.

Закон допускает признание недействительной сделки, совершенной в нарушение корпоративного договора, если контрагент знал или должен был знать об ограничениях (например, абз. 3 п. 6 ст. 67.2 ГК РФ; 4 ст. 32.1 Закона об АО). Однако доктрина подчеркивает практическую проблему: поскольку корпоративный договор по общему правилу конфиденциален, доказать осведомленность контрагента «практически невозможно», из-за чего норма почти не работает [2, с. 8].

Отдельная проблема – качество формулирования условий корпоративного договора. Подчеркивается, что предмет должен быть четко определен, а договор — исполним, иначе он может быть квалифицирован как соглашение о намерениях или признан недействительным [1, с. 104]. С учетом перечисленного, проблемы ответственности проявляются в том, что:

1. Убытки рассматриваются как классический способ защиты, но практически малопривлекательны из-за сложности доказывания размера и причинной связи в корпоративных конфликтах.

2. Неустойка эффективна как стимул, но ее применение осложняется спором о пределах снижения и зависимостью от судебной дискреции.

3. Компенсация имеет неопределенную правовую природу и риск снижения.

4. Оспаривание сделок трудно реализуемо из-за конфиденциальности.

Для более полного понимания выявленных проблем необходимо обратиться к зарубежно-

му опыту правового регулирования исполнения корпоративных договоров и ответственности за их нарушение.

В английской модели корпоративных соглашений практическая эффективность достигается через превентивные меры судебной защиты в тех ситуациях, когда денежная компенсация не способна восстановить нарушенные обязательства в рамках корпоративного договора. В обзоре судебной практики по корпоративным спорам за 2024-й год (*Corporate disputes 2024* от издания Eversheds Sutherland) приводятся споры между акционерами и совместными предприятиями, где основной риск для сторон связан не столько с «отсутствием инструментов», сколько с балансом между договорными договорённостями и корпоративной конституцией компании, а также с доказыванием. На уровне актуальной практики обсуждаются подходы к привилегии и корпоративным документам в спорах акционеров, что влияет на собираемость доказательств при нарушении договорных условий [4]. Другими словами, английская система стремится чаще остановить нарушение до наступления необратимых последствий, используя запретительные меры, тогда как в России доминирует денежная компенсация.

В США штат Делавэр занимает центральное место в системе корпоративного права США, поскольку значительная часть крупных компаний зарегистрирована именно в этой юрисдикции, а сформированная здесь судебная практика оказывает влияние на корпоративное право в целом. В связи с этим подходы делавэрских судов к исполнимости соглашений акционеров (*stockholder agreement*) представляют особый интерес. В отличие от российского правопорядка, где исполнение корпоративного договора нередко ограничивается денежной ответственностью, в Делавэре такие соглашения в целом признаются юридически обязательными и подлежащими принудительному исполнению. Вместе с тем их допустимость ограничена фундаментальным принципом корпоративного права — недопустимостью подмены договором статутной модели управления корпорацией и дискреционных полномочий совета директоров. событием последних лет стало судебное разбирательство по делу *Moelis*, которое выя-

вило пределы допустимого договорного вмешательства в систему корпоративного управления. Суд канцлерии штата Делавэр (*Court of Chancery*) в 2024 году поставил под сомнение несколько положений соглашения акционеров, фактически ограничивавших полномочия совета директоров и устанавливавших необходимость согласования управленческих решений с контролирующим акционером. Реакцией на сложившуюся неопределенность стало оперативное законодательное вмешательство: в Делавэре был принят законопроект *Senate Bill 313 (S.B. 313)*, внесший изменения в *General Corporation Law*. Новая норма закрепила допустимость определенных видов соглашений акционеров, квалифицируемых как «внутренние управленческие договоренности» (*internal governance arrangements*), при условии соблюдения установленных законом требований. Таким образом, законодатель подтвердил возможность договорного перераспределения элементов корпоративного контроля, одновременно установив рамки, препятствующие подмене корпоративной структуры управления [6].

Последствия принятия *S.B. 313* анализируются в современной зарубежной доктрине. В частности, в научных публикациях рассматриваются потенциальные фидуциарные последствия подобных соглашений, в том числе риск конфликта с обязанностями директоров действовать в интересах корпорации. Отмечается, что даже при законодательном признании допустимости управленческих договоренностей они сохраняют подчиненность судебному контролю по основаниям справедливости и соблюдения фидуциарных обязанностей (*equitable and fiduciary duty grounds*). Исследования также указывают на влияние решения по делу *Moelis* и последующих изменений законодательства на рынок частного капитала и практику структурирования инвестиционных сделок, где соглашения акционеров играют ключевую роль в распределении контроля. Подчеркивается, что без принятия *S.B. 313* правовая неопределенность могла бы существенно ограничить использование таких соглашений и привести к снижению привлекательности делавэрской юрисдикции [5, с. 284].

Для немецкого права характерно признание

акционерных соглашений и договоров о согласованном голосовании (*Stimmbindungsvertrag*) как обязательственных конструкций между сторонами. характерной особенностью германской модели является строгое разграничение обязательственных отношений между акционерами и корпоративной структуры управления общества. Положения соглашения акционеров не связывают непосредственно директора или иной орган управления, поскольку его деятельность определяется законом, уставом общества и фидуциарными обязанностями перед компанией. Соответственно, договорные ограничения действуют исключительно в плоскости обязательств участников друг перед другом и не трансформируются автоматически в корпоративные предписания.

Французское право представляет особый интерес для сравнительного анализа, поскольку Соглашение акционеров (*pacte d'actionnaires*) рассматривается как договор, действующий вне уставных документов общества, но обладающий юридической силой между его сторонами. Нормативной основой принудительного исполнения обязательств во французском праве выступает статья 1221 Гражданского кодекса Франции, согласно которой кредитор вправе, после предъявления должнику требования об исполнении, добиваться исполнения обязательства в натуре (*exécution forcée en nature*), если такое исполнение не является невозможным и не существует явной несоразмерности между затратами на исполнение для добросовестного должника и интересом кредитора. Кроме того, судебная практика исходит из того, что нарушение положений *pacte d'actionnaires*, регулирующих порядок управления обществом или отзыв руководителя, может повлечь ответственность нарушившей стороны, даже если формально корпоративное решение принято в соответствии с уставом. В частности, *Cour de cassation* указала, что несоблюдение условий соглашения участников при отзыве руководителя может повлечь гражданско-правовую ответственность лица, нарушившего договорные обязательства.

Отдельные решения также подтверждают юридическую силу договорных механизмов выхода из общества и передачи долей. Так,

в постановлении от 25 января 2023 г. *Cour de cassation* признала, что *pacte d'actionnaires*, заключенный на срок существования общества, не является бессрочным и сохраняет обязательную силу до истечения установленного срока, что препятствует одностороннему прекращению обязательств по такому соглашению. В совокупности указанная практика свидетельствует о признании французскими судами натурального исполнения и иных договорных способов защиты как эффективных средств обеспечения прав сторон соглашения акционеров.

Проведенный анализ показал, что основной проблемой механизма исполнения корпоративного договора в российском праве является его ограниченная эффективность в обеспечении согласованного поведения участников хозяйственного общества. Несмотря на законодательное признание данного института, действующая модель преимущественно ориентирована на денежную ответственность за нарушение обязательств и не обеспечивает реального воздействия на корпоративные отношения.

С учетом зарубежного опыта представляется целесообразным дальнейшее совершенствование российского механизма исполнения корпоративного договора по следующим направлениям:

1. Необходимо расширение возможностей принудительного исполнения обязательств, связанных с осуществлением корпоративных прав через допустимость вынесения волезамещающих судебных решений в случаях, когда иные способы защиты не обеспечивают восстановление нарушенного права.

2. Представляется обоснованным развитие превентивных мер судебной защиты, направленных на предотвращение действий, противоречащих условиям корпоративного договора.

3. требуется устранение неопределенности правовой природы компенсации за нарушение корпоративного договора и установление четких критериев ее применения, в том числе через разграничение с неустойкой.

4. Перспективным направлением является развитие договорной практики использования специальных механизмов обеспечения исполнения через опционы на приобретение долей

или через соглашения о согласованном голосовании.

При заимствовании зарубежных подходов необходимо учитывать фундаментальный принцип корпоративного права – недопустимость подмены договором уставной структуры управления общества и установленных

законом полномочий его органов. Таким образом, повышение эффективности механизма исполнения корпоративного договора в России возможно не столько путем кардинальной реформы законодательства, сколько посредством развития правоприменительной практики и договорных инструментов.

Список литературы:

[1] Гутенева А.В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. №1 (158). С. 102-109.

[2] Кузнецова Е.В. Имплементация института корпоративного договора в российский правовой порядок: проблемы и перспективы // *Science Time*. 2019. №7 (67). С. 5-13.

[3] Лапина Е.В., Кузменкин И.В. Правовое регулирование исполнения условий корпоративного договора для обеспечения фактического контроля отстранившегося от управления бенефициара // *Юридическая наука*. 2023. №12. С. 234-239.

[4] *Cour d'appel de Montpellier. Arrêt du 17 juin 2025 : RG n° 24/05818. — Montpellier, 2025.*

[5] Lebovitch M. Soap Opera Summer: Five Predictions About Delaware Law's Response to New DGCL 122(18) // *Harvard Business Law Review*. — 2024. — Vol. 15. — P. 283–312.

[6] *Moelis & Company v. West Palm Beach Firefighters' Pension Fund : No. 340, 2024 / Supreme Court of the State of Delaware. — Delaware, 2024.*

References:

[1] Guteneva A.V. Trade and corporate contracts: problems of correlation and application trends in business practice // *Current problems of Russian law*. 2024. No. 1 (158). Pp. 102-109.

[2] Kuznetsova E.V. Implementation of the institution of a corporate contract in the Russian legal order: problems and prospects // *Science Time*. 2019. No. 7 (67). Pp. 5-13.

[3] Lapina E.V., Kuzmenkin I.V. Legal regulation of the execution of the terms of a corporate contract to ensure the actual control of a beneficiary who has withdrawn from management // *Legal science*. 2023. No. 12. Pp. 234-239.

[4] *Cour d'appel de Montpellier. Arrêt du 17 June 2025 : RG n° 24/05818. — Montpellier, 2025.*

[5] Lebovitch M. Soap Opera Summer: Five Predictions About Delaware Law's Response to New DGCL 122(18) // *Harvard Business Law Review*. — 2024. — Vol. 15. - P. 283–312.

[6] *Moelis & Company v. West Palm Beach Firefighters' Pension Fund: No. 340, 2024 / Supreme Court of the State of Delaware. - Delaware, 2024.*

КУДРЯВЦЕВ Илья Николаевич,
*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru*

САМОЗАЩИТА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В настоящей статье анализируется возможность применения такого способа защиты в корпоративных правоотношениях как самозащита, выделяются способы самозащиты субъективных корпоративных прав и выдвигаются предположения о значимости института самозащиты в рамках корпоративных правоотношений.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративные правоотношения, формы защиты корпоративных прав, самозащита корпоративных прав, корпоративный договор, внеочередное общее собрание, право выхода из состава участников ООО.

KUDRYAVTSEV Ilya Nikolaevich,
*All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)*

SELF-PROTECTION AS A WAY TO PROTECT RIGHTS IN CORPORATE LEGAL RELATIONS

Annotation. This article analyzes the possibility of using such a method of protection in corporate legal relations as self-protection, identifies methods of self-protection of subjective corporate rights and puts forward assumptions about the importance of the institution of self-protection in the framework of corporate legal relations.

Key words: corporate law, corporate legal relations, forms of protection of corporate rights, self-protection of corporate rights, corporate agreements, extraordinary general meeting, right to withdraw from membership in LLC.

В современном мире важнейшую значе-
ние в гражданском обороте играют
юридические лица, в частности корпоратив-
ные юридические лица. В связи с этим в 2013
году в перечень гражданских правоотношений
были включены корпоративные правоотноше-
ния как качественно новый вид гражданских
правоотношений, возникающих только вну-
три корпоративной организации. Важнейший
признак, отделяющий корпоративные право-
отношения от иных гражданских отноше-
ния, составляет то, что они возникают внутри
корпорации, а субъектами данных отношений
выступают сама корпорация, ее участники,
состоящие с ней в членских отношениях, а так-
же члены органов корпорации [1, с. 59].

В связи с тем, что данные правоотношения

имеют определенную специфику, защита прав
и интересов участников этих правоотношений
и появляется обоснованная необходимость
более углубленного исследования конкретных
способов защиты этих прав. Как известно,
формы защиты нарушенного права делятся на
юрисдикционные формы (судебная и админи-
стративная) и неюрисдикционные, то есть за-
щита нарушенных субъективных прав лицом
осуществляется своими самостоятельными
действиями без обращения к уполномо-
ченным на это государственным или судебным
органам, в формах самозащиты права и опе-
ративного воздействия.

Цель данной статьи состоит в анализе де-
финиции самозащиты корпоративных прав и
возможности применения такой формы защи-

ты этих прав, так как в связи с усложнением корпоративных отношений, ростом числа корпоративных конфликтов и повышением значимости оперативных способов защиты интересов участников юридических лиц, меры самозащиты корпоративных прав в современном правовом порядке приобретают всю большую актуальность. Традиционные судебные механизмы не всегда позволяют своевременно восстановить нарушенные права, тогда как корпоративная практика требует быстрых и эффективных инструментов реагирования на злоупотребления со стороны органов управления, участников или третьих лиц.

Специфика самозащиты данных прав обусловлена сочетанием имущественной и организационной природы корпоративных правоотношений, а также необходимостью соблюдения баланса интересов всех участников корпорации. В этой связи особое значение приобретают вопросы допустимых пределов самозащиты, ее форм, соотношения с судебной защитой и корпоративными процедурами.

Для определения возможности применения самозащиты корпоративных прав \ следует привести доктринальные позиции по данному вопросу. Так, для объективного понимания данного института стоит изначально привести критический взгляд И. С. Шиткиной по отношению к допустимости применения само защитных механизмов в корпоративных правоотношениях, которая указывает, что сама правомерность самозащиты возникает лишь исключительно, когда иной субъект корпоративных отношений совершил неправомерное действие при исполнении предусмотренной ему обязанности в относительном правоотношении, а действия по самозащите субъективного права никаким образом не вправе влиять на волеизъявление иных лиц [1, с. 623]. Вместе с тем представляется, что в понимании данной позиции применяется излишне ограничительное толкование данного способа защиты, не учитывая общую гражданско-правовую специфику корпоративных правоотношений в силу их приверженности таким частноправовым принципам как диспозитивность, автономия воли. Кроме того, так как корпоративные правоотношения входят в предмет гражданских, и при условии того, что применяемые меры самозащиты соответству-

ют императивным предписаниям, не приводящие к нарушению баланса интересов участников корпорации, то обоснованно считать, что участник корпорации вправе прибегать к такому способу защиты как самозащита корпоративных прав.

Это означает, что перечень способов самозащиты не должен трактоваться ограничительно, и при соблюдении критериев добросовестности и соразмерности применяемых мер лицо способно реализовывать любые, не запрещенные законом, действия для предупреждения и пресечения посягательства на своё корпоративное право.

Продолжая дискуссию о применимости мер самозащиты в корпоративных правоотношениях, то стоит упомянуть общее понимание института самозащиты и привести представление Е. А. Суханова об общей дефиниции данного способа защиты гражданских прав, который указывает, что данный способ защиты следует понимать расширительно, в том смысле, что допускаемые законом фактические действия, реализующие самозащиту, сводятся не только к исполнению после совершенного правонарушения, а также к мерам, направленным на обеспечение охраны законных прав и интересов [2, с. 545]. В контексте корпоративных правоотношений Г.А. Свердлыка и Э. Л. Страунинг придерживаются схожего мнения и дополняют, что самозащита корпоративных прав понимается не только как предусмотренные законодательством или локальным нормотворчеством юридически значимые действия, совершаемые с целью прекращения уже совершенного нарушения прав и законных интересов участников корпорации в результате совершения противоправных действий, но и комплекс предупредительных мер, установление и реализация которых влечет к соблюдению правового порядка в корпоративных отношениях [3, с. 46].

Таким образом, обоснованно полагать, что в меры самозащиты характера входят гарантийные превентивные меры, направленные на исключение возможности умаления корпоративных прав участников корпоративных правоотношений.

В целом меры самозащиты права обоснованно выделить на две группы по способу реализации – на двусторонние, где имеется

согласованная воля сторон, направленная на защиту прав участников корпорации и действия одностороннего порядка, то есть непосредственно самого участника корпорации.

Среди первого типа стоит выделить такую форму самозащиты в контексте корпоративных правоотношений, как договорное согласование интересов участников корпорации, реализуемое с целью обеспечения неприкосновенности права или пресечения его нарушения. Практическим механизмом реализации такой формы защиты выступает корпоративный договор, а также акционерное соглашение как разновидность корпоративного договора. Согласно ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ, корпоративный договор представляет собой соглашение между всеми участниками хозяйственного общества либо между частью из них об осуществлении своих корпоративных прав в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться либо отказаться от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств. Таким образом, исходя из сущности корпоративного договора, обоснованно утверждать, что данное соглашение способствует устранению разногласий между участниками корпорации и выступает способом самозащиты, направленным на пресечение нарушения корпоративных прав. Так, стороны корпоративного договора вправе включить условия, которые предотвращают произвольное принятие решений, например стороны договора определили согласованно голосовать на общем собрании не распределять часть прибыли между участниками во избежание оттока капитала из корпорации, имеющего цель предотвращения нарушения имущественных прав при имеющимся корпоративном конфликте в корпорации. Данный пример иллюстрирует каким образом реализуется механизм самозащиты: предварительно согласуя собственные действия, участники корпорации

самостоятельно определяют порядок реализации своих прав с целью избежания возникновения корпоративного конфликта или умаления капиталовложений участника, действиями других участников корпорации.

Правомерность заключения корпоративного договора с данной целью подтверждается судебной практикой, а именно Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2017 по делу №А51-10201/2016, вынесенного в порядке кассационного рассмотрения спора, согласно которому был признан законным корпоративный договор, заключенный между двумя участниками общества о перераспределении обязанностей в обществе, а именно которым устанавливалось исключение из процесса управления обществом акционера, который являлся одной из сторон данного соглашения, в том числе из процесса управления персоналом, работы с комитентами, получения прибыли, участия в рекламной деятельности.

Также в доктрине рассматривают внеочередное общее собрание учредителей как способ самозащиты прав, который обусловлен совокупностью факторов экономического, институционального и управленческого характера [4, с. 2]. Как известно, общее собрание учредителей является высшим органом такой корпорации как хозяйственных обществ (общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) и акционерные общества (далее – АО)). В данных видах корпорации общее собрание по своей периодичности проведения делятся на годовые и внеочередные в АО и на очередные и внеочередные в ООО. Годовые и очередные собрания являются обязательными собраниями в хозяйственном обществе, которые собираются в установленный промежуток времени, то есть являются запланированными и направлены на урегулирование дальнейшей деятельности организации. Внеочередные же собрания являются внеплановыми и не являются обязательными для проведения. При этом созыв внеочередных общих собраний направлен на выработку и принятие оперативных решений, возникших проблем в управлении корпорации либо пресечения возможных нарушений, а также исполнения ключевых управленческих решений, не дожидаясь очередного собрания. Например, в док-

трине выделяется такая категория оснований для созыва внеочередного общего собрания, как контрольно-надзорные основания, которые могут проявляться в конфликте интересов между учредителями или в подозрении в выводе активов [4, с. 8], а исходя из этого созыв внеочередного собрания явным образом может служить способом оперативной защиты, являющейся реакцией на совершаемые противоправные действия, с целью их превентивного предотвращения. Например, участники ООО, обладающие в совокупности не менее чем 1/10 от общего числа голосов участников, инициируют созыв внеочередного общего собрания о досрочном прекращении полномочий генерального директора в связи с тем, что текущая деятельность корпорации осуществляется в убыток и-за противоправных действий единоличного исполнительного органа.

Представляется, что в определенных случаях в качестве способа самозащиты можно рассматривать выход участника из корпорации. Согласно ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО), участник вправе добровольно выйти из общества без согласия других участников общества путем отчуждения своей доли, если это закреплено уставом. В зависимости от контекста принятия решения лица о выходе из общества данное действие может сочетать в себе признаки самозащиты своих корпоративных прав. Так, Ю. Н. Андреев трактует самозащиту как общеуниверсальный способ защиты гражданских прав, реализуемый через прекращение правоотношения [5, с. 460]. В качестве иллюстрации реализации самозащиты при использовании данной меры стоит привести следующий пример, в случае существенного нарушения баланса интересов участников либо в ситуации корпоративного конфликта лицо может прекратить участие в корпорации и получить действительную стоимость своей доли (либо номинальной, если это закреплено в уставе). Тем самым лицо самостоятельно устраняет неблагоприятные последствия участия в обществе без обращения к юрисдикционным механизмам. Кроме того, в ситуации, когда иные участники корпорации с целью личной заинтересованности проголосовали за совершение крупной сделки по отчужде-

нию имущества общества в результате чего данное действие привело бы последующему уменьшению действительной цены доли в обществе, чем нарушается баланс интересов всех участников корпорации, то участник, который на общих собраниях голосовал против совершения данной сделки, прибегает к такой форме самозащиты как выход из данного общества ради предотвращения умаления его имущественных интересов. Также, в уставе общества может быть предусмотрен альтернативный порядок продажи своей доли, например, в зависимости от выбора лица доля может быть продана как по действительной стоимости, так и по номинальной, и в случае, если действительная стоимость доли стала меньше номинальной, лицо вправе реализовать свою долю по номинальной стоимости и не потерять собственных вложений в корпорацию. Однако положение о том, что выход из общества может сочетать в себе признаки самозащиты прав является дискуссионным, поскольку не направлен на исключительное пресечение нарушения или восстановление права внутри корпорации, а приводит к прекращению самого корпоративного правоотношения участника. Поэтому более точным является его понимание как способа защитного выхода из корпоративного конфликта, сочетающего элементы самозащиты и прекращения корпоративного статуса.

Также стоит упомянуть на примере АО, что некоторые права общего собрания могут обладать признаками самозащиты, например, права, предусмотренные п. 4 ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО), которые заключаются в том, что собрание вправе в любое время принять решение о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа общества, членов коллегиального исполнительного органа общества, а также управляющей организации или управляющего.

Некоторые специалисты рассматривают в качестве самозащиты корпоративных прав наличие информированности у участника корпорации по поводу состояния дел организации и о его деятельности, о внутренних документах организации, об эмиссии ценных бумаг обществом, о судебных решениях по

спорам, в которых выступает корпорации и другие [6, с. 78]. Так, например, согласно п. 1 ст. 8 Закона об ООО участник имеет право получать информацию о деятельности общества и знакомиться с любой документацией данной организации, но только в том порядке, который был установлен уставом. При этом необходимо отметить, что согласно абз. 2 п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 N 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» в уставе закрепляется только порядок получения информации, перечень же допустимой информации не может быть установлен уставом. Также, например, согласно ст. 91 Закона об АО, участники акционерного общества, они же акционеры, обладают правом на получение информации, однако законом установлен перечень тех документов, к которым они могут получить доступ [7, с. 139].

Однако, представляется, что обладание знаниями невозможно назвать самозащитой в прямом смысле этого слова, и оно является условием, позволяющим уже в дальнейшем осуществлять защиту прав, в том числе и в форме самозащиты. В доктрине также обращают на это внимание, называя информированность условием, однако в то же время данное условие является способом самозащиты [7, с. 139], что представляется неверным.

Таким образом, можно прийти к выводу,

что самозащита корпоративных прав на самом деле достаточно регулярно применяется в корпоративных правоотношениях, поскольку в качестве способа самозащиты могут применяться различные механизмы путем как совместного предварительного установления прав и обязанностей в корпоративных отношениях, так и реализация правомочий участника, являющихся реакцией на совершаемое противоправное действие, где нарушающее лицо не исполнило надлежащим образом свою корпоративную обязанность. При этом часть теоретиков придерживается иного мнения, упоминая, что самозащита в буквальном смысле в действительности не применяется в корпоративных правоотношениях. Представляется, это связано с тем, что упомянутые способы самозащиты находятся в пограничном состоянии между мерами защиты прав и традиционным пониманием институтов, которое предполагает, что они направлены на реализацию волеизъявления в форме субъективных правомочий, а не имеют природу механизмов защиты корпоративных прав, которые используются в обычной деятельности корпораций. Думается, что необоснованно считать, будто самозащита корпоративных прав не используется вовсе, поскольку, например, ранее упомянутый институт корпоративного договора служит для достижения равновесия и урегулирования разногласий участников корпоративного юридического лица, в том числе и в пресечении нарушения своих прав.

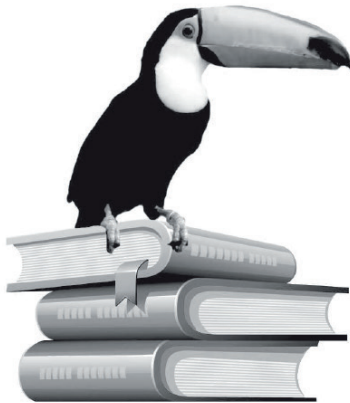
Список литературы:

- [1] Шиткина И.С. *Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / И.С. Шиткина. Т. 1.* – М.: Статут, 2017. 975 с.
- [2] *Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов.* —3-е изд., перераб. и доп. —Москва : Статут, 2023. 624 с.
- [3] Свердлык Г. А., Страунинг Э. Л. *Защита и самозащита гражданских прав. Учебное пособие.* М.: Лекс-Книга, 2002. С. 45–49.
- [4] Артёменкова С. В. *Внеочередное общее собрание учредителей экономического субъекта как самозащита корпоративных прав // Вестник евразийской науки. 2025. – Т.17. №1. С. 1–14.*
- [5] Андреев Ю. Н. *Механизм гражданско-правовой защиты.* М.: Норма: Инфра-М, 2010. 464 с.
- [6] Кирилловых А. А. *Корпоративное право: Курс лекций / А.А. Кирилловых – М.: Юстицинформ, 2009. 94 с.*
- [7] Могилевский Г.А., Комиссаров А.В. *Информация как способ самозащиты прав субъек-*

тов в гражданском обороте // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1–3. С. 138–140.

References:

- [1] Shitkina I.S. *Corporate Law: A Study Course. In 2 volumes / I.S. Shitkina. Vol. 1.* – Moscow: Statut, 2017. 975 p.
- [2] *Civil Law: A Textbook: in 4 volumes / Ed. Dr. of Law, Professor E. A. Sukhanov.* — 3rd ed., revised and enlarged. — Moscow: Statut, 2023. 624 p.
- [3] Sverdlyk G. A., Strauning E. L. *Protection and Self-Defense of Civil Rights. A Study Guide.* Moscow: Lex-Kniga, 2002. pp. 45–49.
- [4] Artemenkova S. V. *Extraordinary General Meeting of Founders of an Economic Entity as Self-Defense of Corporate Rights* // *Bulletin of Eurasian Science.* 2025. – Vol. 17. No. 1. Pp. 1–14.
- [5] Andreev Yu. N. *Mechanism of Civil Law Protection.* Moscow: Norma: Infra-M, 2010. 464 p.
- [6] Kirillovykh A. A. *Corporate Law: Lecture Course / A.A. Kirillovykh* – Moscow: Yustitsinform, 2009. 94 p.
- [7] Mogilevsky G. A., Komissarov A. V. *Information as a Method of Self-Defense of the Rights of Entities in Civil Circulation* // *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences.* 2021. No. 1–3. Pp. 138–140.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-69-74

СОЛОГУБ Александр Николаевич,
аспирант,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
e-mail: aleksandr.sologub@gmail.com

РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ МАТРИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ ПРОЕКТАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья направлена на развитие инструментов управления предпринимательскими проектами в условиях цифровой трансформации и посвящена методологически корректному разграничению функций человеческого и искусственного интеллекта в управленческих контурах. Обосновывается, что ускоренное внедрение ИИ-решений в процессы планирования, аналитики, контроля и поддержки принятия решений не только повышает операционную эффективность, но и усиливает риск подмены персонифицированной управленческой ответственности вычислительной рациональностью алгоритмов, что особенно критично для предпринимательских проектов, ориентированных на долгосрочное развитие, ценностную устойчивость и социальные эффекты. Теоретико-методологическим основанием исследования выступает концепция проективной ответственности, трактующая ответственность предпринимателя как проектирование будущих последствий решений, а не только соблюдение текущих регламентов и нормативных ограничений. В качестве практического следствия данной концепции предложена разграничительная матрица человеческого и искусственного интеллекта (ЧИ–ИИ), позволяющая структурировать управленческие функции по степени допустимой автоматизации и по рискам искажения гуманистических и этических основ системы управления. Матрица выделяет зоны, где ИИ целесообразен как вспомогательный инструмент (обработка больших данных, мониторинг показателей, прогнозирование, выявление закономерностей), и области, где приоритет человеческого интеллекта должен сохраняться (стратегическое управление, решения в условиях ценностной неопределенности, управление персоналом, оценка социальных последствий). Показано, что применение матрицы ЧИ–ИИ обеспечивает управляемую цифровую трансформацию предпринимательских проектов, поддерживая баланс эффективности и ответственности, а также снижая вероятность «ответственного вакуума» при алгоритмизации управленческих процедур. Результаты исследования могут быть использованы при разработке индивидуальных и адаптации действующих моделей управления предпринимательскими проектами в цифровой экономике.

Ключевые слова: менеджмент, предпринимательский проект, искусственный интеллект, цифровая трансформация, проективная ответственность, человеческий интеллект.

SOLOGUB Aleksandr Nikolaevich,
Graduate student,
St. Petersburg University of
Management Technologies and Economics

THE BOUNDARY MATRIX OF HUMAN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MANAGING ENTREPRENEURIAL PROJECTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. *This article aims to develop tools for managing entrepreneurial projects in the context of digital transformation and focuses on a methodologically sound distinction between the functions of human and artificial intelligence in management systems. It is argued that the accelerated implementation of AI solutions in planning, analytics, control, and decision-making support processes not only improves operational efficiency but also increases the risk of substituting personalized management responsibility with the computational rationality of algorithms. This is particularly critical for entrepreneurial projects focused on long-term development, value sustainability, and social impact. The theoretical and methodological basis of the study is the concept of projective responsibility, which interprets entrepreneurial responsibility as projecting the future consequences of decisions, rather than simply complying with current regulations and regulatory restrictions. As a practical consequence of this concept, a demarcation matrix of human and artificial intelligence (HI-AI) is proposed, allowing for the structuring of management functions according to the degree of acceptable automation and the risks of distorting the humanistic and ethical foundations of the management system. The matrix identifies areas where AI is useful as an auxiliary tool (big data processing, performance monitoring, forecasting, and pattern identification) and areas where human intelligence should remain paramount (strategic management, decisions under conditions of value uncertainty, personnel management, and social impact assessment). It is shown that the application of the AI-HI matrix enables the managed digital transformation of entrepreneurial projects, maintaining a balance between efficiency and responsibility, and reducing the likelihood of a «responsibility vacuum» in the algorithmization of management procedures. The results of the study can be used in the development of customized models and the adaptation of existing ones for managing entrepreneurial projects in the digital economy.*

Key words: *management, entrepreneurial project, artificial intelligence, digital transformation, projective responsibility, human intelligence.*

Введение

Цифровая трансформация предпринимательских проектов сопровождается расширением применения решений на базе искусственного интеллекта в процессах планирования, анализа, контроля и поддержки управленческих решений [1; 2; 6]. В условиях роста вычислительных возможностей и доступности данных искусственный интеллект все чаще рассматривается как универсальный инструмент повышения эффективности управления. Однако подобный подход порождает методологическую проблему подмены управленческой ответственности алгоритмической рациональностью, что особенно критично для предпринимательских проектов, ориентированных на долгосрочное развитие [3; 4]. Одновременно усиливается управленческая значимость этики ИИ: растет число кейсов, в которых алгоритмические решения воспроизводят смещения, подрывают доверие и создают «вакуум ответственности», требу-

ющий осмысленных механизмов контроля и верификации со стороны человека [7].

Текст статьи

В научных исследованиях по менеджменту подчеркивается, что предпринимательский проект представляет собой не только совокупность бизнес-процессов, но и форму социальной и ценностной активности [3]. В этой связи применение искусственного интеллекта в управлении не может рассматриваться исключительно с позиций эффективности и оптимизации. Возникает необходимость четкого разграничения функций человеческого и искусственного интеллекта в системе управления предпринимательским проектом [5; 6].

Теоретико-методологической основой данного исследования выступает концепция проективной ответственности, расширяющая традиционное понимание ответственности в менеджменте за счет ориентации на будущие эффекты управленческих решений. В контексте цифровой трансформации проек-

тивная ответственность предполагает осознанное проектирование границ применения искусственного интеллекта и сохранение приоритета человеческого интеллекта в зонах, связанных с ценностными, этическими и стратегическими решениями. В дополнение управленческие контуры цифровой трансформации должны включать процедуры человеческого контроля и этического управления ИИ, предотвращающие возможные смещения и размывание ответственности [7].

В процессе цифровизации системы управления предпринимательским проектом формируется потенциальный конфликт уровня «человеческий интеллект – искусственный интеллект». Искусственный интеллект эф-

фективно решает задачи обработки больших массивов данных, выявления закономерностей и прогнозирования, однако не обладает способностью к эмпатии, нравственной оценке и контекстному пониманию социальных последствий решений [6]. Это обуславливает необходимость разработки инструментов, позволяющих структурировать зоны ответственности ЧИ и ИИ.

В качестве такого инструмента предлагается разграничительная матрица ЧИ–ИИ (см. рис. 1), представляющая собой модель распределения управленческих функций в зависимости от степени допустимой автоматизации и уровня риска искажения гуманистических принципов управления.

Рисунок 1. Разграничительная матрица ЧИ–ИИ.

Состав / функции управления	Задание	Планирование	Инструктаж	Контроль	Оценка работы	Мотивация	Организация
Управление качеством	Н/В	Н/В	Н	Д	Н	Н/В	Н/В
Управление маркетингом	Н/В	Д	Н/В	Д	Н/В	Н/В	Н/В
Управление информацией	Н/В	Н/В	Н/В	Д	Н/В	Н/В	Н/В
Управление финансами	Н/В	Н/В	Н/В	Н/В	Н/В	Н/В	Н/В
Управление персоналом	Н/В	Д	Н/В	Н/В	Н	Н/В	Н
Управление стратегией	Н	Н/В	Н/В	Н	Н/В	Н/В	Н/В
Управление инновациями	Н/В	Н	Н	Н/В	Н	Н/В	Н/В
Управление безопасностью	Н	Н	Н	Н/В	Н	Н/В	Н

Н	Высокий риск возникновения противоречий ЧИ и ИИ при внедрении цифровых решений на базе искусственного интеллекта
Н/В	Необходим контроль данных / управляющее воздействие со стороны инициатора элемента управления
Д	Приоритет может быть отдан цифровым решениям на базе искусственного интеллекта

Матрица позволяет выделить группы бизнес-процессов, в которых применение ИИ допустимо в качестве вспомогательного инструмента (например, аналитика данных, мониторинг показателей, прогнозирование), и процессы, в которых приоритет должен оставаться за человеческим интеллектом (стратегическое управление, управление персоналом, принятие решений в условиях ценностной неопределенности).

Применение разграничительной матрицы ЧИ–ИИ в управлении предпринимательскими проектами обеспечивает реализацию принципа проективной ответственности на прак-

тике. Управленческие решения принимаются с учетом не только текущей эффективности, но и потенциальных долгосрочных последствий цифровизации для организационной культуры, человеческого капитала и социальной среды. Таким образом, матрица ЧИ–ИИ выступает инструментом управляемой цифровой трансформации, а не механической автоматизации.

Отличительные особенности

Предлагаемая разграничительная матрица ЧИ–ИИ решает задачу не «назначения исполнителей», а методологического разведения контуров ответственности между человеком

и алгоритмическими системами. Чтобы уточнить место предложенного инструмента в существующем инструментарии управления проектами, целесообразно сопоставить его с RACI-матрицей (в т. ч. в «цифровом» прочтении) и с концепцией Human-in-the-loop (HITL).

Классическая RACI-матрица фиксирует распределение ролей в задачах проекта (Responsible, Accountable, Consulted, Informed) и служит инструментом организационного согласования. В условиях цифровой трансформации RACI все чаще дополняют цифровыми ролями (такими как data owner, product owner, ML engineer, AI risk owner и др.), однако сама логика RACI остается антропоцентричной: ответственность и подотчетность закрепляются за людьми и подразделениями [8]. Матрица ЧИ–ИИ, напротив, вводит дополнительное измерение — допустимый уровень

автоматизации и риск искажения гуманистических оснований управления — тем самым позволяя ответить на вопрос «какие функции можно / нельзя отдавать алгоритмам», не подменяя RACI.

Практически эти инструменты целесообразно использовать совместно: для каждой управленческой функции (строка RACI) дополнительно фиксируется режим выполнения (ЧИ / ИИ/ ЧИ+ИИ). Например, ИИ может быть «Responsible» за сбор и обработку данных (в техническом смысле), но «Accountable» остается человек (в смысле персонифицированной управленческой ответственности); при этом матрица ЧИ–ИИ задает, в каких классах решений человек обязан выполнять верификацию и принимать финальное решение. Ключевые различия подходов можно зафиксировать в сопоставлении по ряду критериев (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление RACI и матрицы ЧИ–ИИ.

Критерий	RACI (распределение ролей)	Матрица ЧИ–ИИ (границы автоматизации)
Единица анализа	Задача / процесс и участники проекта	Управленческая функция и ее «этический риск-профиль»
Фокус ответственности	Кто делает, кто отвечает, кого консультировать	Что можно автоматизировать без утраты ответственности
Тип результата	Организационная ясность и согласование взаимодействия	Управляемая интеграция ИИ с сохранением проективной ответственности
Типичные ограничения	Не отвечает на вопрос допустимости алгоритмизации	Не заменяет распределение ролей между людьми / подразделениями

Еще одна смежная концепция Human-in-the-loop (HITL) исходит из того, что при использовании ИИ в управлении сохраняется обязательное человеческое участие: человек задает цели, утверждает решения, контролирует качество данных и корректность выводов, а также несет ответственность за последствия [9]. Сильная сторона HITL — акцент на управленческой подотчетности и снижении рисков (ошибки, смещения, непрозрачность). Ограничение же в практической реализации связано с тем, что «наличие человека в контуре» может стать формальным ритуалом, если не определены: (а) классы решений, где уча-

стие человека обязательно; (б) критерии, по которым человек должен вмешаться; (в) механизм фиксации причин принятого решения (аудит-трейл).

Матрица ЧИ–ИИ конкретизирует HITL через зонирование управленческих функций: она задает, где ИИ допустим как инструмент поддержки (recommendation), где допустима частичная автоматизация при обязательной верификации человеком (approval), а где требуется человеческое решение как первичное и ценностно нагруженное (judgment). Тем самым матрица выступает прикладным «переводчиком» HITL в язык проектного управ-

ления: формируются правила эскалации, пороги доверия к рекомендациям ИИ и перечень функций, в которых недопустима подмена проективной ответственности вычислительной рациональностью.

Предложенный автором подход занимает комплементарную позицию: RACI отвечает за организационное распределение ролей между людьми, HITL — за принципиальную необходимость человеческого контроля, а матрица ЧИ–ИИ — за методологически обоснованные границы автоматизации и за сохранение ответственности в предпринимательском проекте в условиях цифровой трансформации.

Заключение

Разработка и использование разграничительной матрицы человеческого и искусственного интеллекта позволяет расширить инструментарий менеджмента предпринимательских проектов в условиях цифровой трансформации. Предложенный подход обеспечивает методологическую основу для интеграции решений на базе искусственного интеллекта в систему управления с сохранением приоритета гуманистических и ценностных оснований предпринимательской деятельности.

Список литературы:

- [1] Попов Е. В., Симонова В. Л., Черепанов В. В. DIGITAL-анализ в цифровой трансформации // Экономика и управление. — 2021. — №. 9. — С. 672–686.
- [2] Бабкин А. В., Глухов В. В., Шкарупета Е. В. Методика оценки цифровой зрелости отраслевых промышленных экосистем // Организатор производства. — 2022. — №. 3. — С. 7–20.
- [3] Шумпетер Й. А. Теория экономического развития : Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. — М. : Прогресс, 1982. — 455 с.
- [4] Литая Е. Я. Предпринимательство как форма организации общественной деятельности // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. — 2021. — № 2. — С. 37–46.
- [5] Замчалова И. Ю. Искусственный интеллект: риски и перспективы культуры // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2023. — № 5. — С. 102–110.
- [6] Bento S., Pereira L., Gonçalves R., Dias Á., Lopes da Costa R. Artificial intelligence in project management: systematic literature review // International Journal of Technology Intelligence and Planning. — 2022. — No. 2. — P. 143–163.
- [7] Sison A., Ferrero I., García Ruiz P., Kim T. W. Editorial: Artificial intelligence (AI) ethics in business // Frontiers in Psychology. — 2023. — No. 14.
- [8] Капралов А.С. Матрица RACI как инструмент оптимизации стратегического управления ролями в современных российских организациях // Экономика, менеджмент, финансы: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. — Наука и Просвещение, 2024. — С. 12-16.
- [9] Retzlaff C.O., Das S., Wayllace Ch., Mousavi P., Afshari M., Yang T., Saranti A., Angerschmid A., Taylor M.E., Holzinger A. Human-in-the-loop reinforcement learning: a survey and position on requirements, challenges, and opportunities // Journal of Artificial Intelligence Research. — 2024. — No. 79. — P. 359-415.

References:

- [1] Popov E. V., Simonova V. L., Cherepanov V. V. DIGITAL analysis in digital transformation // Economy and Management. - 2021. - No. 9. - P. 672-686.
- [2] Babkin A. V., Glukhov V. V., Shkarupeta E. V. Methodology for assessing the digital maturity of sectoral industrial ecosystems // Production organizer. - 2022. - No. 3. - P. 7-20.
- [3] Schumpeter J. A. Theory of economic development: A study of entrepreneurial profit, capital, credit, interest and the business cycle. - Moscow: Progress, 1982. - 455 p.

- [4] Litau E. Ya. *Entrepreneurship as a form of organizing social activities* // *Scientific journal of NRU ITMO. Series: Economics and environmental management*. — 2021. — No. 2. — P. 37–46.
- [5] Zamchalova I. Yu. *Artificial Intelligence: Risks and Prospects of Culture* // *Intelligence. Innovations. Investments*. — 2023. — No. 5. — P. 102–110.
- [6] Bento S., Pereira L., Gonçalves R., Dias Á., Lopes da Costa R. *Artificial Intelligence in Project Management: A Systematic Literature Review* // *International Journal of Technology Intelligence and Planning*. — 2022. — No. 2. — P. 143–163.
- [7] Sison A., Ferrero I., García Ruiz P., Kim T. W. *Editorial: Artificial Intelligence (AI) Ethics in Business* // *Frontiers in Psychology*. — 2023. — No. 14.
- [8] Kapralov A.S. *The RACI Matrix as a Tool for Optimizing Strategic Role Management in Modern Russian Organizations* // *Economics, Management, Finance: Current Issues of Theory and Practice. Collection of Articles from the IV International Scientific and Practical Conference*. — Science and Education, 2024. — Pp. 12-16.
- [9] Retzlaff C.O., Das S., Wayllace Ch., Mousavi P., Afshari M., Yang T., Saranti A., Angerschmid A., Taylor M.E., Holzinger A. *Human-in-the-loop reinforcement learning: a survey and position on requirements, challenges, and opportunities* // *Journal of Artificial Intelligence Research*. — 2024. — No. 79. — P. 359-415.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БАРУЗДИН Игорь Владимирович,
студент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
e-mail: ig.baruzdin@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ: ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ И ОПЫТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровой трансформации системы социальной поддержки семей с детьми в городе Санкт-Петербурге. Социальная поддержка семей с детьми является ключевым направлением государственной социальной политики, особенно в условиях снижения рождаемости, роста социальной уязвимости семей и усложнения демографической структуры населения крупного мегаполиса. В последние годы наблюдается устойчивый рост цифровизации социальной сферы, связанный с внедрением электронных сервисов, проактивных выплат и межведомственной интеграции данных. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации авторской методики оценки доступности цифровых сервисов социальной поддержки, основанной на совокупности институциональных, технологических и пользовательских индикаторов, а также в комплексной интерпретации пользовательского опыта семей с детьми на региональном уровне.

Ключевые слова: цифровая трансформация, социальная поддержка, семья, дети, пользовательский опыт, доступность, Санкт-Петербург.

BARUZDIN Igor Vladimirovich,
Student,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN: ASSESSMENT OF ACCESSIBILITY AND EXPERIENCE IN ST. PETERSBURG

Annotation. The article is devoted to the analysis of the digital transformation of social support for families with children in the city of Saint Petersburg. Social support for families with children is a key area of state social policy, especially in the context of declining birth rates, increasing social vulnerability of families, and the complexity of the demographic structure of the population of Saint Petersburg. In recent years, there has been a significant increase in the digitalization of the social sphere.

Key words: digital transformation, social support, family, children, user experience, accessibility, St. Petersburg.

В условиях ускоренной цифровой трансформации социального сектора особую актуальность приобретает вопрос не только технологического внедрения цифровых решений, но и оценки их реального воздействия на доступность и качество социальной поддержки. Как подчёркивает Е. А. Филякова, эффективность социальной политики определяется не объёмом предоставляе-

мых мер, а степенью их фактической достижимости для целевых групп [1]. В этой связи цифровизация социальной поддержки семей с детьми требует анализа с позиций институциональной доступности, пользовательского опыта и управляемости трансформационных процессов.

Опыт Санкт-Петербурга — одного из наиболее развитых в цифровом отношении реги-

онов России — представляет особый исследовательский интерес. С одной стороны, город демонстрирует высокий уровень цифровой инфраструктуры и проникновения электронных сервисов, с другой — сохраняет социальную и демографическую неоднородность, что обостряет проблему цифрового неравенства и различий в пользовательских сценариях.

Целью работы является оценка доступности, эффективности и пользовательского опыта цифровых сервисов социальной поддержки семей с детьми в Санкт-Петербурге, а также разработка рекомендаций по совершенствованию цифровой социальной инфраструктуры региона.

Задачи исследования:

- проанализировать систему действующих цифровых сервисов социальной поддержки семей с детьми в Санкт-Петербурге на региональном и федеральном уровнях;

- исследовать пользовательский опыт и удовлетворённость цифровыми сервисами;

- выявить институциональные и технологические ограничения цифровой трансформации социальной поддержки.

Методологической основой исследования послужил системный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать цифровую трансформацию социальной поддержки как совокупность технологических, управленческих и социальных изменений. Используются методы анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации и Санкт-Петербурга, анализ научной литературы, сравнительный анализ практик цифровизации социальной сферы, а также логическое и статистическое обобщение данных.

Оценка доступности цифровых сервисов осуществлялась на основе авторской методики, включающей пять взаимосвязанных индикаторных блоков:

1. Технический и социальный охват, отражающий наличие у семей доступа к интернету, цифровым устройствам и учётным записям, а также уровень цифровой грамотности. Данный критерий соотносится с концепцией цифрового разрыва, описанной в исследованиях А. Ю. Ардаляновой, подчёркивающей уязвимость семей мигрантов и социально неблагополучных групп в условиях цифровизации [2].

2. Пользовательский опыт (UX), включающий простоту интерфейса, понятность инструкций, когнитивную нагрузку и адаптацию сервисов под различные категории пользователей. Как отмечают Ю. Ю. Платонова и соавторы, качество UX в социальной сфере напрямую влияет на фактическую реализуемость прав граждан, особенно при низком уровне цифровых компетенций [3].

3. Интеграция межведомственных реестров, отражающая степень автоматического обмена данными между ЗАГС, ПФР, ФНС и органами социальной защиты. Недостаточная интеграция, по мнению Д. А. Мухаметова и В. П. Смолькина, ведёт к росту транзакционных издержек и снижению доверия населения к цифровым институтам [4].

4. Наличие офлайн-сопровождения, включая МФЦ, кол-центры и ассистированную подачу заявлений. Этот критерий важен с точки зрения инклюзивности цифровой трансформации и согласуется с институциональным пониманием социальной поддержки как смешанной (онлайн–офлайн) системы [1].

5. Стабильность и масштабируемость сервисов, позволяющие отличать устойчивые цифровые решения от ограниченных пилотных проектов.

Результаты.

Цифровизация в социальной политике означает применение цифровых идентификаторов, реестров, сервисов дистанционного обслуживания, систем электронных выплат и аналитики больших данных для повышения доступности, адресности и эффективности социальных мер. Во время кризисов (например, COVID-19) и при «росте потребностей уязвимых групп именно цифровые инструменты позволили быстрее довести помощь до нуждающихся и масштабировать программы» [5].

«Госуслуги» и региональные личные кабинеты (в т.ч. СПб) обеспечили массовый переход ряда процедур в онлайн. Российские кейсы чаще ориентированы на автоматизацию документооборота и «одного окна», пилотирование аналитики и частичную проактивность — но системных, полностью автоматизированных решений по выплатам пока мало [6].

Анализ основных статистических дан-

ных социальной сферы за 2023–2025 гг. в Санкт-Петербурге [7]:

1. Число семей с детьми в СПб: 600–615 тыс.
2. Число детей в семьях: 945–949 тыс.
3. Многодетные семьи: 76 000 (оценка 2025).
4. Дети с инвалидностью: 22 064 (2024).
5. Рождаемость: 49–50 тыс. рождений в 2024 (с тенденцией к снижению по сравнению с нач. 2020-х).
6. Интернет-активность: 86,4% взрослого населения выходили в интернет (2023); 76,3% имели учётную запись на «Госуслу-

гах».

7. Охват ДООУ высокий (87–89%), но спрос в новых микрорайонах остаётся высоким и требует управления очередями.

Эти цифры подтверждают масштаб задач: цифровые сервисы должны обслуживать сотни тысяч семей, в т.ч. значимую долю уязвимых групп.

Ниже представлена таблица 1 ключевых цифровых сервисов, используемых семейными получателями услуг в СПб, с оценкой доступности и кратким обоснованием [8; 1]. Оценка даётся по трёхуровневой шкале: высокая/средняя/низкая.

Таблица 1. Ключевые цифровые сервисы Санкт-Петербурга

Сервис / продукт	Ключевые функции для семей	Оценка доступности	Обоснование (кратко)
1	2	3	4
Госуслуги (Единый портал)	Подача заявлений на федеральные пособия, информация, учетная запись	Высокая	Широкий охват (76% учётных записей), стандартные формы, интеграция с ПФР, ЗАГС; есть мобильная версия; но UX иногда сложен для малоопытных пользователей.
Региональный портал СПб / «Семейный кабинет»	Региональные выплаты, запись в ДООУ, отслеживание статуса заявлений	Средняя	Функционален и интегрирован с региональными базами; ограниченная осведомлённость части населения, вариативность UX между модулями.
Мобильное приложение «Я — родитель»	Поиск кружков, досуга, услуги для семей, фильтрация по потребностям	Высокая	Удобен для поиска услуг/досуга; привлекателен молодым родителям; не всегда связан с назначением выплат.
Электронная очередь/запись в ДООУ	Подать заявление, проверить очередь, документы	Средняя	Отсутствие единого стандарта между районами; в отдельных районах очереди и уведомления не полностью синхронизированы.
Портал региональной соцзащиты / личный кабинет соцзащиты	Назначение региональных выплат, субсидий, льгот	Средняя–Низкая	Функционален, но интерфейс и навигация сложны; требуется поддержка через МФЦ.
Кол-центры и МФС-онлайн (киоски с сотрудником)	Ассистированная подача заявлений, консультации	Высокая (как офлайн-дополнение)	Ключевой канал для цифрово неактивных групп; уязвим к очередям и рабочему времени учреждений.

Чат-боты / FAQ на порталах	Автоконсультация по шагам подачи, ответы на типовые вопросы	Средняя	Удобны для типовых сценариев; не заменяют сложное кейс-сопровождение.
Региональные пилотные сервисы (социальная няня, сертификаты)	Оформление пособий, получение услуг	Низкая–Средняя	Пилотный уровень: ограниченный охват, нестабильность реализации; требуют масштабирования.

Данные таблицы 1 показывают, что наибольшей доступностью обладают универсальные федеральные сервисы («Госуслуги»), что объясняется их институциональной устойчивостью, широкой интеграцией реестров и высокой узнаваемостью. Однако даже при высокой формальной доступности сохраняются UX-барьеры, связанные со сложностью навигации и терминологии, что подтверждает выводы исследований о «вторичном цифровом разрыве», обусловленном не доступом, а навыками использования [2].

Региональные порталы Санкт-Петербурга демонстрируют средний уровень доступности: при наличии функционала они страдают от фрагментарности пользовательского опыта и недостаточной информированности населения. Это соответствует тезису О. В. Шиняевой о значении институциональной согласованности и социального капитала семьи при взаимодействии с цифровыми институтами [9].

Пилотные сервисы и инновационные инструменты (социальные сертификаты, «социальная няня») характеризуются ограниченным охватом и нестабильностью, что типично для ранних стадий цифровых трансформаций и требует управленческого сопровождения и масштабирования [4].

Выявленные проблемы носят системный характер и могут быть интерпретированы через призму научных концепций цифрового неравенства и институционального доверия:

1. Вариативность цифровой грамотности

усиливает социальное расслоение, о чём указывает А. Ю. Ардалянова, анализируя положение уязвимых семей в цифровой среде [2].

2. Множественность точек входа снижает целостность пользовательского опыта и увеличивает когнитивную нагрузку на семьи.

3. Недостаточная межведомственная интеграция противоречит принципу «одного окна» и снижает эффективность цифровых решений [4].

4. Ограниченность публичных KPI по цифровым сервисам затрудняет общественную и экспертную оценку результативности трансформации.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что Санкт-Петербург обладает значительным потенциалом для развития цифровой системы поддержки семей с детьми. Однако цифровая трансформация пока носит фрагментарный характер и не в полной мере учитывает различия в пользовательском опыте и уровне цифровых компетенций. В соответствии с выводами современных исследований в сфере социальной политики и цифровизации, дальнейшее развитие должно быть ориентировано на углублённую интеграцию реестров, унификацию интерфейсов, институционализацию офлайн-сопровождения и повышение прозрачности управленческих решений. Последовательный поэтапный подход позволит превратить цифровые инновации в устойчивую и инклюзивную социальную экосистему.

Список литературы:

[1] Филякова Е. А. Правовые аспекты социальной поддержки семей с детьми и граждан, имеющих детей: основные направления / Е. А. Филякова // Современные задачи и перспективные направления инновационного развития науки: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 09 марта 2025 года. – Стерлитамак: ООО «Агент-

ство международных исследований», 2025. – С. 156-158.

[2] Ардалянова А. Ю. Цифровые аспекты социального благополучия детей из семей мигрантов: исследовательская практика на Востоке России / А. Ю. Ардалянова // *Восточный вектор: история, общество, государство*. – 2025. – № 1. – С. 3-10.

[3] Инновационная направленность современного содержания образования специалистов социальной сферы в условиях цифровой цивилизации / Ю. Ю. Платонова, С. С. Лебедева, С. М. Безух, И. В. Мишина // *Человек и образование*. – 2023. – № 2(75). – С. 170-179.

[4] Мухаметов, Д. А. Совершенствование механизма реализации социальной поддержки семей с детьми / Д. А. Мухаметов, В. П. Смолькин // *Инновационный потенциал молодежи – 2020 : сборник работ по результатам Всероссийского фестиваля научного творчества*, Ульяновск, 02–03 июня 2020 года / Составитель и ответственный редактор Михайлова И.В.. – Ульяновск: Без издательства, 2020. – С. 189-194.

[5] Навигатор социальных услуг [Электронный ресурс]. – URL: <https://coso.ksp.gov.spb.ru/navigator-socialnyh-uslug/> (дата обращения: 05.11.2025).

[6] Портал Госуслуг [Электронный ресурс]. – URL: <https://esia.gosuslugi.ru/login/?amp=&=&=> (дата обращения: 05.11.2025).

[7] Сайт Петростат [Электронный ресурс]. – URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27954> (дата обращения: 22.10.2025).

[8] Санкт-Петербургский информационно аналитический центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://iac.spb.ru/?ysclid=mhz7n9rt0452472007> (дата обращения: 25.10.2025).

[9] Шиняева О. В. Семейный капитал как фактор профессионального становления молодых россиян / О. В. Шиняева, В. Е. Каманина // *Научный результат. Социология и управление*. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 192-206.

References:

[1] Filyakova E. A. Legal aspects of social support for families with children and citizens with children: main directions / E. A. Filyakova // *Current challenges and promising areas of innovative development of science: Collection of articles following the results of the International scientific and practical conference, Sterlitamak, March 9, 2025*. - Sterlitamak: ООО «Agency for International Research», 2025. - Pp. 156-158.

[2] Ardalyanova A. Yu. Digital aspects of social well-being of children from migrant families: research practice in the East of Russia / A. Yu. Ardalyanova // *Eastern vector: history, society, state*. - 2025. - No. 1. - Pp. 3-10.

[3] Innovative focus of the modern content of education of specialists in the social sphere in the context of digital civilization / Yu. Yu. Platonova, S. S. Lebedeva, S. M. Bezukh, I. V. Mishina // *Man and education*. – 2023. – No. 2(75). – P. 170-179.

[4] Mukhametov, D. A. Improving the Mechanism for Implementing Social Support for Families with Children / D. A. Mukhametov, V. P. Smolkin // *Innovative Potential of Youth – 2020: A Collection of Papers Based on the Results of the All-Russian Festival of Scientific Creativity, Ulyanovsk, June 2–3, 2020* / Compiled and Editor-in-Chief I. V. Mikhailova. – Ulyanovsk: Without Publishing House, 2020. – P. 189-194.

[5] Social Services Navigator [Electronic resource]. – URL: <https://coso.ksp.gov.spb.ru/navigator-socialnyh-uslug/> (Accessed: November 5, 2025).

[6] State Services Portal [Electronic resource]. – URL: <https://esia.gosuslugi.ru/login/?amp=&=&=> (accessed on November 5, 2025).

[7] Petrostat website [Electronic resource]. – URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/27954> (accessed on October 22, 2025).

[8] St. Petersburg Information and Analytical Center [Electronic resource]. – URL: <https://iac.spb.ru/?ysclid=mhz7n9rt0452472007> (accessed on October 25, 2025).

[9] Shinyaeva, O. V. Family capital as a factor in the professional development of young Russians. Research result. Sociology and management. – 2024. – T. 10, No. 4. – P. 192-206.

ЗЫКИН Альберт Сергеевич,

магистрант,

Учреждение высшего образования
«Университет управления ТИСБИ»,
e-mail: zykina@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу понятия и юридических оснований возникновения обязательств, вытекающих из неосновательного обогащения (кондикционных обязательств) в российском гражданском праве. В статье рассматривается легальное определение, даваемое статьей 1102 Гражданского кодекса РФ, и подчеркивается необходимость его доктринального дополнения. Особое внимание уделяется юридическому составу, лежащему в основе этих обязательств, который представляет собой сложный фактический состав, включающий действия (или события) и последующий результат — неосновательное приобретение или сбережение имущества за счет потерпевшего. Анализируются различные подходы судебной практики к определению необходимых условий возникновения кондикционных требований. Также кратко освещаются элементы кондикционного обязательства: субъекты (приобретатель и потерпевший), объект (приобретенное или сбереженное имущество) и содержание (обязанность возврата или компенсации). Целью работы является систематизация теоретических представлений и практических аспектов возникновения одного из важнейших гражданско-правовых институтов.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, кондикционное обязательство, юридический состав, приобретатель, потерпевший, неосновательное сбережение, Гражданский кодекс РФ.

ZYKIN Albert Sergeevich,

Master's student,

Institution of Higher Education
«University of Management TISBI»

CONCEPT AND BASIS OF OBLIGATIONS ARISING FROM INJUSTICE

Annotation. This article is devoted to the analysis of the concept and legal grounds for the emergence of obligations arising from unjust enrichment (conditionally obligations) in Russian civil law. The article examines the legal definition given by Article 1102 of the Civil Code of the Russian Federation and emphasizes the need for its doctrinal supplementation. Special attention is paid to the legal composition underlying these obligations, which is a complex factual composition involving actions (or events) and the subsequent result of the unjust acquisition or preservation of property at the expense of the victim. The article analyzes various approaches of judicial practice to determining the necessary conditions for the emergence of condition claims. It also briefly covers the elements of a condition obligation: the subjects (the acquirer and the victim), the object (the acquired or saved property), and the content (the obligation to return or compensate). The purpose of the work is to systematize the theoretical concepts and practical aspects of the emergence of one of the most important civil law institutions.

Key words: unjust savings, Civil Code of the Russian Federation.

Институт неосновательного обогащения представляет собой один из фундаментальных механизмов гражданского права, направленный на восстановление имущественного равновесия между субъектами, нарушенного в результате отсутствия законных оснований для приобретения или удержания имущества. В современном российском гражданском обороте, где динамика экономических отношений часто приводит к ошибкам в переводах средств, недействительным сделкам или иным обстоятельствам, способствующим беститульному обогащению, актуальность изучения понятия и оснований возникновения соответствующих обязательств (кондикционных обязательств) не вызывает сомнений. Статья 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1] устанавливает ключевую норму: лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретение или сбережение имущества) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (п. 1 ст. 1102 ГК РФ). Однако, как отмечает юридическая доктрина, это определение, будучи лаконичным, требует доктринального углубления для полного раскрытия сущности института, особенно в контексте сложных фактических ситуаций, возникающих на практике.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, рост числа споров, связанных с неосновательным обогащением, в арбитражных и судах общей юрисдикции: по данным Верховного Суда РФ, в 2022–2023 годах количество дел по ст. 1102 ГК РФ увеличилось на 15–20% по сравнению с предыдущими периодами, что отражает усложнение имущественного оборота в условиях цифровизации и глобализации. Во-вторых, несогласованность подходов судебной практики: некоторые суды трактуют возникновение обязательства как следствие простого факта обогащения, в то время как другие настаивают на обязательном наличии ущерба потерпевшему и отсутствии правового титула. В-третьих, доктринальные дискуссии о юридическом составе, порождающем

кондикционные обязательства, подчеркивают необходимость систематизации теоретических представлений для унификации применения норм.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ понятия неосновательного обогащения и оснований возникновения кондикционных обязательств в российском гражданском праве с целью их доктринального и практического уточнения. Для достижения этой цели предусмотрены следующие задачи исследования:

- раскрыть понятие неосновательного обогащения как юридического феномена;
- выявить юридические основания возникновения обязательств;
- оценить значение института для гражданского оборота.

Методологической основой исследования выступают общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой), а также изучение судебной практики и доктринальных источников. Статья структурирована в соответствии с задачами: сначала раскрывается понятие и состав, затем — практика и элементы обязательства, завершаясь выводами о перспективах развития института.

Таким образом, институт неосновательного обогащения занимает одно из центральных мест в системе обязательственного права, выступая в качестве механизма восстановления имущественного баланса при отсутствии законных оснований для приобретения или удержания имущества. Легальное определение этому явлению дано в п. 1 ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1], согласно которому лицо, приобретшее или сберегшее имущество за счет другого лица без законных оснований, обязано это имущество возвратить. Однако, как показывает юридическая доктрина, данное определение, хотя и является отправной точкой, недостаточно для полного раскрытия сущности кондикционных обязательств [2, с. 848].

Требуется более глубокое доктринальное осмысление понятия и, что более важно с практической и теоретической точек зрения, установление точных оснований их возникновения.

Сущность обязательств вследствие неосновательного обогащения раскрывается через анализ юридических фактов, которые их порождают. В отличие от обязательств, возникающих из договора или причинения вреда, кондикционные обязательства возникают в силу самого факта неосновательного обогащения, ставшего следствием определенных обстоятельств.

Дискуссии в доктрине часто сводятся к тому, является ли само по себе неосновательное обогащение достаточным юридическим фактом, или же требуется более сложный состав. Анализ ст. 8 и ст. 1102 ГК РФ позволяет заключить, что обязательство возникает не просто из факта обогащения, а из неосновательного обогащения, совершенного за счет потерпевшего.

Судебная практика демонстрирует, что для возникновения кондикционного требования необходим сложный фактический состав (юридический состав), включающий две ключевые составляющие:

1. Наличие действия (или события): Это первый юридический факт, который может быть представлен действием приобретателя, бездействием потерпевшего, действиями третьих лиц или наступлением объективного события (например, стихийного бедствия). Эти факты формируют ситуацию, в которой обогащение становится возможным.

2. Результат — неосновательное обогащение за счет потерпевшего: Это следствие первого факта, представляющее собой приращение имущества приобретателя (приобретение или сбережение) при одновременном отсутствии правового основания (закона, акта или сделки) и наличии связи с уменьшением имущества потерпевшего.

Суды по-разному акцентируют внимание на элементах этого состава. Некоторые регионы считают достаточным установление факта бесцельного приобретения имущества за счет другого лица. Другие арбитражные суды настаивают на одновременном наличии двух условий: обогащение произошло за счет потерпевшего и при отсутствии законных оснований. Такой подход более соответствует общепринятой доктрине, так как обособленное существование имущества у приобретателя

еще не влечет обязанности по его возврату, если оно не было получено именно за счет конкретного лица — потерпевшего [3, с. 213].

Понятие «обогащение» включает не только фактическое приращение имущества (получение денег, товаров), но и сбережение — ситуацию, когда лицо избежало расходов, которые оно было обязано понести (например, не уплатило арендную плату за фактически использованное, но не оформленное по договору имущество).

Важным моментом, который, несмотря на отсутствие прямого легального закрепления в ст. 1102 ГК РФ, активно применяется в судебной практике, является отпадение основания приобретения. Если имущество было получено законно (например, по договору), но впоследствии основание для его удержания прекратилось (например, договор расторгнут или признан недействительным), дальнейшее удержание имущества трансформируется в неосновательное обогащение. Признание этого факта в качестве основания возникновения кондикционного обязательства является важным шагом для согласования теории и практики [4, с. 383].

Кондикционное обязательство, занимающее особое место в системе обязательственного права, представляет собой юридический механизм, направленный на восстановление нарушенного имущественного баланса. В основе его лежит принцип недопустимости неосновательного обогащения одного лица за счет другого. Как и любое иное гражданско-правовое обязательство, кондикционное характеризуется наличием трех ключевых элементов: субъектного состава, объекта и содержания. Детальное рассмотрение этих компонентов позволяет полностью понять сущность и механизм реализации данного вида правоотношений, урегулированных, в частности, нормами о неосновательном обогащении (например, главами об истребовании из чужого незаконного владения и неосновательном обогащении в Гражданском кодексе Российской Федерации).

Субъекты кондикционного обязательства — это участники правоотношения, наделенные соответствующими правами и обязанностями, возникающими в результате не-

основательного получения или сбережения имущества. Эти стороны традиционно именуется приобретателем (или обогатившимся) и потерпевшим (или обогатившим).

Приобретатель — это лицо, которое неосновательно получило или сберегло чужое имущество. Именно на него возлагается обязанность по возврату этого имущества или компенсации его стоимости.

уже отмечено, в роли приобретателя может выступать любое лицо, способное участвовать в гражданском обороте. Это означает, что субъектами могут быть:

1. Физические лица: Граждане, достигшие необходимого объема дееспособности для участия в имущественных отношениях.

2. Юридические лица: Коммерческие и некоммерческие организации. В случае, если юридическое лицо неосновательно получило средства (например, вследствие ошибки банка при перечислении), именно оно выступает должником по кондикционному требованию.

3. Публично-правовые образования: Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования. Если такие образования неосновательно получили имущество, они несут обязанность возврата, что подчеркивает универсальность применения норм о неосновательном обогащении.

Важным юридическим аспектом является то, что субъектом обязательства становится лицо независимо от его вины (в отличие от деликтных обязательств). Факт неосновательности обогащения является достаточным основанием для возникновения обязанности по возврату.

Потерпевший — это лицо, чье имущество было неосновательно приобретено или сбережено приобретателем. Именно он обладает правом требования к приобретателю о возврате неосновательно полученного.

Потерпевшим является собственник имущества или лицо, имеющее законное право на владение этим имуществом, которое было неосновательно использовано или сохранено другим лицом.

Несмотря на то что кондикционное обязательство возникает между конкретными приобретателем и потерпевшим, возможно изменение сторон. Право требования (кондик-

ционный иск) может быть уступлено (цессия), а обязанность по возврату может перейти к его наследникам или правопреемникам (при универсальном переходе прав и обязанностей) [5, с. 16].

Объектом гражданско-правового отношения в широком смысле признаются не сами вещи, а то поведение (действия или воздержание от действий), в котором выражаются права и обязанности субъектов.

В контексте кондикционного обязательства, объектом является обязанность приобретателя совершить определенные действия, направленные на восстановление имущественного положения потерпевшего [6, с. 16].

Эти действия делятся на два основных типа (часто взаимоисключающих или последовательных):

1. Действие по возврату (реституция натурой): Наиболее предпочтительный вариант — это возврат имущества в натуре, то есть возврат того же самого, что было неосновательно получено (например, возврат той же суммы денег, тех же ценных бумаг, того же объекта недвижимости).

2. Действие по компенсации (денежное возмещение): Если возврат в натуре невозможен (например, вещь потреблена, утрачена, или произошла ее перепродажа добросовестному приобретателю), обязанность трансформируется в требование о компенсации стоимости неосновательно обогащения. Сюда же может относиться требование о возмещении упущенной выгоды, если она была получена приобретателем.

Предмет кондикционного обязательства — это материальные блага или имущественные ценности, которые являются целью действия (обязанности) должника. Это то, что было получено или сбережено неосновательно.

Предмет неосновательного обогащения может быть весьма разнообразным:

1. Деньги: Наиболее частый предмет, возникающий из ошибочных банковских переводов, излишне уплаченных сумм и т.д.

2. Ценные бумаги: Акции, облигации, чеки, полученные без законного основания.

3. Иное имущество (вещи): Материальные объекты, которые были случайно или по ошибке переданы другому лицу.

4. Имущественные права: Неосновательное приобретение права требования к третьему лицу или неосновательное погашение чужого обязательства.

5. Услуги и результаты работ: Кондикция применима и к ситуациям, когда одна сторона без договора или иного законного основания выполнила работы или оказала услуги, а другая сторона извлекла из этого выгоду. В этом случае объектом требования является не возврат самой услуги (она оказана), а возмещение ее стоимости [7, с. 127].

Важно отметить, что предметом могут быть только те выгоды, которые являются реальным обогащением. Если лицо получило что-либо, но это было тут же потрачено на покрытие законных, но неудовлетворенных долгов, в некоторых юрисдикциях суды могут отказать в кондикционном иске, поскольку реального обогащения не наступило (хотя это сложный момент, часто регулируемый специальными нормами).

Содержание обязательства составляют конкретные права и обязанности сторон. В кондикционном обязательстве эти элементы тесно связаны с понятием «неосновательность».

Основное содержание — это обязанность устранить неосновательное обогащение. Эта обязанность включает не только возврат самого имущества, но и сопутствующие реституционные действия:

1. Возврат всего полученного: Приобретатель обязан вернуть все, что он получил.

2. Возмещение всех полученных выгод (плодов): Если обогащенное имущество принесло плоды (например, дивиденды по акциям, проценты по вкладу, урожай с земли), обязанность распространяется и на эти плоды, поскольку они также являются результатом незаконного присвоения чужого имущества.

3. Оплата процентов (в определенных случаях): В ряде правовых систем, если обогащение состояло в пользовании чужими денежными средствами, приобретатель обязан уплатить проценты за пользование ими, даже если это не было прямо предусмотрено законом о неосновательном обогащении, но соответствует общим нормам об обязательствах.

Право кредитора состоит в возможности требовать от приобретателя исполнения его обязанности [8, с. 40].

Кредитор имеет право обратиться в суд с иском об истребовании неосновательного обогащения (кондикционный иск).

Если натуральный возврат невозможен, потерпевший вправе требовать возмещения стоимости имущества, исходя из его цены на момент неосновательного обогащения или на момент рассмотрения дела судом (в зависимости от критериев, установленных применимым правом).

Кондикционное обязательство — это не просто правоотношение, основанное на факте обогащения. Оно является выражением фундаментального принципа справедливости в имущественном обороте: никто не должен извлекать выгоду из чужого неправомерного (или ошибочного) обогащения.

Четкое определение субъектов (приобретатель и потерпевший, способные быть любыми субъектами оборота), разграничение объекта (действия по возврату) и предмета (материальные ценности) позволяет точно определить рамки применения норм о неосновательном обогащении. Содержание обязательства, требующее не только возврата основного имущества, но и всех полученных выгод, гарантирует полное восстановление имущественного положения потерпевшего, делая кондикцию одним из важнейших инструментов защиты имущественных прав.

Таким образом, обязательства вследствие неосновательного обогащения возникают в силу сложного юридического состава, в центре которого находится факт неосновательного обогащения, совершенного за счет конкретного потерпевшего. Этот факт, будучи результатом определенных действий или событий, требует законодательного закрепления всей совокупности условий, включая случаи отпадения первоначального правового основания. Четкое понимание юридического состава и элементов кондикционного обязательства критически важно как для защиты имущественных прав граждан, так и для обеспечения стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.10.25) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Комментарий к новейшей действующей редакции / Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич. — Москва : Эксмо, 2024. — 944 с.
- [3] Гончарова Ю. А. Особенности обязательств из неосновательного обогащения / Ю. А. Гончарова // Традиции и новации в системе современного российского права : Материалы XXI Международной конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 15–16 апреля 2022 года. Том 2. — Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — С. 213-215.
- [4] Галимов Р. Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения / Р. Л. Галимов // Матрица научного познания. — 2021. — № 6-1. — С. 283-294.
- [5] Акаимова Ю. П. Требования из неосновательного обогащения по законодательству России / Ю. П. Акаимова // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 3-3(71). — С. 16-19.
- [6] Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. — 26 с.
- [7] Васильева А. Ф. Неосновательное обогащение как новая конструкция публичного права / А. Ф. Васильева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 9. — С. 127-141.
- [8] Антонов В. А. Проценты за пользование чужими денежными средствами по деликтным обязательствам / В. А. Антонов // Проблемы и перспективы развития гражданского и гражданского процессуального права : Сборник материалов I-й международной научно-практической конференции, Махачкала, 26 декабря 2020 года. — Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2021. — С. 40-42.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on October 22, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Article 410.
- [2] Civil Code of the Russian Federation. Commentary on the latest current version / G. E. Slepko, Yu. N. Strazhevich. - Moscow: Eksmo, 2024. - 944 p.
- [3] Goncharova, Yu. A. Features of Obligations from Unjust Enrichment / Yu. A. Goncharova // Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Proceedings of the XXI International Conference of Young Scientists. In 3 volumes, Moscow, April 15–16, 2022. Volume 2. - Moscow: O.E. Sechenov Moscow State Law University. Kutafina (MSAL), 2022. — Pp. 213-215.
- [4] Galimov R. L. Obligations resulting from unjust enrichment / R. L. Galimov // Matrix of scientific knowledge. — 2021. — No. 6-1. — Pp. 283-294.
- [5] Akaemova Yu. P. Claims from unjust enrichment under Russian legislation / Yu. P. Akaemova // Current scientific research in the modern world. — 2021. — No. 3-3(71). — Pp. 16-19.
- [6] Bylkov V. V. Problems of legal relations arising as a result of unjust enrichment: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar, 2004. — 26 p.
- [7] Vasilyeva A. F. Unjust enrichment as a new construct of public law / A. F. Vasilyeva // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2020. - No. 9. - Pp. 127-141.
- [8] Antonov V. A. Interest for the use of other people's money under tortious obligations / V. A. Antonov // Problems and prospects for the development of civil and civil procedural law: Collection of materials from the 1st international scientific and practical conference, Makhachkala, December 26, 2020. - Makhachkala: Limited Liability Company «ALEF Publishing House», 2021. - Pp. 40-42.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-86-91

ВАНЕЕВ Тамерлан Таймуразович,
магистрант
Учреждение высшего образования
«Университет управления ТИСБИ»,
e-mail: vaneevtt@yandex.ru

СОСТАВ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой комплексный анализ становления и развития института интеллектуальной собственности (ИС) в контексте исторической трансформации правовых систем, с особым акцентом на российский опыт. Научная новизна исследования заключается в системном, исторически обоснованном анализе эволюции российского института ИС, который позволяет увидеть преемственность правовых конструкций, а также в детальной верификации современного состава прав (личных неимущественных и исключительных) в отношении различных типов объектов ИС, с акцентом на тонкости правоотношений, возникающих в связи со служебными результатами. Работа предлагает более структурированное понимание того, как исторические и идеологические факторы повлияли на формирование сегодняшнего комплексного содержания прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Особое внимание уделено содержанию современных интеллектуальных прав, их классификации на личные неимущественные и исключительные (имущественные), а также специфике правового режима различных объектов ИС (произведения науки и искусства, изобретения, топологии, ноу-хау). Анализируются механизмы защиты и распределения прав, включая вопросы служебных созданий, что позволяет определить современную структуру института ИС как сложного, многоуровневого правового образования.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, исключительное право, личные неимущественные права, ноу-хау, правопреемство, ГК РФ.

VANEYEV Tamerlan Taimurazovich,
Master's student,
Institution of Higher Education
«University of Management TISBI»

COMPOSITION AND CONTENT OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the formation and development of the institution of intellectual property (IP) in the context of the historical transformation of legal systems, with a particular focus on the Russian experience. The scientific novelty of the study lies in the systematic, historically grounded analysis of the evolution of the Russian IP institution, which allows us to see the continuity of legal structures, as well as in the detailed verification of the current composition of rights (personal non-property and exclusive) in relation to various types of IP objects, with an emphasis on the intricacies of legal relations arising from service results. The work offers a more structured understanding of how historical and ideological factors have influenced the formation of the current complex content of intellectual property rights in the Russian Federation.

Special attention is paid to the content of modern intellectual rights, their classification into personal non-property and exclusive (property) rights, as well as the specifics of the legal regime for various IP objects (works of science and art, inventions, topologies, and know-how). The mechanisms for protecting and distributing rights are analyzed, including the issues of creations, which allows us to determine the current structure of the IP institution as a complex and multifaceted one. The article analyzes the mechanisms of protection and distribution of rights, including the issues of service creations, which allows us to determine the modern structure of the IP institution as a complex, multi-level legal entity.

Key words: *intellectual property, copyright, patent law, exclusive right, personal non-property rights, know-how, legal succession, Civil Code of the Russian Federation.*

Институт интеллектуальной собственности (ИС), несмотря на кажущуюся современность, коренится в эпохальных сдвигах, связанных с переходом от мануфактурного производства к фабричной системе в XVIII–XIX веках. Промышленная революция явилась катализатором, который обнажил настоятельную потребность в сфере гражданского оборота и обеспечения их правовой защиты.

Первоначально проявления этого регулирования носили характер персональных привилегий, предоставляемых в качестве поощрения за вклад в развитие. С течением времени, осознание неотъемлемой связи между творческой деятельностью и личным правом человека на ее плоды привело к формированию устойчивых правовых режимов, направленных на защиту интересов как создателей, так и пользователей результатов интеллектуальной деятельности.

Международное признание и унификация подходов к защите стали возможны благодаря заключению основополагающих международных актов: Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883 г.) и Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (1886 г.). Эти документы заложили фундамент для формирования национальных систем защиты ИС.

В отличие от западноевропейских стран, в Российской империи правовое регулирование отношений между авторами и издателями до начала XIX века носило фрагментарный и несистематизированный характер. Знаковым шагом стало принятие в 1804 году Цензурного устава, который закрепил за автором или переводчиком «исключительное право пользоваться всю жизнь своим изданием и продажей оно́го» как приобретенным достоянием.

Это стало первым шагом к признанию имущественной ценности творческого труда [2, с. 245].

Последующим этапом стало принятие в 1911 году Закона «Об авторском праве». Эта модель, хотя и отражавшая положения Берлинской редакции Бернской конвенции 1908 года, устанавливала несколько более низкий уровень охраны прав авторов. Закон 1911 года впервые дал системное определение круга охраняемых объектов (литературные, музыкальные, художественные произведения, включая фотографию и фотографические произведения), очертил сроки действия исключительных прав, регламентировал вопросы правопреемства и договорных отношений. Примечательно, что законодатель того времени предпочел оперировать термином «исключительная собственность» вместо более широкого понятия «литературная художественная собственность».

Радикальный пересмотр доктрины произошел после Октябрьской революции 1917 года. Декретом 1918 года «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» была установлена государственная монополия на произведения. Данный акт позволял объявить опубликованные и неопубликованные труды, как ныне живущих, так и умерших авторов, достоянием РСФСР. Хотя пользователям произведений предписывалась выплата гонораров, права наследников были существенно ущемлены (отменено наследование прав по Декрету СНК от 28 апреля 1918 г.), при этом наследникам гарантировалось лишь минимальное содержание. Для произведений, не объявленных достоянием, сохранялись права распоряжения, но срок охраны после смерти автора сокращался до шести ме-

сяцев.

Период НЭПа ознаменовался возвращением к более сбалансированным подходам. Основы авторского права, принятые в 1925–1928 гг., и Закон РСФСР 1928 года вновь признали за авторами исключительное право на произведения, действующее в течение 25 лет после первого опубликования. С 1928 года началось движение в сторону охраны права на протяжении всей жизни автора с последующей передачей наследникам на 15 лет [3, с. 84].

Параллельно с авторским правом развивалось регулирование прав на технические новшества — изобретательское (патентное) право. Прототипом патентного документа в России часто называют привилегию, выданную М.В. Ломоносову в 1752 году на организацию производства цветных стекол. Эта привилегия предоставлялась на 30 лет и имела целью компенсировать затраченные труды первооткрывателя.

В 1776 году доклад Сената затронул идею вознаграждения не только конкретного лица (А. Ратцеова), но и «прочих, кои сделают для общей пользы новое изобретение», что является ранним признанием патентного права как инструмента стимулирования инноваций в общенациональном масштабе.

Ключевым моментом стало Манифест 1812 года «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах». Он ввел унифицированную форму привилегии, закрепив за владельцем не только исключительное право пользования, введения, употребления и продажи продукта изобретения, но и право пресекать незаконное использование через судебные иски с возмещением убытков.

Закон 1896 года «Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования» ужесточил требования к новизне и ввел институт охранного свидетельства сроком на 15 лет, что является важным шагом к современным патентным стандартам.

Послереволюционный этап в сфере изобретений начался с Декрета 1919 года о регулировании изобретений, что подчеркивало важность этого сектора даже в условиях Гражданской войны. В 1924 году СССР официально ввел патентную форму охраны, установив 15-летний срок действия патентов.

Решающее изменение произошло 9 апреля

1931 года, когда Постановлением ЦИК и СНК СССР были установлены две формы охраны изобретений: авторское свидетельство и патент. Хотя обе формы подтверждали факт наличия изобретения, авторское свидетельство подразумевало, что права на владение объектом принадлежат государству. Преимущество авторского свидетельства заключалось в предоставлении его обладателям ряда социальных льгот (жилье, научные должности, поступление в вузы для авторов и их детей), что отражало идеологию централизованного стимулирования.

Современное регулирование ИС в России базируется на международном праве и закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (Четвертая часть, введенная в действие с 1 января 2008 года). Защита имущественных и неимущественных прав обеспечивается многоуровневой системой актов, включая международные договоры и Конституцию РФ. Способы защиты варьируются от мер пресечения неправомерного использования до привлечения к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

Состав охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ) [1] включает:

1. Произведения науки, литературы и искусства (включая депонированные рукописи, диссертации).
2. Программы для ЭВМ (ПО) и Базы данных, систематизированные для машинной обработки.
3. Изобретения (технические решения в любой области, относящиеся к продукту или способу).
4. Полезные модели (технические решения, относящиеся к устройству).
5. Промышленные образцы (художественно-конструкторские решения внешнего облика изделия).
6. Топологии интегральных микросхем.
7. Секреты производства (ноу-хау), представляющие собой сведения любого характера, охраняемые в режиме коммерческой тайны.

Интеллектуальные права (ИП) подразделяются на личные неимущественные и исключительные (имущественные) права [4, с. 99].

Личные неимущественные права неразрывно связаны с личностью создателя и, как правило, являются отчуждаемыми и бессрочными [5, с. 42]. К ним относятся:

1. Право авторства: Право быть признанным создателем объекта. Это неотчуждаемое право, охраняется бессрочно (ст. 1228 ГК РФ).

2. Право на имя: Право использовать свое имя, псевдоним или действовать анонимно.

3. Право на неприкосновенность произведения: Запрет на внесение изменений, сокращений или дополнений в произведение без согласия автора.

4. Право на обнародование (право на отзыв): Возможность впервые сделать произведение доступным для публики или отозвать ранее принятое решение об обнародовании с возмещением убытков.

Личные неимущественные права, в их полном объеме, не распространяются на секреты производства (ноу-хау), где акцент делается исключительно на режиме использования и защиты сведений [6, с. 93].

Исключительное право (имущественное право) представляет собой возможность правообладателя использовать результат интеллектуальной деятельности по своему усмотрению, а также разрешать или запрещать такое использование третьим лицам в хозяйственной деятельности (ст. 1229 ГК РФ).

Для изобретений, полезных моделей и промышленных образцов исключительное право возникает с момента выдачи патента. Для ПО и баз данных — с момента создания. Для ноу-хау — с момента введения режима коммерческой тайны [7, с. 75].

Исключительное право может принадлежать автору, коллективу авторов, наследнику, либо лицу, которому право было передано по договору (отчуждения или лицензионному).

В контексте служебной деятельности, где результат создан работником в рамках трудовых обязанностей, исключительное право по общему правилу принадлежит работодателю, если договором не предусмотрено иное. Однако, в зависимости от условий контракта, право может принадлежать:

1. Автору (если соглашение о передаче права не достигнуто).

2. Работодателю.

3. Публично-правовым образованиям (РФ,

субъекты, муниципалитеты) в рамках государственного или муниципального контракта.

В отношении секретов производства (ноу-хау), исключительное право, как правило, принадлежит работодателю или заказчику (подрядчику/исполнителю) в соответствии с условиями договора, если иное не прописано в контракте или не установлено законодательством для случаев государственных нужд.

Современные вызовы для института интеллектуальной собственности: цифровая среда, искусственный интеллект и проблемы правоприменения

В эпоху цифровизации институт интеллектуальной собственности сталкивается с беспрецедентными вызовами, которые требуют адаптации правовых норм к реалиям цифровой среды. Цифровые технологии радикально изменили способы создания, распространения и использования объектов ИС, порождая проблемы, связанные с пиратством, автоматизацией контента и трансграничным характером информации. Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2022 году ущерб от цифрового пиратства в глобальной экономике превысил 2,3 трлн долларов США, что подчеркивает остроту проблемы [8, с. 112]. В России ситуация усугубляется высокой степенью проникновения интернета (более 85% населения по данным Росстата на 2023 год), где нелегальное распространение контента через торрент-сервисы и социальные сети приводит к ежегодным потерям в сфере авторского права на сумму свыше 50 млрд рублей.

Одним из ключевых вызовов является защита исключительных прав в цифровой среде. Традиционные механизмы, закрепленные в ст. 1229 ГК РФ, предполагают контроль над использованием объектов ИС, однако в интернете контент размножается мгновенно и анонимно. Например, платформы вроде YouTube или Telegram позволяют загружать произведения без разрешения, что нарушает право на обнародование и неприкосновенность. Для противодействия этому вводятся технологические меры защиты (DRM — Digital Rights Management), но их эффективность ограничена: хакерские инструменты легко обходят такие барьеры. Судебная практика в РФ, включая дела о блокировке сайтов по запросу

Роспатента (ФЗ № 149-ФЗ «Об информации»), показывает, что превентивные меры работают, но требуют международного сотрудничества. В контексте ЕАЭС и ВТО Россия стремится к гармонизации с Директивой ЕС 2001/29/ЕС о гармонизации авторского права в информационном обществе, однако пробелы в трансграничном правоприменении остаются. Проблема усугубляется отсутствием унифицированных правил для облачных хранилищ и NFT-платформ, где цифровые активы (например, виртуальное искусство) вызывают споры о квалификации как объектов ИС.

Еще большим вызовом становится роль искусственного интеллекта (ИИ) в создании результатов интеллектуальной деятельности. Генеративные модели, такие как GPT-4 или DALL-E, производят тексты, изображения и музыку на основе больших данных, что размывает грань между авторским вкладом и машинным обучением. Вопрос: может ли ИИ считаться «создателем» в смысле ст. 1257 ГК РФ, где авторство приписывается физическому лицу? Суды в США (дело *Thaler v. Perlmutter*, 2023) и ЕС уже признают, что произведения, сгенерированные ИИ без значительного человеческого вмешательства, не подлежат авторскому праву, так как не имеют «творческого элемента». В России аналогичный подход прослеживается в Постановлении Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019, где подчеркивается роль человеческого интеллекта. Однако практика показывает пробелы: если ИИ обучается на защищенных данных (например, базах изображений Getty Images), возникает претензия о нарушении исключительных прав на исходный контент. По данным ВОИС, к 2025 году ожидается, что 40% контента в медиа будет генерироваться ИИ, что потребует реформы ГК РФ. Предлагаемые

меры включают введение «прозрачности обучения» (*disclosure of training data*) и специальный статус для ИИ-объектов как производных произведений.

Проблемы правоприменения усугубляют эти вызовы. Во-первых, институциональные барьеры: Роспатент и суды перегружены — в 2022 году рассмотрено более 150 тыс. заявок на патенты, но только 30% дел о нарушениях ИС доходят до финального решения из-за бюрократии [9, с. 156]. Во-вторых, доказывание ущерба в цифровой среде сложно: алгоритмы пиратства маскируют следы, а оценка «упущенной выгоды» (ст. 1252 ГК РФ) требует экспертизы, которой не хватает. Уголовная ответственность по ст. 146 УК РФ применяется редко (менее 5% случаев), предпочитая административные штрафы, что снижает *deterrent effect*. Кроме того, в условиях геополитических санкций (с 2022 года) доступ к международным базам данных (например, Espacenet) ограничен, что тормозит инновации в РФ. Для решения предлагается цифровизация правоприменения: блокчейн для регистрации прав (как в проекте «Единый реестр ИС» Минэкономразвития) и ИИ-ассистенты для автоматизации экспертизы патентов.

В заключение, современные вызовы — цифровая среда и ИИ — ставят под вопрос устойчивость института ИС, требуя баланса между защитой прав и инновациями. Россия, опираясь на Часть IV ГК РФ, должна интегрировать международные стандарты (например, Договор ВОИС по авторскому праву 1996 г.) и развивать правоприменительную практику, чтобы институт ИС эволюционировал в гармонии с технологическим прогрессом. Это позволит не только минимизировать риски, но и стимулировать экономику знаний, где ИС генерирует до 15% ВВП (по оценкам ОЭСР).

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.10.25) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Комментарий к новейшей действующей редакции / Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич. — Москва : Эксмо, 2024. — 944 с.
- [3] Интеллектуальная собственность: учебник - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 325 с.
- [4] Шатковская Т. В. Сложный объект интеллектуальных прав: проблемы определения и правовой охраны // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 4(208). — С. 99-101.

[5] Мухопад В. И. Интеллектуальная собственность в структуре целостной системы научно-технологического развития России // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. – № 8. – С. 41-50.

[6] Казакова А. В. Государственное регулирование сферы интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Человек. Знак. Техника: Сборник статей III Международного междисциплинарного молодёжного форума, Самара, 15–17 мая 2024 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, 2024. – С. 90-101.

[7] Сергеев А. П. О состоянии российского законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его развития // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 49, № 2. – С. 74-81.

[8] WIPO. World Intellectual Property Report 2022. Geneva: WIPO, 2022.

[9] Ежегодный отчет Роспатента за 2022 г. М.: Роспатент, 2023.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on October 22, 25) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Article 410.

[2] Civil Code of the Russian Federation. Commentary on the latest current version / G. E. Slepko, Yu. N. Strazhevich. - Moscow: Eksmo, 2024. - 944 p.

[3] Intellectual Property: textbook - 4th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 325 p.

[4] Shatkovskaya T. V. Complex object of intellectual property rights: problems of definition and legal protection // Law and state: theory and practice. – 2022. – No. 4(208). – P. 99-101.

[5] Mukhopad V. I. Intellectual Property in the Structure of the Integrated System of Scientific and Technological Development of Russia // Patents and Licenses. Intellectual Rights. – 2023. – No. 8. – P. 41-50.

[6] Kazakova A. V. State Regulation of Intellectual Property in the Russian Federation // Man. Sign. Technology: Collection of Articles from the III International Interdisciplinary Youth Forum, Samara, May 15-17, 2024. – Samara: Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, 2024. – P. 90-101.

[7] Sergeev A. P. On the State of Russian Legislation on Intellectual Property and Possible Ways of Its Development // Works on Intellectual Property. – 2024. – Vol. 49, No. 2. – Pp. 74-81.

[8] WIPO. World Intellectual Property Report 2022. Geneva: WIPO, 2022.

[9] Rospatent Annual Report for 2022. Moscow: Rospatent, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-92-96

ТИЛИМОВИЧ Егор Викторович,
студент,
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: egortilimovitch@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАСХОДОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО БЮДЖЕТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются проблемы расходов местного бюджета в сфере образования, их актуальность и последствия для современной системы образования, а также предложения по их решению.

Ключевые слова: местное самоуправление, бюджетная система, местный бюджет, образование, расходы на образование.

TILIMOVICH Egor Viktorovich,
Student,
Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

PROBLEMS OF MUNICIPAL BUDGET EXPENDITURES IN THE FIELD OF EDUCATION

Annotation. The article reveals the problems of local budget expenditures in the field of education, their relevance and consequences for the modern education system, as well as proposals for solving them.

Key words: local government, budget system, local budget, education, education expenses.

На протяжении всей истории человечества, образование являлось важным стратегическим ресурсом в международной политике. В данном контексте это означает, что система получения соответствующих знаний и навыков играет важную роль в формировании человеческого капитала, необходимого для социально-экономического развития государства.

В основе данной концепции лежат следующие элементы:

- формирование специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющимся мировым тенденциям, внедрять инновации;
- содействие развитию наукоёмких отрас-

лей – образовательные организации (например, университеты) могут стать центрами экономического роста за счёт концентрации материальных и интеллектуальных ресурсов;

– обеспечение конкурентоспособности государства – от степени образованности общества и состояния научного потенциала нации зависит, насколько государство будет конкурентоспособно на международных рынках труда.

Таким образом, высокий уровень образования в стране порождает более высокую производительность интеллектуального труда, которая, в свою очередь, положительно влияет на динамику её экономического развития

[4]. Однако всё это было бы невозможно без соответствующих денежных вложений, ведь именно крепкая финансовая база обеспечивает функционирование и развитие образовательной системы [2].

Согласно статье 65 Бюджетного кодекса Российской Федерации формирование расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется в соответствии с расходными обязательствами, обусловленными установленным законодательством Российской Федерации разграничением полномочий органов власти. Исполнение данных полномочий происходит за счёт средств соответствующих бюджетов [1]. Текущая система разграничений расходных полномочий в целом соответствует потребностям социально-экономического развития страны, но она не в состоянии закрыть все пробелы, касающиеся вопросов по расходам на образовательную отрасль. На уровне органов местного самоуправления данная тенденция ощущается сильнее всего.

К полномочиям органов местного самоуправления в сфере образования, в соответствии со статьёй 9 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», относится обеспечение доступности образования и содержания зданий и сооружений муниципальных образовательных организаций, а также обустройство прилегающих к ним территорий [6]. Учитывая тот факт, что муниципальные образовательные учреждения являются некоммерческими организациями, финансовое обеспечение почти целиком ложится на плечи местного бюджета.

Средства местных бюджетов, выделяемые на развитие образовательной системы, ограничены и не всегда позволяют покрывать значительные части затрат на приобретение учебников, оплату коммунальных услуг, текущее содержание зданий и сооружений, принадлежащих образовательным учреждениям и прочее [7]. Если для крупных образовательных учреждений, которые находятся в черте города, такая ситуация маловероятна, то для сельских районов подобная тенденция не является редкостью. Они расположены далеко от крупных населённых пунктов, что затрудняет доступ к ним для обучающихся, а отсутствие дорог, доступа к сети «Интернет» и дру-

гим коммуникациям, создаёт дополнительные сложности для организации обучения. В свою очередь население из сельских районов, особенно если мы говорим о молодом поколении, старается переезжать в крупные города, что приводит к уменьшению притока новых учеников в местные школы. Иногда это приводит к ситуации, когда в образовательном учреждении учится всего 2-3 ребёнка. Также возникают сложности с привлечением и удержанием квалифицированных учителей в сельских районах из-за ограниченных карьерных возможностей, что приводит к нехватке педагогических работников в образовательных организациях [3].

Возникает закономерный вопрос о целесообразности содержания подобных образовательных организаций. Средства для обеспечения ограничены и в большем объёме идут на места, где приоритет вложений будет выше, т. е. в крупные образовательные учреждения. Сельские образовательные организации, как правило, такими показателями похвастаться не могут, а оставшиеся финансы идут исключительно на то, чтобы поддерживать их базовые функции как образовательного учреждения на приемлемом уровне.

Помимо этого, на сегодняшний день колоссальные средства уходят на печать учебников, тетрадей, практикумов и прочей сопутствующей продукции. Количество предметов в школах увеличилось, как и требований к структуре основных образовательных программ. Тут возникает ряд сложностей:

– Финансовая нагрузка на семью. Цены на учебники и другие образовательные материалы в совокупности с их большим количеством, которое требуется на одного учащегося, формируют их высокую стоимость и может создать дополнительное финансовое бремя для родителей.

– Увеличение нагрузки на учеников. Увеличение количества предметов вызывает перегруз у учеников, как в физическом, так и психологическом плане. Из-за большого количества учебников, которое приходится носить ученику на занятия в день, масса школьного рюкзака может превышать 8-10 килограмм, что отрицательно сказывается на здоровье ученика. Кроме того, это может отрицательно повлиять на их успеваемость и психоло-

гическое состояние. Дети могут испытывать стресс и тревогу из-за требований к успеваемости по всем предметам.

- Увеличение нагрузки на учителей. Учителя могут испытывать трудности с адаптацией к новым программам и методам преподавания, что может привести к выгоранию и снижению качества обучения.

- Сложности с обновлением программы. Потребность в регулярном обновлении учебного плана и, как следствие, учебного материала может привести к затруднениям в области производства. Те учебники, что вышли из печати сегодня, завтра могут не соответствовать новым требованиям и оказаться не актуальными, что приведёт к дополнительным затратам не только на заказ нового материала, но и на подготовку новых программ и обучение педагогов.

- Недолговечность печатных учебников. Они, как и любая книга, с течением времени и в процессе пользования приходят в негодность, разрушаются и подвергаются различным повреждениям вследствие естественного старения материалов. Это если не учитывать различные внешние механические воздействия и то, что не все обучающиеся аккуратно обращаются с учебниками.

Исходя из приведённых выше проблем, можно утверждать, что решить их конкретно на уровне местного самоуправления не представляется возможным. Данный вопрос требует правового регулирования высших органов власти. В этой связи вопросы оценки деятельности системы финансирования расходов на образование на муниципальном уровне, а также проблема оптимизации образовательных расходов видятся весьма актуальными [5].

Решением, в данной ситуации, может стать цифровизация образовательной системы в плане учебно-материальной базы и оптимизация малокомплектных образовательных учреждений.

Во-первых, ликвидация и реорганизация малокомплектных образовательных учреждений как экономически нецелесообразных организаций. Такая оптимизация предполагает:

- упразднение тех сельских школ, которые не могут соответствовать требованиям, возлагаемым на них, как на образовательную организацию, а также тех, которые имеют ма-

ленький приток новых обучающихся;

- перевод этих обучающихся в более крупные учебные заведения, находящиеся вблизи места их проживания.

Во-вторых, закрепление на законодательном уровне процедуры перехода на цифровые носители, такие как планшеты и электронные книги вместо печатных изданий. Данная практика имеет множество существенных преимуществ:

- позволит снять нагрузку с учеников и необходимость носить тяжёлые рюкзаки с несколькими учебниками, так как вся информация может быть сосредоточена на одном устройстве;

- позволит более оперативно обновлять учебные материалы, а учащиеся всегда могут получить доступ к самой последней информации;

- позволит использовать различные образовательные приложения, интерактивные учебники, видеоматериалы и другие ресурсы, что делает процесс обучения более увлекательным и разнообразным;

- в долгосрочной перспективе использование электронных книг может снизить затраты на печатные учебники, особенно если учебные материалы будут доступны в цифровом формате бесплатно или по низкой цене.

Что касается кадрового голода среди педагогов, то во многом он связан с предыдущими проблемами. Здесь требуется провести ряд определённых мероприятий, чтобы сделать профессию педагога более привлекательной среди населения, придать ей престижа, а для этого следует:

- провести работу по улучшению кадрового состава педагогов через различные формы образования, самообразования, повышения квалификации и переподготовки, что позволит каждому педагогу повышать уровень профессионального мастерства на протяжении всей профессиональной деятельности;

- активизировать работу по привлечению молодых специалистов в образовательных организациях муниципальных районов путём пропаганды;

- совершенствовать работу кадрового резерва руководителей с передовыми технологиями для улучшения образовательного процесса;

– обеспечить внедрение в педагогическую практику работы учреждений эффективных современных подходов к организации образовательного процесса.

Таким образом, данная инициатива позволит выделить существенную часть бюджетных средств для финансирования других проектов в сфере образования.

Список литературы:

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ : принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. : [ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

[2] Кириллова С. С. Расходы на образование на местном уровне и их влияние на устойчивое развитие муниципалитетов / С. С. Кириллова, С. Н. Михайлов // Инновационное развитие региона: проблемы, перспективы (IV Шаляпинские чтения) : материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Мичуринск-наукоград РФ, 26 ноября 2021 года. – Мичуринск-наукоград РФ: Мичуринский государственный аграрный университет, 2021. – С. 165-167.

[3] Колесник А. П. Совершенствование деятельности органов местного самоуправления по реализации полномочий в сфере образования / А. П. Колесник // Современные вызовы развития муниципальных образований: социальные, экономические, правовые аспекты : Материалы региональной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 декабря 2022 года. – Петрозаводск: ООО «РИТМ», 2023. – С. 60-64.

[4] Меньшикова Е. А. Реализация полномочий органов местного самоуправления городского округа в сфере общего образования / Е. А. Меньшикова, Е. А. Клинова // Учёные заметки ТОГУ. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 66-72.

[5] Нохрина А. В. Расходы местных бюджетов на образование: проблемы и пути решения / А. В. Нохрина, Е. А. Смородина // Весенние дни науки : сборник докладов, Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 года / Министерство науки и высшего образования РФ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Институт экономики и управления. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. – С. 1048-1052.

[6] Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г. : [ред. от 25 дек. 2023 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.07.2025).

[7] Пирметова С. Я. Проблемы совершенствования деятельности органов местного самоуправления в сфере образования / С. Я. Пирметова, К. Т. Рагимханова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 1. – С. 78-80.

References:

[1] Budget Code of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 1998 No. 145-FZ: adopted by the State Duma on July 17, 1998: approved by the Federation Council on July 17, 1998: [as amended on July 31, 2025] // Collected Legislation of the Rus. Federation. - 1998. - No. 31. - Art. 3823.

[2] Kirillova S. S. Expenditures on Education at the Local Level and Their Impact on the Sustainable Development of Municipalities / S. S. Kirillova, S. N. Mikhailov // Innovative Development of the Region: Problems, Prospects (IV Chaliapin Readings): Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference, Michurinsk, Science City of the Russian Federation, November 26, 2021. – Michurinsk-science city of the Russian Federation: Michurinsk State Agrarian University, 2021. – Pp. 165-167.

[3] Kolesnik A. P. Improving the activities of local governments in the implementation of powers

in the field of education / A. P. Kolesnik // Modern challenges in the development of municipalities: social, economic, legal aspects: Proceedings of the regional scientific and practical conference, Petrozavodsk, December 7, 2022. – Petrozavodsk: ООО «RITM», 2023. – Pp. 60-64.

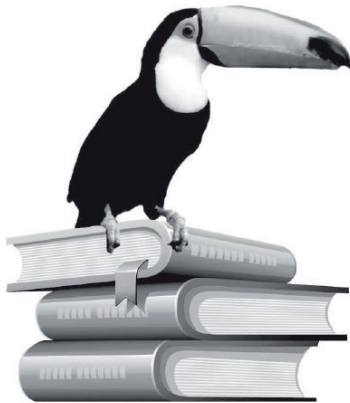
[4] Menshikova E. A. Implementation of powers of local governments of the urban district in the field of general education / E. A. Menshikova, E. A. Klintsova // Scientific notes of PSU. – 2020. – Vol. 11, No. 1. – Pp. 66-72.

[5] Nokhrina A. V. Local budget expenditures on education: problems and solutions / A. V. Nokhrina, E. A. Smorodina // Spring Days of Science: collection of reports, Yekaterinburg, April 22–24, 2021 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Institute of Economics and Management. – Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2021. – Pp. 1048–1052.

[6] On Education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ: adopted by the State Duma on December 21, 2012: approved by the Federation Council on December 26, 2012: [as amended on December 25, 2023]. – URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 02.07.2025).

[7] Pirmetova S. Ya. Problems of improving the activities of local governments in the field of education / S. Ya. Pirmetova, K. T. Ragimkhanova // Education. Science. Scientific personnel. - 2022. - No. 1. - P. 78-80.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШАХБАЗОВА Н.Д.,
2 курс, специальность 40.04.01
«Юридическое сопровождение
предпринимательской деятельности» (корпоративный юрист)»
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,
тел: 8-987-206-47-48,
e-mail: shahbazova.nurana@gmail.com

РОЛЬ БАНКА РОССИИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ БАНКРОТСТВА ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию роли Банка России в механизме предупреждения несостоятельности кредитных организаций. Проанализирована эволюция инструментов финансового оздоровления, включая системный переход от кредитной схемы с участием Агентства по страхованию вкладов к механизму прямой докапитализации через специально созданный Фонд консолидации банковского сектора. Рассмотрены публично-правовая природа взыскания убытков с контролирующих лиц при санации и макропруденциальные аспекты регулирования. Выявлены преимущества и недостатки современных надзорных практик, обеспечивающих макроэкономическую стабильность национальной финансовой системы в условиях длительных внешних экономических ограничений.*

Ключевые слова: *банковский надзор, финансовое оздоровление, санация, Банк России, Фонд консолидации банковского сектора.*

SHAKHBAZOVA N.D.,
2nd year, major 40.04.01
«Legal Support
of Entrepreneurial Activity» (Corporate Lawyer)
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE ROLE OF THE BANK OF RUSSIA IN PREVENTING THE BANKRUPTCY OF FINANCIAL ORGANIZATIONS

Annotation. *The article investigates the role of the Bank of Russia in preventing the insolvency of credit institutions. The evolution of financial recovery instruments is analyzed, including the systemic transition from a credit scheme involving the Deposit Insurance Agency to direct recapitalization through the specially created Banking Sector Consolidation Fund. The public-legal nature of recovering losses from controlling persons during resolution and the macroprudential aspects of regulation are examined. The advantages and disadvantages of modern supervisory practices ensuring the macroeconomic stability of the national financial system under prolonged external economic constraints are identified.*

Key words: *banking supervision, financial recovery, sanitation, Bank of Russia, Banking Sector Consolidation Fund.*

Трансформация национальной финансовой системы сопровождается процессами концентрации капитала и закономерным сокращением числа действующих кредитных организаций. Статистические данные наглядно свидетельствуют, что количество банков в России неуклонно уменьшалось с 1675 единиц в 1998 году до 361 организации к 2023 году [3]. Представленная динамика обусловлена не только естественными рыночными процессами консолидации, но и целенаправленной политикой регулятора по очищению сектора от нежизнеспособных участников, которая реализуется преимущественно через механизмы принудительной ликвидации. Принудительный уход банков с рынка из-за несостоятельности генерирует существенные финансовые издержки для реального сектора экономики, что актуализирует проблему формирования качественного инструментария раннего предупреждения банкротства. Банк России в рамках своих широких надзорных полномочий применяет макропруденциальные инструменты для смягчения последствий макроэкономических шоков, однако базовым элементом защиты прав институциональных и частных кредиторов остается процедура финансового оздоровления проблемных организаций.

Степень научной разработанности проблематики регулирования несостоятельности финансовых организаций характеризуется достаточной глубиной, поскольку исследователи регулярно обращаются к вопросам трансформации надзорных практик. В трудах А. Гузнова и Т. Рождественской системно раскрываются правовые основы банковского регулирования и классифицируются меры воздействия Банка России на кредитные организации, нарушающие установленные пруденциальные нормативы [1]. В свою очередь, С. А. Карелина и А. В. Осокин акцентируют исследовательское внимание на экстраординарных механизмах защиты прав кредиторов, обоснованно доказывая, что взыскание убытков при санации выступает не стандартным гражданско-правовым институтом, а публичной функцией банковского надзора, обусловленной целевым характером предоставляемого финансирования [2]. Экономические параметры процедуры санации подробно изучены В. Э. Кроливецкой и Е. О. Масловской,

проанализировавшими переход отечественной банковской системы от кредитной модели оздоровления к механизму прямой докапитализации [3]. Возникает логичный вопрос об экономической оправданности текущего уровня государственного вмешательства на фоне постепенного отказа европейских юрисдикций от механизмов публичной поддержки в пользу частного урегулирования.

Гипотеза представленного исследования строится на предположении о том, что внедрение инструмента прямой докапитализации проблемных банков за счет средств Фонда консолидации банковского сектора в неразрывном комплексе с взысканием убытков с контролирующих лиц способствует более быстрому восстановлению показателей платежеспособности. Вместе с тем подобный подход неизбежно приводит к долгосрочному повышению доли государственного участия на банковском рынке.

Процедура санации кредитных организаций в российской правоприменительной практике претерпела радикальные изменения под давлением макроэкономических факторов. Изначально доминирующая роль в предотвращении банкротств отводилась Агентству по страхованию вкладов, которое реализовывало механизмы санации посредством предоставления льготных кредитов инвесторам или непосредственно самим санируемым банкам. Выбранный механизм действительно обеспечивал бесперебойность расчетов, однако со временем выявилась его колоссальная финансовая емкость. Общая сумма выплаченного страхового возмещения кратно выросла с 21 млрд руб. в 2009 году до 1339 млрд руб. к началу 2017 года [3]. Очевидная экономическая неэффективность опосредованной кредитной модели, усугубляемая прямой зависимостью успешности самой процедуры от финансового положения банка-санатора, потребовала пересмотра регулятивной базы.

Весной 2017 года законодатель по инициативе регулятора учредил Фонд консолидации банковского сектора, управление которым стала осуществлять специализированная управляющая компания, юридически выступающая автономным подразделением Банка России [3]. Нормативный переход к капитальному механизму означал, что регулятор при-

обрел исключительное право самостоятельно выкупать акции saniруемых структур, предоставлять им субординированные займы и размещать средства на депозитах. Практическая реализация обновленного подхода стартовала в августе 2017 года в ходе финансового оздоровления системно значимого банка ФК Открытие, докапитализация которого за счет средств фонда потребовала 456 млрд руб. [3]. Позднее аналогичные меры были масштабированы и применены к Бинбанку с объемом вливаний в 57 млрд руб., а в дальнейшем к Промсвязьбанку и банку Траст [3]. Прямое вхождение надзорного органа в капитал позволило минимизировать издержки посредничества и ускорить выход показателей на нормативный уровень.

Параллельно с изменением базовых источников финансирования трансформировался правовой инструментарий воздействия на бенефициаров таких организаций. Пункт 5 статьи 189.23 закона о банкротстве регламентировал специальный механизм взыскания убытков, существенно отличающийся от параметров классической субсидиарной ответственности [2]. Суть данного инструмента заключается в компенсации фактических расходов Банка России на санацию, а не в линейном пополнении конкурсной массы. Поскольку выделяемое финансирование де-факто представляет собой целевую государственную субсидию, полномочие по взысканию убытков носит ярко выраженный публично-правовой характер [1]. Практикуемое судами использование упрощенных стандартов доказывания по аналогичным спорам продиктовано необходимостью жесткого удержания макроэкономической стабильности и предотвращения стремительной девальвации активов системно значимых институтов [2]. Для сравнения можно проанализировать банковскую систему США, где функции кризисного оздоровления выполняет специализированное правительственное агентство FDIC, решения которого в части стратегии управления несостоятельным банком вообще неподнадзорны судебному контролю [2]. В отличие от европейской практики, где масштабно применяется процедура частного распределения убытков между кредиторами, отечественная правовая система безальтернативно ориенти-

рована на спасение банков государственными ресурсами [1]. Вследствие этого судебное взыскание убытков с неэффективного менеджмента выступает единственным рабочим способом частичного возврата публичных инвестиций.

Оценка применения макропруденциальных мер демонстрирует, что банковский сектор сумел сохранить финансовую устойчивость даже в условиях структурных ограничений 2022 года. Запас совокупного капитала системы был зафиксирован на высоком уровне в 6 трлн руб., чему напрямую способствовал добровольный отказ ряда крупных организаций от выплаты дивидендов на общую сумму 139 млрд руб., а также своевременно реализованные регуляторные послабления [3]. Банк России оперативно снижал требования к капиталу, частично высвобождая контрциклический буфер, смягчал жесткие требования к обеспечению и расширял перечень легитимных активов [3]. Дополнительно были внедрены новые инструменты по предоставлению ликвидности кредитным организациям на срок до 1 года по сниженным ставкам [3]. Более радикальные инструменты, такие как принудительная полномасштабная санация и назначение временной администрации, задействуются надзорным органом лишь в крайних ситуациях, когда банк показывает документально подтвержденное неисполнение обязательств сроком более 7 дней или фиксируется критическое падение достаточности базового капитала [3].

При этом форсированный процесс оздоровления имеет серьезные побочные макроэкономические последствия. Фондирование процессов спасения через Фонд консолидации банковского сектора автоматически повышает уровень прямого огосударствления отрасли и провоцирует ее скрытую монополизацию, поскольку saniруемые банки в перспективе либо сливаются с другими государственными игроками, либо остаются под контролем структур с государственным участием [1]. Открытые торги по продаже акций, на примере Азиатско-Тихоокеанского Банка в 2021 году, иллюстрируют тактические попытки регулятора вернуть реанимированные активы в рыночную среду, но стопроцентно компенсировать исходные затраты удастся крайне редко

[3]. Из этого объективно следует, что развитие мер раннего предупреждения должно стать приоритетным по отношению к процедурам последующего спасения дефолтных институтов.

Механизм предупреждения банкротства финансовых организаций в России прошел путь от опосредованного льготного кредитования через систему страхования вкладов к прямому и жесткому централизованному управлению посредством Фонда консолидации банковского сектора. Такая административная модель доказала свою состоятельность в периоды системных потрясений, позволив надзорным органам оперативно локализовать дефицит ликвидности крупнейших банковских структур и пресечь системный коллапс. Гарантом хотя бы частичного возврата бюджетных вливаний стала нормативная практика взыскания специальных санационных

убытков с контролирующих лиц, которая формирует массивную правовую базу для пресечения деструктивного корпоративного менеджмента.

Высокая конечная стоимость процедур санации объективно требует смещения приоритетов Банка России с экстренного реагирования на консультационный надзор. Глубокая интеграция систем раннего предупреждения, включающих перманентный мониторинг индикаторов балансовой устойчивости и стресс-тестирование бизнес-моделей, позволит своевременно выявлять скрытые угрозы утраты платежеспособности. Только грамотно выверенное сочетание пруденциальной политики регулятора и компетентного риск-менеджмента внутри самих банков способно гарантировать долгосрочную стабильность сектора без избыточного наращивания государственной доли в экономике.

Список литературы:

- [1] Гузнов А., Рождественская Т. Банковское регулирование и надзор. Банкротство финансовых организаций. Меры воздействия банка России 4-е изд., пер. и доп. Учебное пособие для СПО. // Юрайт. – 2024. – 244 с.
- [2] Карелина С. А., Осокин А. В. Взыскание убытков при санации кредитной организации как инструмент банковского надзора // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – №. 1. – С. 51-58.
- [3] Кроливецкая В. Э., Масловская Е. О. О механизме предупреждения банкротства проблемных банков в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2023. – №. 4. – С. 141-152.

References:

- [1] Guznov A., Rozhdestvenskaya T. Banking regulation and supervision. Bankruptcy of financial institutions. Measures of influence of the Bank of Russia 4th ed., trans. and add. Textbook for secondary vocational education. // Yurait. - 2024. - 244 p.
- [2] Karelina S. A., Osokina A. V. Recovery of losses during the rehabilitation of a credit institution as a tool of banking supervision // Electronic supplement to the Russian Law Journal. - 2023. - No. 1. - P. 51-58.
- [3] Krolivetskaya V. E., Maslovskaya E. O. On the mechanism for preventing the bankruptcy of problem banks in Russia // Scientific journal of NRU ITMO. Series «Economics and environmental management». - 2023. - No. 4. - P. 141-152.

МЕЛЬНИКОВА Ксения Владимировна,
старший преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации на иностранных языках,
соискатель ученой степени кандидата педагогических наук,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия,
тел. +7(343)389-94-57,
e-mail: ksenia.vl.lykova@gmail.com

МУСИХИНА Арина Константиновна,
студентка 2 курса,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: arina_musikhina@bk.ru

ФАДИНА Варвара Сергеевна,
студентка 2 курса,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: fadina.varya2006@mail.ru

ЧЕРНОСКУТОВА Ирина Сергеевна,
студентка 2 курса,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: chernoskutovairina3@gmail.com

Научный руководитель:
САВЕЛЬЕВА Нэлли Хисматуллаевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации на иностранных языках,
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: nellik1983@mail.ru

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА В РАМКАХ ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ

Аннотация. В статье приводятся результаты педагогического эксперимента по развитию познавательной компетенции у студентов-лингвистов в рамках проектной деятельности по зарубежному переводоведению. Актуальность исследования обусловлена недостаточной сформированностью интеллектуальных и организационно-регулятивных умений,

обеспечивающих продуктивную самостоятельную учебно-познавательную деятельность в условиях информационно-цифровой среды. В работе представлена методика организации самостоятельной работы студентов в рамках проектного модуля с применением элементов микрообучения. Достижение высокого уровня сформированности заявленных умений на завершающем этапе эксперимента подтверждается результатами студенческого проекта – анализом переводческих трансформаций, выполненным на материале англоязычной компьютерной игры.

Ключевые слова: познавательная компетенция, проектная деятельность, зарубежное переводоведение, переводческие трансформации, микрообучение.

MELNIKOVA Ksenia Vladimirovna,

*Senior Lecturer, Department of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages,
Candidate of Pedagogical Sciences (PhD) candidate,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

MUSIKHINA Arina Konstantinovna,

*Second-year student,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

FADINA Varvara Sergeevna,

*Second-year student,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

CHERNOSKUTOVA Irina Sergeevna,

*second-year student,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

Academic Supervisor:

SAVELYEVA Nelli Khismatullaevna,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Department of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

DEVELOPING COGNITIVE COMPETENCE IN UNIVERSITY STUDENTS THROUGH PROJECT-BASED WORK IN FOREIGN TRANSLATION STUDIES

Annotation. *The article presents the results of a pedagogical experiment aimed at fostering cognitive competence in linguistics students through project-based learning in the field of foreign translation studies. The relevance of the research stems from the insufficient development of intellectual and organizational-regulatory skills required for effective self-directed learning in a digitally mediated educational environment. The study proposes a methodology for structuring students' independent work within a project module incorporating elements of microlearning. The development of the targeted competencies was assessed at the final stage of the experiment and demonstrated through the outcomes of students' project work, specifically a translation analysis of*

translation transformations based on material from an English-language digital game.

Key words: *cognitive competence, project-based learning, foreign translation studies, translation transformations, microlearning.*

Введение

Интеграция проектного модуля в образовательные программы высшей школы обусловлена реализацией компетентностного подхода, ориентированного на формирование у обучающихся системы универсальных и профессиональных компетенций [1]. В структуре данных компетенций особое значение приобретает познавательная компетенция, предполагающая способность к самостоятельному поиску, анализу и интерпретации информации, а также к решению профессионально значимых задач.

Проектная деятельность в вузе выступает механизмом развития данной компетенции, поскольку создаёт условия для организации самостоятельной учебно-познавательной и исследовательской работы студентов как в индивидуальном, так и в групповом формате. В рамках проектной деятельности обучающиеся осваивают навыки постановки целей, планирования, выбора методов исследования, анализа полученных результатов и их представления [2].

В частности, студенты профиля «Лингвистика» Уральского федерального университета в процессе проектной работы исследуют проблематику теоретической и прикладной лингвистики, межкультурной коммуникации, переводоведения, методики преподавания иностранных языков и других направлений, непосредственно связанных с их будущей профессиональной деятельностью.

Умения являются ключевым содержательным компонентом любой компетенции, что обусловлено главенствующей ролью ее деятельностного аспекта. Рассматриваемая нами компетенция познавательной деятельности предполагает наличие определенных групп умений в своем составе, например умений, связанных с интеллектуальными процессами, учебно-информационных умений, умений, связанных с организацией учебной деятельности и ее корреляцией [3; 4].

Настоящее исследование направлено на развитие интеллектуального и организационно-регулятивного компонента познавательной

компетенции. Актуальность работы обусловлена тем, что одной из существенных проблем современного высшего образования является снижение обучаемости студентов, связанное с воздействием информационной перегрузки [5]. Это также проявляется в выраженном дефиците умений, обеспечивающих продуктивную самостоятельную учебно-познавательную деятельность в рамках проектного обучения. В то же время, сформированность интеллектуальных и организационно-регулятивных умений у студентов является необходимым условием успешной реализации образовательных задач в контексте цифровой трансформации высшего образования.

Эмпирическим подтверждением данной проблемы послужили результаты опроса студентов Уральского федерального университета направления «Лингвистика», проведенного нами в осенние периоды 2023–2025 годов. В исследовании приняли участие 46 обучающихся.

Согласно полученным данным, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете свою способность эффективно осуществлять учебно-познавательную деятельность в условиях самостоятельной работы?», 79% респондентов отмечают у себя наличие трудностей в данном аспекте. Анализ ответов на вопрос «Какие умения, на ваш взгляд, вам необходимо развить для повышения эффективности самостоятельной учебной деятельности?» показал, что студенты испытывают сложности как в когнитивной сфере, так и в области саморегуляции и планирования. Наиболее частотными оказались формулировки, связанные с необходимостью снижения прокрастинации, повышения личной продуктивности, более эффективного выполнения учебных задач и рационального распределения времени. Полученные данные обосновывают необходимость поиска эффективных методических решений, направленных на целенаправленное развитие заявленных групп умений в рамках проектной деятельности студентов.

Цель настоящего исследования заключается в развитии компетенции познавательной

деятельности у студентов-лингвистов Уральского федерального университета в рамках проектного модуля по зарубежному переводоведению. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

Исследовательская задача 1 (педагогическая): проведение педагогического эксперимента с применением элементов микрообучения для развития интеллектуальных и организационно-регулятивных умений у студентов-лингвистов в рамках проектного модуля по зарубежному переводоведению.

Исследовательская задача 2 (собственно исследовательская): организация и реализация студентами-лингвистами самостоятельного исследования по зарубежному переводоведению в соответствии с целями и задачами проектного модуля; представление материалов переводоведческого анализа, выполненного в рамках проектной деятельности, в качестве подтверждения результативности проделанной работы.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: целенаправленная и методически обоснованная организация проектной деятельности с использованием элементов микрообучения со стороны преподавателя способствует развитию у студентов интеллектуальных и организационно-регулятивных умений, что проявляется в повышении качества итогового исследовательского продукта.

Материалы и методы

База исследования. В настоящем исследовании приняли участие семь студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика» в Уральском федеральном университете. Экспериментальная работа проводилась в рамках проектного модуля по зарубежному переводоведению в течение одного семестра (сентябрь-декабрь 2026 года).

Методы. Методы, применяемые в ходе данного исследования, могут быть разделены на две группы:

- 1) методы, направленные на развитие познавательной компетенции путем формирования у студентов-лингвистов интеллектуальных и организационно-регулятивных умений;
- 2) методы, использованные обучающимися для проведения исследования по зарубеж-

ному переводоведению в рамках работы над проектом.

Рассмотрим методы первой группы более подробно. Для проведения педагогического исследования мы обратились к методу педагогического эксперимента как наиболее эффективному инструменту изучения процессуально-деятельностной составляющей педагогического процесса. С целью развития заявленных интеллектуальных и организационно-регулятивных умений в рамках экспериментальной работы нами было выбрано микрообучение как современный метод, отвечающий запросам обучения в информационно-цифровую эпоху. Под микрообучением в настоящей работе мы понимаем технологию обучения, при которой информация подается небольшими частями, что позволяет снизить общую когнитивную нагрузку и адаптировать учебный процесс под особенности клипового мышления современных студентов [6; 7].

Проведенное исследование включало несколько этапов, представленных в виде следующих итераций: обзор литературы; анализ переводческих решений; редактура и корректура текста работы; подготовка доклада по проделанной работе.

Реализация микрообучения в рамках проектного модуля предполагала представление перечисленных итераций в виде более мелких этапов или «шагов», что обеспечило большую структурированность и четкость процесса работы над проектом. С точки зрения когнитивной нагрузки, применение микрообучения обеспечило большую сфокусированность и сконцентрированность студентов на выбранных задачах (в силу ограниченности количества задач в определенные промежутки времени).

С целью развития умения организовывать собственную учебную деятельность студентам предлагалось самостоятельно определить микроэтапы и микрозадачи работы в рамках каждой проектной итерации и согласовать их с преподавателем. Для развития автономности студентов педагог обеспечивал повышенный уровень контроля на первых двух этапах, постепенно снижая его по мере выполнения проектной работы.

К числу формируемых в рамках педагогического эксперимента интеллектуальных

и организационно-регулятивных умений мы относим:

- умение группировать, систематизировать, предвосхищать, обобщать, оценивать полученную информацию;
- умение фильтровать информацию и выделять значимое (умение осуществлять поиск и выделять необходимую/значимую/ключевую информацию в соответствии с определенной учебной задачей);
- умение формировать находить связи между объектами, соединять новое знание с уже имеющимся и проводить аналогии;
- умение организовывать самостоятельную работу и контролировать свои действия, объективно их оценивая;
- умение самостоятельно работать с информационными технологиями в соответствии с целями работы;
- умение осуществлять контроль и оценку успешности своих результатов, рефлексировать.

Перейдем к рассмотрению группы методов, использованных студентами в рамках проекта по зарубежному переводоведению. В целях обеспечения качественного анализа переводческих трансформаций студентами была сформирована подборка научных публикаций и учебно-методических пособий, освещающих ключевые теоретические положения теории перевода. Количественный и качественный анализ частотности применения переводческих трансформаций позволил определить наиболее результативные стратегии перевода и локализации компьютерных игр выбранного жанра.

Материалы. В рамках проектной работы студенты самостоятельно выбирали материал для анализа. Всеобъемлющая цифровизация и технологизация, а также личный интерес студентов обуславливают выбор видеоигры в качестве материала для исследования. В частности, в качестве эмпирического материала использовались текстовые компоненты игры *Resident Evil 6*, включая элементы геймплея, диалогические фрагменты и дополнительные текстовые материалы.

Выбор данной игры прежде всего объясняется её широкой популярностью среди игроков – первая часть серии *Resident Evil* вышла в 1996 году, и с тех пор разработка новых игр

продолжается. В рамках представленного исследования анализируется шестая часть серии, выпущенная в 2012 году. Это обусловлено тем, что анализ более ранних проектов игры мог быть затруднён из-за сложностей с поиском качественных версий оригинала и перевода. В то же время совсем новые игровые продукты не представляют особого интереса как материал для исследования в связи с тем, что они зачастую имеют неустоявшиеся переводы, которые могут подвергаться последующим изменениям. В пользу проектов, выпущенных 7-10 лет назад, говорит то, что они, как правило, сопровождаются значительным количеством рецензий, сравнительных обзоров и документальных материалов, что создаёт благоприятную базу для научного анализа.

Результаты

Успешность развития заявленных умений у студентов-лингвистов в рамках проектной деятельности по зарубежному переводоведению с применением микрообучения подтверждается следующими результатами. В ходе работы студенты:

- 1) самостоятельно сформулировали цель и задачи переводоведческого исследования;
- 2) в сотрудничестве с научным руководителем разработали методику проведения исследования на материале игры *Resident Evil 6*;
- 3) определили критерии оценки успешности локализации компьютерной игры *Resident Evil 6* для российского пользователя;
- 4) осуществили анализ переводческих трансформаций на материале игры *Resident Evil 6*;
- 5) оформили полученные результаты в виде структурированного раздела научной публикации;
- 6) проводили взаимную оценку выполненной работы по итогам каждой итерации проекта;
- 7) осуществляли саморефлексию и аналитическую оценку собственных действий в ходе консультаций с научным руководителем;
- 8) представили итоговые результаты на рассмотрение экспертной комиссии кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках УрФУ и успешно защитили проект (средний балл от экспертов – 90,4 из 100).

Для иллюстрации достигнутых результатов представим фрагменты исследования, выполненного студентами в рамках проектного модуля по зарубежному переводоведению.

Цель работы в рамках проектного модуля по зарубежному переводоведению заключалась в выявлении и анализе переводческих приёмов, использующихся в выбранных для анализа текстах. Студенты экспериментальной группы формулируют цель собственной работы следующим образом: «определить методы и стратегии, обуславливающие успешность локализации шестой части компьютерной игры “Resident Evil”. Успешность локализации характеризуется как доступность текста для целевой аудитории при сохранении смыслового содержания оригинала».

Методика проведения переводоведческого исследования на материале игры *Resident Evil 6* предполагала наличие нескольких этапов, сформулированных студентами совместно с научным руководителем-куратором проекта:

- выделение единиц материала для анализа: пользовательский интерфейс, имена собственные, игровые документы, реплики персонажей, ироничные и саркастические высказывания;
- определение использованных для локализации переводческих стратегий;
- определение переводческих приёмов, в наибольшей степени обуславливающих успешность локализации игры для российского пользователя.

В процессе разработки методики переводоведческого исследования у студентов формировались умения планирования собственной деятельности и построения алгоритмов самостоятельной работы. Данный этап способствовал развитию организационно-регулятивных умений, необходимых для структурирования исследовательского процесса.

В рамках проектной деятельности студенты самостоятельно распределили роли в команде, закрепив за каждым участником ответственность за анализ перевода определённых единиц материала. Такая организация работы способствовала дальнейшему развитию умений планировать, координировать и реализовывать самостоятельную учебно-исследовательскую деятельность.

Для иллюстрации достигнутых результатов представим фрагменты анализа, выполненного обучающимися в ходе самостоятельной проектной работы и оформленного в виде раздела научной публикации.

1. Анализ переводческих трансформаций в пользовательском интерфейсе игры:

«Следуя логике исследования, сначала обратимся к данным, полученным в ходе анализа текстовой составляющей пользовательского интерфейса Resident Evil. Основной задачей пользовательского интерфейса является обеспечение комфортного и плодотворного прохождения игроком видеоигры. При анализе перевода, который затронул меню, название кнопок, подсказки для управления, экраны загрузки, не было замечено недочётов: работа выполнена качественно, с предельной точностью и вниманием к деталям. Основными переводческими приемами в данном разделе являются калькирование (Game Saved – «игра сохранена», Loading – «загрузка», Game Over – «конец игры») и лексико-грамматическая трансформация (Partner Down – «партнер повержен» и т. д.).

2. Анализ перевода имен собственных:

«В ходе анализа перевода имен собственных было выявлено, что в игре Resident Evil 6 в качестве переводческого приема преимущественно используется транслитерация, которая представляет собой побуквенную передачу слова. Иллюстративными примерами выступают имена персонажей игры (Leon Scott Kennedy – «Леон Скотт Кеннеди», Ada Wong – «Ада Вонг», Chris Redfield – «Крис Редфилд» и т. д.).»

3. Анализ игровых документов:

«Файлы и записки в Resident Evil 6 – это основной инструмент иммерсивного повествования. Они являются «голосом» мира, когда главные герои молчат. Через них игрок узнает о предыстории, мотивах антагонистов, научных экспериментах и судьбах обычных людей. Качество их перевода напрямую влияет на опыт прохождения.

Для оригинальных текстов характерен сухой, обезличенный, технический язык. Наблюдается обилие латинизмов, научной терминологии, пассивных конструкций. Цель такого повествования заключается в создании впечатления высокотехнологичной корпора-

ции, где человеческая жизнь – всего лишь переменная в уравнении. Чтобы подчеркнуть официальность отчетов, используются канцеляризм: пассивные конструкции («наблюдалось», «было отмечено», «испытываемый показал»), отглагольные существительные («последовало укрепление»).»

4. Перевод реплик персонажей:

«Согласно отзывам, локализаторы не в полном объеме справились с задачей перевода реплик и диалогов персонажей игры (потеря фразеологизмов, красочности фраз). Также были утеряны некоторые черты личности героев (фразы Леона, главного персонажа, звучат не так саркастично, как в оригинале). Некоторые фразы в переводе были изменены или гиперболизированы, что не несет большого вреда сюжету, но может влиять на восприятие игроком отношения персонажа к ситуации (например, пользователь увидит яркую реакцию героя на какое-либо событие, несвойственную его флегматичному характеру в оригинале).»

5. Перевод юмора, сарказма и самп-эстетики в Resident Evil 6:

«Одними из характерных черт игры Resident Evil является ее гиперболизированные реплики, пафосная подача, не всегда логичный диалог, который в совокупности создает фирменную самп-эстетику. Теоретической основой для анализа диалогов Resident Evil 6 служит самп-эстетика, определяемая как стилистическая стратегия, основанная на нарочитой искусственности, театральном преувеличении и пародийной двойственности.

Именно такая двойственность, требующая от перевода не только передачи буквального смысла, но и подходящей стилизации, формирует центральную переводческую проблему в локализации проекта. В Resident Evil 6 она проявляется в гротескно-театральных диалогах, которые одновременно усиливают драму и иронично ее деконструируют, создавая уникальный тон на грани хоррора и самоиронии. Эта традиция особенно заметна благодаря постоянным подколам между персонажами, намеренно перегруженным драматизмом и несоответствием между серьезностью ситуации и комичными фразами.»

Представленные фрагменты демонстрируют высокую степень погруженности сту-

дентов в выбранный для исследования материал. Представленный анализ переводческих трансформаций свидетельствует о том, что по итогам проектной работы студенты продемонстрировали достаточный уровень сформированности не только организационно-регулятивных, но также и умений, связанных с интеллектуальными процессами. В частности, обучающиеся проявляют способность к целенаправленному поиску, критическому отбору и систематизации значимой информации, а также к осознанному и рациональному использованию цифровых технологий в соответствии с поставленными учебными и исследовательскими задачами.

Показателем научной состоятельности студенческого исследования выступает сформированная ими библиографическая база. В перечень источников вошли труды отечественных и зарубежных исследователей, включая публикации на английском языке. В ходе работы обучающиеся обращались к исследованиям В. С. Виноградова, И. С. Алексеевой, Н. А. Цыркун, М. Ю. Илюшкиной, J. R. Searle, A. P. Vermees, M. Pirrone и др. Итоговый библиографический список включал 16 публикаций, размещённых в изданиях, индексируемых в ВАК, РИНЦ, Scopus, Crossref, Science Index, Google Scholar и других наукометрических базах. Подобный состав источников отражает сформированность у студентов навыков научного поиска, критического отбора и академически корректного использования литературы, что является показателем развития интеллектуального компонента познавательной компетенции.

Заключение

Проведённое исследование было направлено на развитие познавательной компетенции у студентов-лингвистов Уральского федерального университета в рамках проектного модуля по зарубежному переводоведению. В соответствии с поставленной целью были решены как педагогические, так и собственно исследовательские задачи.

В ходе педагогического эксперимента была апробирована методика организации проектной деятельности студентов с применением элементов микрообучения, ориентированная на развитие интеллектуальных и

организационно-регулятивных компонентов познавательной компетенции. Реализация данной методики позволила создать условия для развития умений планирования, самоконтроля, рефлексии, поиска и анализа научной информации, а также рационального использования цифровых технологий в процессе самостоятельной работы.

В рамках решения исследовательской задачи студенты осуществили самостоятельное исследование в области зарубежного переводоведения, результаты которого были представлены в виде структурированного переводоведческого анализа. Представленные на итоговом этапе эксперимента материалы продемонстрировали высокий уровень сформированности заявленных умений и способность

обучающихся к эффективной самостоятельной учебно-познавательной деятельности.

Таким образом, выдвинутая гипотеза получила подтверждение: целенаправленная и методически обоснованная организация проектной работы с использованием элементов микрообучения способствовала развитию у обучающихся интеллектуальных и организационно-регулятивных умений, что подтверждается высоким качеством итогового исследовательского продукта.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с расширением выборки, уточнением диагностических инструментов оценки познавательной компетенции и адаптацией предложенной методики к другим профилям подготовки.

Список литературы:

- [1] Кудинова О. С. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций / О. С. Кудинова, Л. Г. Скульмовская // *Современные проблемы науки и образования*. – 2018. – № 4.
- [2] Полат Е. С. Метод проектов: история и теория вопроса. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Изд. центр «Академия», 2010. – С. 193–200.
- [3] Гальскова Н. Д. Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова. – Москва: КНОРУС, 2017. – 390 с.
- [4] Колесникова И. Л., Константинова С. И. Формирование учебно-познавательной компетенции на уроках английского языка в старшей школе // *Методики обучения иностранным языкам в средней школе: [отв. ред. М. К. Колкова]*. – СПб.: КАРО, 2006. – 224 с.
- [5] Кирюшина О. В. Рациональные приемы запоминания иноязычной лексики в системе профильной подготовки студентов вуза: теоретический и практический аспекты / О. В. Кирюшина // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 116-124.
- [6] Монахова Г. А. Микрообучение как феномен цифровой трансформации образования / Г. А. Монахова, Д. Н. Монахов, Г. Б. Прончев // *Образование и право*. – 2020. – № 6. – С. 299-304.
- [7] Balasundaram S., Mathew J., Nair S. Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study // *Journal of Learning for Development*. 2024. № 11. P. 1-14.

References:

- [1] Kudinova O. S. Project activities in higher education institutions as a basis for innovation / O. S. Kudinova, L. G. Skulmovskaya // *Modern problems of science and education*. - 2018. - No. 4.
- [2] Polat E. S. Project method: history and theory of the issue. Modern pedagogical and information technologies in the education system. - Moscow: Publishing center «Academy», 2010. - Pp. 193-200.
- [3] Gal'skova N. D. Fundamentals of foreign language teaching methods: a tutorial / N. D. Gal'skova, A. P. Vasilevich, N. F. Koryakovtseva, N. V. Akimova. - Moscow: KNORUS, 2017. - 390 p.
- [4] Kolesnikova I. L., Konstantinova S. I. Formation of educational and cognitive competence

in English lessons in high school // Methods of teaching foreign languages in secondary school: [ed. M. K. Kolkov]. - St. Petersburg: KARO, 2006. - 224 p.

[5] Kiryushina O. V. Rational methods of memorizing foreign language vocabulary in the system of specialized training of university students: theoretical and practical aspects / O. V. Kiryushina // Pedagogy. Issues of theory and practice. - 2022. - Vol. 7, No. 1. - Pp. 116-124.

[6] Monakhova G. A. Microlearning as a phenomenon of digital transformation of education / G. A. Monakhova, D. N. Monakhov, G. B. Pronchev // Education and Law. – 2020. – No. 6. – P. 299-304.

[7] Balasundaram S., Mathew J., Nair S. Microlearning and Learning Performance in Higher Education: A Post-Test Control Group Study // Journal of Learning for Development. 2024. No. 11. P. 1-14.

An illustration of a toucan perched on a stack of three books. The books have spines with text, and a ribbon bookmark is visible in the top book.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи к печати: 15.04.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-1-110-115

ВАСЯЧКИН Юрий Алексеевич,
студент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: vasackin7@gmail.com

ДЕРИГЛАЗОВА Марина Александровна,
студент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: marynaderiglazova@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ И КРИПТОВАЛЮТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБОРОТЕ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблем, возникающих в международном частном праве (МЧП) в связи с цифровой трансформацией международного оборота. Глобализация и развитие технологий привели к появлению новых нетипичных объектов гражданских прав, таких как криптовалюты, и новых договорных конструкций, в частности смарт-контрактов. Исследуется правовая природа данных феноменов и их влияние на традиционные институты МЧП, включая определение применимого права (коллизионные привязки) и порядок разрешения споров. Анализируется российское законодательство, в частности Федеральный закон «О цифровых финансовых активах...», а также зарубежный опыт и доктринальные подходы к квалификации криптовалют и смарт-контрактов. Обосновывается, что децентрализованная и детерриториализованная природа этих явлений ставит под сомнение эффективность классических коллизионных норм, основанных на территориальных связях (*lex rei sitae*, *lex loci contractus*). В качестве ключевых механизмов адаптации МЧП к новым реалиям рассматриваются принцип автономии воли сторон, позволяющий участникам оборота выбирать применимое право (в том числе наднациональные источники, такие как Принципы УНИДРУА), и развитие альтернативных, технологически интегрированных способов разрешения споров, таких как блокчейн-арбитраж.

Ключевые слова: цифровая трансформация, смарт-контракт, криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, международный коммерческий оборот, коллизионное регулирование, применимое право, автономия воли, *lex mercatoria*, Принципы УНИДРУА, разрешение споров, блокчейн-арбитраж.

VASYACHKIN Yuri Alekseevich,
student,
Saratov State Law Academy

DERIGLAZOVA Marina Alexandrovna,
student,
Saratov State Law Academy

DIGITAL TRANSFORMATION OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW: REGULATION OF SMART CONTRACTS AND CRYPTOCURRENCIES IN INTERNATIONAL CIRCULATION

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the problems arising in private international law in connection with the digital transformation of international turnover. Globalization and the development of technology have led to the emergence of new atypical objects of civil rights, such as cryptocurrencies, and new contractual structures, in particular smart contracts. The legal nature of these phenomena and their impact on traditional institutions of the Ministry of Civil Protection are investigated, including the definition of applicable law (conflict of laws) and dispute resolution procedures. The article analyzes Russian legislation, in particular the Federal Law «On Digital Financial Assets ...», as well as foreign experience and doctrinal approaches to the qualification of cryptocurrencies and smart contracts. It is proved that the decentralized and deterritorialized nature of these phenomena calls into question the effectiveness of classical conflict-of-laws rules based on territorial ties (*lex rei sitae*, *lex loci contractus*). The principle of the autonomy of the will of the parties is considered as the key mechanisms for adapting the MES to new realities, allowing participants in the turnover to choose the applicable law (including supranational sources such as the *Unidroit Principles*), and the development of alternative, technologically integrated dispute resolution methods such as blockchain arbitration.*

Key words: *digital transformation, smart contract, cryptocurrency, digital financial assets, digital currency, international commercial turnover, conflict of laws regulation, applicable law, autonomy of will, *lex mercatoria*, *Unidroit principles*, dispute resolution, blockchain arbitration.*

Современная мировая экономика переживает этап фундаментальной трансформации, обусловленный стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Процессы глобализации, которые ранее выражались преимущественно в интенсификации традиционных торговых и финансовых потоков, сегодня приобретают новое качество, переходя в цифровую плоскость. Это проявляется, в частности, в бурном развитии трансграничной интернет-торговли, стирающей географические барьеры между продавцами и потребителями [1, с. 264]. Однако наиболее серьезный вызов для правовой доктрины бросают не просто новые формы торговли, а появление принципиально новых объектов и механизмов взаимодействия, функционирующих на базе технологий распределенного реестра, в первую очередь блокчейна. Речь идет о криптовалютах как новом виде активов и смарт-контрактах как новом способе фиксации и исполнения обязательств. Эти феномены напрямую затрагивают ядро международного частного права, поскольку их детерриториализованная и децентрализованная природа вступает в противоречие с классическими правовыми институтами, построенными на принципе го-

сударственного суверенитета и территориальной юрисдикции.

Ключевой задачей для национальных и международных регуляторов становится юридическая квалификация новых цифровых сущностей. Первым и наиболее сложным объектом для анализа выступает криптовалюта. В Российской Федерации значительным шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Данный закон ввел легальное определение «цифровой валюты», признав ее «совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе», которые могут приниматься в качестве средства платежа или инвестиций, но при этом не являются денежной единицей РФ или иностранного государства. Важно отметить, что закон, хотя и запретил использование цифровой валюты для оплаты товаров и услуг на территории РФ, для целей ряда других отраслей законодательства (о банкротстве, противодействии коррупции, исполнительном производстве) признал ее имуществом.

Эта тенденция признания криптовалюты имуществом, пусть и с оговорками, соответствует как складывающейся российской судебной практике [3, с. 241], так и доминирующему доктринальному подходу. В научном сообществе, отвергнув обязательственную и вещную теории как не соответствующие природе децентрализованного цифрового кода, склоняются к концепции отнесения криптовалюты к категории «иного имущества». Как справедливо отмечает С. А. Брыкина, «признавая криптовалюту иным имуществом, ее можно рассматривать как составляющую иностранного элемента, выраженного в виде объекта трансграничных гражданских правоотношений, но представленного в цифровом виде» [4, с. 295]. Такая квалификация имеет решающее значение для международного частного права. Она позволяет, по крайней мере теоретически, включить криптовалюту в гражданский оборот и ставить вопрос о применимом праве к сделкам с ней. Однако классическая коллизионная привязка для определения вещного статута – закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*) – оказывается в данном случае неработоспособной. Криптовалюта не имеет физического местоположения; она существует одновременно во всех узлах распределенного реестра. Это создает коллизионный вакуум, который законодателям и судам еще предстоит заполнить.

На международном уровне подходы к регулированию также разнятся. Международные финансовые организации, такие как ФАТФ, МВФ и Всемирный банк, подходят к проблеме преимущественно с позиций публичного права, фокусируясь на рисках отмыывания денег и финансирования терроризма (ОД/ФТ). Рекомендации ФАТФ, например, рассматривают криптовалюты как разновидность «виртуальных активов» [5, с. 144-148]. В то же время единого подхода к их частно-правовому статусу в международном обороте не выработано, что порождает правовую неопределенность и деструктивные процессы, препятствующие оптимизации глобальных торговых сделок [6, с. 20].

Вторым элементом цифровой трансформации, требующим осмысления в МЧП, является смарт-контракт. Его появление обусловлено потребностями бизнеса в автоматизации и по-

вышении эффективности исполнения сделок. Изначально предложенный как «компьютеризированный протокол транзакций, который выполняет условия контракта», смарт-контракт сегодня представляет собой сложное явление, правовая природа которого вызывает острые дискуссии. Анализ доктринальных концепций в России и за рубежом показывает наличие нескольких основных подходов.

Ряд исследователей видят в смарт-контракте исключительно техническое явление – компьютерную программу или алгоритмический код. Другие, напротив, настаивают на его полноценной договорной природе. Наиболее взвешенным представляется подход, рассматривающий смарт-контракт как дуалистическое, «двуединое явление». Как отмечают Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева и Д. В. Чуб, «Вне правового регулирования смарт-контракт является обычной компьютерной программой, которая не может иметь правовой природы, оставаясь техническим решением... В праве смарт-контракт может использоваться для разных целей, в том числе для применения в договорной практике». Таким образом, в зависимости от контекста, смарт-контракт может выступать либо как способ автоматизированного исполнения обязательств, вытекающих из традиционного «рамочного» договора, либо как особая «несамостоятельная договорная конструкция» [7, с. 99], неразрывно связанная с компьютерным кодом. Ю. А. Крохина и В. А. Свечников также подчеркивают, что распоряжение цифровыми правами через смарт-контракт «невозможно отождествлять со всеми иными классическими договорными конструкциями» [8, с. 64].

Эта технологическая специфика (автоматизм, самоисполнимость и неизменность кода) имеет прямые выходы в международный коммерческий оборот. Появляются исследования, анализирующие применение смарт-контрактов в сфере международной торговли, в частности, для автоматизации исполнения правил Инкотермс. П. Ф. Ауду и Ф. Шабах указывают, что «синхронизация положений Инкотермс со смарт-контрактами может изменить перспективы международной торговли (особенно экспортно-импортных контрактов) в лучшую сторону» [9, с. 308]. Например, смарт-контракт может автоматиче-

ски произвести оплату (перевести цифровой актив) в момент, когда «оракул» (внешний источник данных) подтвердит факт перехода риска с продавца на покупателя в точке, определенной правилом Инкотермс. Это способно фундаментально сократить количество ошибок, неправильных толкований и споров в экспортно-импортных операциях.

Однако именно неизменяемость и автоматизм порождают главные коллизионные проблемы МЧП. Что если исполнение смарт-контракта нарушает императивные нормы применимого права? Что если одна из сторон утратила дееспособность после его запуска? Как применить нормы о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, если код не предусматривает такой возможности?

Классические коллизионные привязки, такие как закон места заключения договора (*lex loci contractus*) или места исполнения (*lex loci solutionis*), также теряют свою определенность. Договор, представляющий собой код в децентрализованной сети, не имеет единого места заключения или исполнения. В этих условиях единственной жизнеспособной коллизионной привязкой, как и в случае с криптовалютами, остается автономия воли сторон (*lex voluntatis*). Участники международного оборота, использующие смарт-контракты, должны в обязательном порядке заключать традиционное «зонтичное» соглашение, в котором они прямо указывают право, применимое к их цифровым правоотношениям.

При этом стороны не ограничены в выборе только национальных правовых систем. Дематериализованный и наднациональный характер цифровых сделок делает чрезвычайно актуальным обращение к негосударственным источникам правового регулирования, составляющим современное *lex mercatoria*. Ключевым таким источником являются Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА [10]. В преамбуле Принципов прямо указано, что они «могут применяться, когда стороны согласились, что их договор будет регулироваться общими принципами права, *lex mercatoria* или аналогичными положениями». Их нормы, посвященные свободе договора (ст. 1.1), порядку заключения (ст. 2.1.1) и неисполнению обязательств (Глава 7), пред-

ставляют собой сбалансированный и гибкий правовой режим, прекрасно подходящий для регулирования сложных транснациональных смарт-контрактов.

Наконец, третья классическая проблема МЧП – определение подсудности и разрешение споров – также требует кардинального пересмотра. Если применимое право еще можно определить волей сторон, то с принудительным исполнением решения государственного суда в децентрализованной сети возникают неразрешимые технические и юрисдикционные проблемы. Невозможность идентификации ответчика (скрывающегося за псевдонимным адресом) и отсутствия активов в традиционной юрисдикции делают судебный процесс бессмысленным.

Ответом технологии на этот вызов стало появление феномена блокчейн-арбитража. Как отмечает И. М. Кузьмин, речь идет о «качественно новой форме осуществления правосудия» [11, с. 1], которая имплементируется непосредственно в цифровую среду. Появляются специализированные платформы (такие как Kleros или Juris), предлагающие создание «квазисудебной» системы рассмотрения споров. В своей работе И. М. Кузьмин предлагает следующее определение: «Блокчейн-арбитраж это квазисудебный порядок (процедура) урегулирования споров, закрепленный в виде специального протокола в коде смарт-контракта, осуществляемый специально отобранными арбитрами на основе принципов справедливости и легитимности». Решение такого арбитража, вынесенное на основании анализа данных блокчейна, может исполняться автоматически, путем прямого воздействия на смарт-контракт или заблокированные в нем активы. Это представляет собой замкнутую, самодостаточную систему правосудия, существующую параллельно с государственной.

Подводя итог, следует констатировать, что цифровая трансформация в лице криптовалют и смарт-контрактов бросает фундаментальный вызов основам международного частного права, построенным на принципах территориальности и государственного суверенитета. Российское законодательство и доктрина находятся в поиске адекватных ответов на эти вызовы, признавая новые объекты как «иное имущество» и исследуя сложную природу

смарт-контрактов. Однако очевидно, что традиционные коллизионные механизмы в этой сфере малоэффективны. Будущее регулирования транснационального цифрового оборота, по-видимому, лежит в плоскости максимального расширения автономии воли сторон, позволяющей им выбирать гибкие наднаци-

ональные регуляторы (подобные Принципам УНИДРУА), и в признании легитимности новых, технологически интегрированных форм разрешения споров, таких как блокчейн-арбитраж, которые обеспечивают не только вынесение решения, но и его реальное исполнение в цифровой среде.

Список литературы:

[1] Брыкина С. А. Развитие трансграничной интернет-торговли / С. А. Брыкина // *Российская правовая система: в поисках национальной идентичности*. – Москва: Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 264-267.

[2] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.

[3] Ермакова И. В. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, аспекты защиты прав потребителей / И. В. Ермакова // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 236-247.

[4] Брыкина С. А. Криптовалюта как объект трансграничных гражданских правоотношений / С. А. Брыкина // *Бизнес. Образование. Право*. – 2023. – № 2(63). – С. 293-297.

[5] Беляев А. С. Регулирование оборота цифровых валют: зарубежный опыт и позиции международных финансовых организаций / А. С. Беляев, Д. А. Беляев // *Современная экономика: проблемы и решения*. – 2024. – № 4(172). – С. 144-156.

[6] Левчук С. В. Актуальные проблемы использования смарт-контрактов в предпринимательской деятельности / С. В. Левчук // *Экономика. Право. Общество*. – 2022. – Т. 7, № 1(29). – С. 15-20.

[7] Ефимова Л. Г. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах / Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева, Д. В. Чуб // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – № 4. – С. 79-105.

[8] Крохина Ю. А. Смарт-контракт как гражданско-правовой способ распоряжения цифровыми правами: проблемы теоретического обоснования и практического применения / Ю. А. Крохина, В. А. Свечников // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2022. – № 3(59). – С. 60-65.

[9] Ауду П. Ф. Применение смарт-контрактов в сфере международной торговли и перспективы дальнейшей эволюции Инкотермс / П. Ф. Ауду, Ф. Шабих // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 308-327.

[10] Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА. 2010 // Офф. сайт УНИДРУА. URL: <https://clck.ru/3QHbJQ> (дата обращения: 06.11.2025).

[11] Кузьмин И. М. Блокчейн-арбитраж в контексте цифровизации правосудия / И. М. Кузьмин // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2024. – № 4(142). – С. 1-4.

References:

[1] Brykina S. A. Development of Cross-Border Online Commerce / S. A. Brykina // *Russian Legal System: In Search of National Identity*. - Moscow: Publishing Center of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2025. - pp. 264-267.

[2] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on October 27, 2025) «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. - 2020. - No. 31 (Part I). - Art. 5018.

[3] Ermakova I. V. *Smart Contract: Concept, Legal Regulation, Aspects of Consumer Protection* / I. V. Ermakova // *Gaps in Russian Legislation*. – 2021. – Vol. 14, No. 4. – P. 236-247.

[4] Brykina S. A. *Cryptocurrency as an object of cross-border civil legal relations* / S. A. Brykina // *Business. Education. Law*. – 2023. – No. 2(63). – P. 293-297.

[5] Belyaev A. S. *Regulation of digital currencies turnover: foreign experience and positions of international financial organizations* / A. S. Belyaev, D. A. Belyaev // *Modern economy: problems and solutions*. – 2024. – No. 4(172). – P. 144-156.

[6] Levchuk S. V. *Actual problems of using smart contracts in entrepreneurial activity* / S. V. Levchuk // *Economy. Law. Society*. – 2022. – Vol. 7, No. 1(29). – P. 15-20.

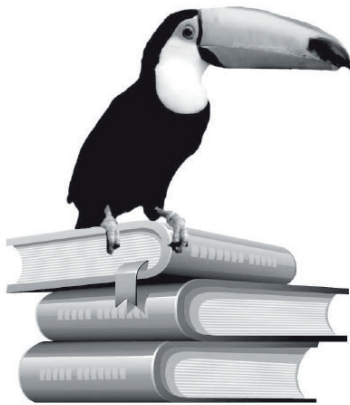
[7] Efimova L. G. *Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries* / L. G. Efimova, I. E. Mikheeva, D. V. Chub // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. – 2020. – No. 4. – P. 79-105.

[8] Krokhina Yu. A. *Smart contract as a civil-law method of disposing of digital rights: problems of theoretical justification and practical application* / Yu. A. Krokhina, V. A. Svechnikov // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2022. – No. 3(59). – P. 60-65.

[9] Audu, P. F. *“Application of Smart Contracts in International Trade and Prospects for Further Evolution of Incoterms”* / P. F. Audu, F. Shabih // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – Vol. 2, No. 2. – Pp. 308-327.

[10] UNIDROIT *Principles of International Commercial Contracts. 2010* // Official website of UNIDROIT. URL: <https://clck.ru/3QHbJQ> (date of access: 06.11.2025).

[11] Kuzmin, I. M. *“Blockchain Arbitration in the Context of Digitalization of Justice”* / I. M. Kuzmin // *International Research Journal*. – 2024. – No. 4(142). – Pp. 1-4.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

БОРИСОВА Дарья Анатольевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: borisovadasha696@gmail.com

ВЛАЗНЕВА Кристина Александровна,
студент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: chudaykinakristinal3@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА, ЗАКЛЮЧЕННОГО МЕЖДУ РОССИЙСКИМ ГРАЖДАНИНОМ И ИНОСТРАНЦЕМ, И ПРИЗНАНИЯ РАЗВОДА ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. *Расторжение брака, осложненного иностранным элементом, в России отличается сложностями определения коллизионной привязки, выбора применимого права, а также последующего признания развода в государстве, гражданином которого является второй супруг. Действующее международно-правовое регулирование недостаточно регламентирует рассматриваемую сферу правоотношений, что ставит иностранного гражданина в невыигрышное положение, предполагая возможность последующего непризнания развода с иностранцем на родине последнего. Предлагается дальнейшая разработка нормативно-правовой базы, расширение перечня стран-участниц Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам для разрешения обозначенных проблем.*

Ключевые слова: *международное частное право, развод с иностранным гражданином, коллизионная привязка, lex personalis, lex domicillii, lex fori.*

BORISOVA Darya Anatolyevna,
student,
Saratov State Law Academy

VLAZNEVA Kristina Alexandrovna,
student,
Saratov State Law Academy

FEATURES OF DIVORCE BETWEEN A RUSSIAN CITIZEN AND A FOREIGNER AND ADMISSIBILITY OF DIVORCE ABROADN

Annotation. *The dissolution of a marriage complicated by a foreign element in Russia is characterized by difficulties in determining the conflict of laws, choosing the applicable law, and subsequently recognizing the divorce in the country of the second spouse's citizenship. The current international legal regulation does not sufficiently regulate this area of legal relations, which puts the foreign citizen in an unfavorable position, as it may result in the subsequent non-recognition of the divorce in the latter's home country. It is proposed to further develop the legal framework and expand the list of countries participating in the Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family, and Criminal Matters to address these issues.*

Key words: *international private law, divorce from a foreign citizen, conflict of laws, lex personalis, lex domicillii, lex fori.*

Сложности расторжения брака, заключенного между российским гражданином и иностранцем, не во всех случаях обусловлены наличием иностранного элемента в соответствующих правоотношениях. Во многом они связаны с различиями нормативно-правового регулирования разводов в ряде стран мира. Заключаемые браки между иностранцами являются разнообразными и многослойными, что в свою очередь порождает множество юридических коллизий, в том числе в вопросе расторжения таких браков [3, с. 314].

Речь идет о законодательном подходе к самой возможности расторжения брака. Условно все страны можно подразделить на три группы. Первая группа стран, в которую входят Испания, Ирландия, Аргентина и др., объединена по признаку запрета разводов [1, с. 69]. Соответственно в случае расторжения брака российского гражданина и гражданина Испании на территории Российской Федерации и согласно ее законодательству такой развод не будет признан в Испании. Кроме того, в мировой практике имеется случай признания чилийским судом недействительным брака, заключенного в Нью-Йорке, между американским гражданином и чилийской гражданкой, которая вступила в брак после того, как была разведена на территории США согласно законодательству данного государства [2, с. 583].

Во вторую группу стран входят Италия, Франция, Швейцария и др., законодательство которых допускает разводы в случае наличия одного или нескольких оснований, четко определенных законодателем. Сам факт взаимного волеизъявления супругов на расторжение брака к числу таковых не относится. Так, например, Закон Италии 1970 г. [8; 7, с. 115] допускает возможность расторжения брака в том случае, если один из супругов осужден к уголовному наказанию на длительный срок, супруги проживают раздельно в течении более пяти лет на условиях «сепарации», один из супругов или оба супруга неспособны к брачной жизни, один из супругов или оба супруга были ранее разведены за пределами Италии. Гражданский кодекс Франции [5], в свою очередь, расширяет представленный перечень дополнительным основанием в виде виновного поведения одного из супругов.

Третья группа стран представлена Бельгией, США, Германией, Россией и др., в данных государствах законодательство, регламентирующее расторжение брака, не отличается своей однородностью [11, с. 751]. Несмотря на внешнее либеральное отношение к разводам, национальное законодательство может предусматривать усложненные процедуры расторжения браков. Это выражается, во-первых, в функционировании различных органов, в компетенцию которых входит расторжение браков, во-вторых, в установлении нескольких этапов соответствующей процедуры, в-третьих, судебный процесс расторжения брака может включать в себя несколько примирительных стадий. Наиболее ярким примером тому служит нормативно-правовое регулирование процедуры расторжения брака судом в отдельных штатах США [12, с. 57].

Первая стадия предполагает вынесение предварительного решения, дающего подтверждение права на развод, с возможным сопутствующим вынесением дополнительных судебных актов об опеке над детьми, обеспечении права супруга на материальное содержание и пр. Предварительный характер вынесенного решения означает, что оно не вступает в законную силу с момента своего вынесения, так как судом устанавливается срок, в течение которого супруги считаются состоящими в браке с запретом на вступление в новый брак. Конкретный срок при этом варьируется от трех до шести месяцев в зависимости от законодательства конкретного штата США. На втором этапе расторжения брака предварительное судебное решение вступает в законную силу и брак считается расторгнутым, в большинстве случаев без необходимости совершения дополнительных действий сторон правоотношения [13, с. 116-117; 6; 4, с. 37].

Важно отметить, что Россия также отличается смешанностью регулирования вопроса расторжения браков, поскольку предусматривает как внесудебный, так и судебный порядок данной процедуры. Внесудебный порядок расторжения брака в России можно считать упрощенным, так как в рамках него супруги при наличии взаимного согласия и функционирования установленных СК РФ ограничений применения данного порядка, могут рас-

торгнуть брак в специальном органе – органе записи актов гражданского состояния.

Однако если говорить о судебном порядке расторжения брака, то он усложняется необходимостью обращения в суд с соответствующим иском заявлением, длительностью процедуры ввиду рассмотрения данного спора в рамках судебного разбирательства, возможностью дачи сторонам срока на примирение. При этом нежелание одного из супругов расторгнуть брак при наличии устойчивого желания второго супруга не является, в конечном счете, препятствием к расторжению брака, что очевидно обусловлено добровольностью волеизъявления супругов при вступлении в брак.

Особые трудности могут возникнуть при расторжении брака на территории России с гражданином государства, национальное законодательство которого запрещает разводы. В целом решение вопроса коллизионного законодательства преобладающего числа стран исходит из использования личного закона супругов, которые расторгают брак (*lex personalis*), превалирует при этом применение закона страны совместного места жительства супругов (*lex domicilii*). Однако ряд государств в подобных случаях применяет закон страны суда (*lex fori*). Также может иметь место комбинация указанных привязок. Когда супруги имеют различное гражданство и их личные законы не совпадают, применению подлежит закон общего места жительства в период брака. В случае отсутствия такового, надлежит применять правопорядок того государства, на территории которого находилось последнее общее место жительства супругов в период брака. При несовпадении гражданства и места жительства применению подлежит право государства, на территории которого осуществляется развод (закон суда).

Страны континентальной системы права чаще всего идут по пути применения закона гражданства, в то время как страны англосаксонской правовой семьи преимущественно избирают право государства по месту жительства супругов и закона суда [2, с. 211].

Таким образом, возникает закономерный вопрос определения применимого права при расторжении брака между гражданином России, где законодательство либерально отно-

сится к разводам, и гражданином страны, которая запрещает или усложняет возможность развода. Полагаем, что в последнем случае при условии расторжения брака на территории России сложностей в признании развода за границей возникнуть не должно. Возможный путь решения сложившейся ситуации – применение конвенций, позволяющих определить коллизионную привязку применительно к разводам с иностранным элементом.

Основным международным правовым актом в рассматриваемой сфере правоотношений, имеющим юридическую силу на территории нашей страны, является Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [10], ч. 2 ст. 31 которой закреплена коллизионная привязка применения закона суда, рассматривающего дело о расторжении брака с иностранным элементом. В частности, закреплено следующее: «если один из супругов является гражданином одной Договаривающейся Стороны, а второй – другой Договаривающейся Стороны, то применяется законодательство Договаривающейся Стороны, учреждение юстиции которой рассматривает дело о расторжении брака». При этом ст. 32 указанной Конвенции закрепляет, в частности, компетенцию по расторжению соответствующего брака за учреждением юстиции того государства, на территории которого осуществляется развод [14, с. 82].

Соответственно иск о расторжении брака может быть предъявлен как по общему правилу по месту жительства ответчика, так и по правилам об альтернативной подсудности [9, с. 118].

Таким образом, расторжение брака, отягченного наличием иностранного элемента, вызывает ряд сложностей. Основные из них связаны с выбором применимого права, определением необходимых коллизионных привязок. Избрание той или иной коллизионной привязки может быть обусловлено сразу несколькими факторами, а именно: гражданином какой страны является супруг российского гражданина, распространяет ли на данное государство свое действие Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, будет ли признано расторжение

брака, произведенное на территории России, за ее пределами, не идет ли указанное вразрез с принципиальной позицией законодателя иного государства, запрещающего разводы.

Полагаем, что наиболее удачной в данном случае коллизионной привязкой является применение закона суда, производящего развод, поскольку одной из сторон правоотношения выступает гражданин России, и к тому же судебный орган России не может применить в ходе рассмотрения соответствующего гражданского дела право другой страны, когда оно имеет существенные отличия от отечественного правопорядка. Однако нерешенной

остается проблема последующего признания развода за рубежом в странах, на территории которых развод запрещен. В таком случае один из супругов (иностраный гражданин) становится заложником закона своей страны. Единственно возможный путь разрешения сложившейся проблемы – распространение действия вышеуказанной Конвенции на все большее число государств мира или, что перспективнее – разработка специального международного правового акта, учитывающего специфику семейного законодательства стран, транслирующих столь жесткий подход к регламентации института брака.

Список литературы:

- [1] Алексеева С.О. Коллизионно-правовое регулирование заключения трансграничного брака и его расторжения // *Вопросы российской юстиции*. – 2021. – № 4. – С. 106-123.
- [2] Ануфриева Л.П. *Международное частное право: в 3-х т. Том 2. Особенная часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп.* – М.: Издательство БЕК, 2025. – 459 с.
- [3] Бабенкова В.Р., Труфанова А.Ю., Брусенцева М.И., Пронина Ю.О. Проблемные аспекты правового регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // *Право и управление*. – 2024. – № 8. – С. 313-318.
- [4] Бессчастная В.В. Заключение и расторжение браков, осложненных иностранным элементом (российский и зарубежный опыт правового регулирования) // *Право, бизнес, управление: проблемы теории и практики*. – Мариуполь : [б.и.], 2025. – С. 36-40.
- [5] Гражданский кодекс, Франция // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23230> (дата обращения: 01.10.2025).
- [6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // *Российская газета*. – 2002 г. – № 220. – с изм. и допол. в ред. от 31.07.2025.
- [7] Дудко А.Н. Сравнительный анализ правовых норм расторжения брака в России, странах Европы и Америки // *Электронный научно-практический журнал «Форум»*. Выпуск: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. – 2024. – № 2 (32). – С. 114-120.
- [8] Закон о разводе // *Studio Cataldi il diritto quotidiano*. URL: <https://www.studiocataldi.it/normativa/legge-divorzio/> (дата обращения: 01.10.2025).
- [9] Иловайский И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом: учебно-методическое пособие / И. Б. Иловайский; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – 169 с.
- [10] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // *Собрание законодательства РФ*. – 2023. – № 30. – Ст. 5501.
- [11] Курочкина К.П. Правовое регулирование расторжения брака в международном частном праве // *Теория и практика современной науки*. – 2016. – № 12-1 (18) – С. 750-752.
- [12] Стригунова Д.П., Эриашвили Н.Д. Актуальные проблемы заключения брака с иностранным гражданином // *Государственные службы и кадры*. – 2021. – № 1. – С. 55-62.
- [13] Французский гражданский кодекс: учебно-практический комментарий. – М.: Проспект, 2024. – 742 с.
- [14] Экба А.Э. Семейные отношения в международном частном праве // *Актуальные проблемы конституционного и международного права*. – Ставрополь: Ставропольское изда-

тельство «Параграф», 2021. – С. 80-82.

[15] Court of Appeals of Valparaiso 1940 (Cazitua v. Berdeau) G.T. 1940, 81-359. Цит. по Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. Изд. 2-е, доп. – М.: Международные отношения, 2009. – 681 с.

References:

[1] Alekseeva S.O. Conflict of Laws Regulation of Cross-Border Marriage and Its Dissolution // Issues of Russian Justice. - 2021. - No. 4. - pp. 106-123.

[2] Anufrieva L.P. International Private Law: in 3 volumes. Volume 2. Special Part: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. - Moscow: BEK Publishing House, 2025. - 459 p.

[3] Babenkova V.R., Trufanova A.Yu., Brusentseva M.I., Pronina Yu.O. Problematic Aspects of Legal Regulation of Marital and Family Relations in International Private Law // Law and Management. - 2024. - No. 8. - pp. 313-318.

[4] Besschastnaya V.V. Conclusion and dissolution of marriages complicated by a foreign element (Russian and foreign experience of legal regulation) // Law, business, management: problems of theory and practice. – Mariupol: [b.i.], 2025. – Pp. 36-40.

[5] Civil Code, France // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23230> (date of access: 01.10.2025).

[6] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – No. 220. – with amendments and supplements as amended on 31.07.2025.

[7] Dudko A.N. Comparative Analysis of Legal Norms of Divorce in Russia, Europe and America // Electronic Scientific and Practical Journal «Forum». Issue: Current State and Development Trends of the Humanities and Economic Sciences. – 2024. – No. 2 (32). – P. 114-120.

[8] Divorce Law // Studio Cataldi il diritto quotidiano. URL: <https://www.studiocataldi.it/normativa/legge-divorzio/> (date of access: 01.10.2025).

[9] Ilovaisky I.B. Legal Regulation of Marital and Family Relations with a Foreign Element: A Study Guide / I.B. Ilovaisky; Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPa. – Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPa, 2022. – 169 p.

[10] Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 30. – Art. 5501.

[11] Kurochkina K.P. Legal Regulation of Divorce in International Private Law // Theory and Practice of Modern Science. – 2016. – No. 12-1 (18) – P. 750-752.

[12] Strigunova D.P., Eriashvili N.D. Actual Issues of Marriage with a Foreign Citizen // Civil Service and Personnel. – 2021. – No. 1. – P. 55-62.

[13] The French Civil Code: A Textbook and Practical Commentary. Moscow: Prospect, 2024, 742 p.

[14] Ekba, A.E. Family Relations in Private International Law. Current Issues of Constitutional and International Law. Stavropol: Stavropol Publishing House «Paragraph», 2021, pp. 80-82.

[15] Court of Appeals of Valparaiso 1940 (Cazitua v. Berdeau) G.T. 1940, 81-359. Cited from Kanashevsky, V.A. Private International Law: Textbook. 2nd Edition, suppl. Moscow: International Relations, 2009, 681 p.

НЕСТЕРЕНКО Екатерина Александровна,
*студентка магистратуры по направлению «Юриспруденция»
кафедры «предпринимательского и энергетического права»,
ФГАОУ ВО «Казанского (Приволжского) федерального университета»,
e-mail: mail@law-books.ru*

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ БАЗА ПО ФАКТАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ: КРИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. В статье анализируются проблемы доказывания факта распространения коммерческой тайны. Рассматриваются вопросы доступа третьих лиц к информации и причинно-следственной связи с убытками, а также вопросы, связанные с необходимостью доказывания того, что именно распространенная информация составляет коммерческую тайну. Предлагаются законодательные изменения, включая уточнение понятия «распространение» и регулирование отношений при пересылке информации на личную почту работника для повышения эффективности защиты прав правообладателей и одновременного обеспечения прав работников.

Ключевые слова: коммерческая тайна, распространение информации, доказательная база, доказывание, цифровые технологии, трудовые отношения, утечка информации, электронная почта.

NESTERENKO Ekaterina Aleksandrovna,
*Master's student in Jurisprudence,
Department of Business and Energy Law,
Kazan (Volga Region) Federal University*

EVIDENCE BASE ON THE FACTS OF DISSEMINATION OF COMMERCIAL SECRETS: CRITICAL ISSUES

Annotation. The article analyzes the problems of proving the fact of spreading commercial secrecy. The issues of access to information by third parties and the causation of damages are discussed, as well as those related to the need to prove that the information disclosed constitutes a trade secret. Legislative changes are proposed, including clarification of the concept of «dissemination» and regulation of relations when sending information to the personal mail of the employee in order to increase the effectiveness of protection of rights of right holders and simultaneous provision of workers' rights.

Key words: business secrecy, dissemination of information, evidentiary database, proof, digital technology, labor relations, information leak, e-mail.

В современном деловом ландшафте, где информация является ключевым конкурентным преимуществом, защита коммерческой тайны приобретает первостепенное значение, особенно учитывая высокие риски утечки данного вида информации ограниченного доступа. В этой связи детальное рассмотрение проблематики доказательной базы по фактам утечки коммерческой тайны представ-

ляется необходимым условием для эффективного противодействия данному явлению и обеспечения защиты режима коммерческой тайны.

В то же время нельзя не отметить проблемные аспекты, связанные с процессом доказывания факта распространения сведений, составляющих коммерческую тайну. Так, в первую очередь, в процедуры доказывания

важно предоставить доказательства того, что распространенная информация действительно являлась коммерческой тайной, поскольку не исключены случаи обращения в суд за защитой, но в результате рассмотрения дела выясняется, что информации к коммерческой тайне не относится. Так, например, ООО «ЭЛИАС-Новосибирск» обратилось в суд с иском к Ч., поскольку решила, что бывший сотрудник использует ее коммерческую тайну – базу клиентов – в своей предпринимательской деятельности. Чтобы защитить тайну и взыскать убытки за ее разглашение, компания обратилась в суд. По результатам рассмотрения дела суд решил отказать в удовлетворении требований истца. Компания не доказала, что бывший работник разгласил коммерческую тайну. Наличие в трудовом договоре условия о неразглашении коммерческой тайны недостаточно. Компания должна была ввести режим коммерческой тайны в отношении базы данных клиентов, но не сделала этого. Значит база клиентов не относится к коммерческой тайне [5]. Данный пример наглядно демонстрирует, что формальное закрепление обязательств о неразглашении коммерческой тайны в трудовом договоре без фактического введения режима коммерческой тайны на предприятии, включая определение перечня информации, составляющей коммерческую тайну, и установление порядка обращения с ней, не является достаточным основанием для защиты в суде

В то же время, разрешение вопроса о том какая именно информация будет составлять коммерческую тайну отнесено к компетенции обладателя такой информации на основании ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [2] (далее – Закон «О коммерческой тайне»). Данный нормативный акт устанавливает лишь, что при определении перечня информации, составляющей коммерческую тайну, должны быть соблюдены требования указанного закона. Например, в ст. 5 Закона о коммерческой тайне приведен перечень информации, которая не может быть отнесена к тайне.

По мнению ряда юристов и экспертов ключевым критерием отнесения информации к коммерческой тайне является ее коммерческая ценность и режим конфиденциальности,

установленный обладателем [7, с. 116].

В дополнение к вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что установление режима коммерческой тайны – это комплекс мероприятий, включающий организационные, технические и правовые меры, направленные на защиту конфиденциальности информации. Этот комплекс должен быть не просто формальным, но и реально действующим, обеспечивающим предотвращение несанкционированного доступа к сведениям, составляющим коммерческую тайну

Итак, практика показывает, что для успешного доказывания факта разглашения коммерческой тайны необходимо:

1. Четко определить, какая информация составляет коммерческую тайну, и закрепить это в соответствующих документах (Положение о коммерческой тайне, перечень сведений, составляющих коммерческую тайну).

2. Установить режим коммерческой тайны на предприятии, предусматривающий ограничение доступа к информации, использование специальных мер защиты (например, маркировка документов, использование паролей, ограничение физического доступа к информации).

3. Собрать доказательства, подтверждающие факт разглашения информации (например, свидетельские показания, электронная переписка, документы, указывающие на передачу информации третьим лицам). В научной литературе также выдвигают перечень потенциальных доказательств того, что сведения, составляющие коммерческую тайну, были распространены. В частности, такими доказательствами называются «зафиксированный на фотографиях или видеозаписях камер наблюдения в помещении с материальными носителями секретных сведений, показания свидетелей, которые непосредственно или косвенно явились очевидцами произошедшей незаконной утери конфиденциальной информации фирмы, а также фиксация факта пересылки документации третьим лицам системным администратором соответствующей базы данных предприятия или организации» [6, с. 17].

Однако, при анализе указанных доказательств необходимо учитывать: сами по себе фото- и видеозаписи, показания свидетелей или данные системных администраторов не

являются безусловным доказательством распространения коммерческой тайны. Важно установить, что зафиксированные сведения действительно содержат информацию, составляющую коммерческую тайну, и что эти сведения стали доступны лицам, не имеющим законных оснований для ознакомления с ними.

Факт фиксации пересылки документации, содержащей коммерческую тайну, третьим лицам системным администратором соответствующей базы данных предприятия или организации, представляет собой весомое, хотя и не всегда однозначное, доказательство нарушения режима конфиденциальности. Данный сценарий подразумевает ситуацию, когда уполномоченное лицо – системный администратор, обладающее доступом к информации о потоках данных внутри организации, фиксирует факт передачи конфиденциальной информации за пределы определенного круга лиц, имеющих право доступа к ней, что может осуществляться посредством анализа лог-файлов, мониторинга трафика электронной почты, отслеживания доступа к файловым серверам и другим сетевым ресурсам.

В контексте раскрытия коммерческой тайны, наиболее значимым является установление связи между действиями работника, имеющего доступ к конфиденциальной информации, и фактом получения этой информации третьим лицом. Зачастую, работник, желающий передать коммерческую тайну, может первоначально переслать информацию на свой личный адрес электронной почты или сохранить ее на отчуждаемый носитель (например, флеш-накопитель). Как справедливо отмечается в научной литературе, сам по себе факт пересылки информации на личную электронную почту или сохранения на внешний носитель не всегда приравнивается судом к разглашению коммерческой тайны [8, с. 267].

Суды же могут исходить из презумпции добросовестности и может рассматривать такие действия как подготовительные, не доказывающие намерения передать информацию третьим лицам [3]. В отдельных случаях судебный орган непосредственно указывает, что «Компания не доказала, что секретные сведения получили третьи лица, которые доступ к ней не имели» [4].

Однако, наличие доказательств последующей передачи информации третьим лицам кардинально меняет ситуацию.

Именно документальное подтверждение факта пересылки информации от работника (ранее получившего к ней доступ в силу должностных обязанностей) конкретному третьему лицу, не имеющему законных оснований для владения данной информацией, служит весомым аргументом в пользу нарушения режима коммерческой тайны [9, с. 395]. В таком случае, действия работника выходят за рамки личного использования информации и явно свидетельствуют о намерениях передать ее посторонним.

В то же время при использовании данного способа доказывания необходимо учитывать конституционные гарантии, в частности, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, закрепленное в ст. 23 Конституции РФ [1]. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Соответственно, для получения доступа к информации о переписке сотрудника, даже если есть подозрения в разглашении коммерческой тайны, требуется санкция суда.

Таким образом, получается двоякая ситуация: с одной стороны, фиксация пересылки документации с коммерческой тайной системным администратором может быть ключевым доказательством нарушения режима конфиденциальности и отправной точкой для расследования утечки информации. С другой стороны, без соблюдения конституционных прав на тайну переписки и отсутствия санкции суда, доказательства, собранные таким образом, могут быть признаны недопустимыми, что существенно ослабит позицию компании в судебном процессе.

Соответственно, получается, чтобы компании доказать факт распространения коммерческой информации, прежде всего, необходимо именно на локальном уровне четко определить, какие сведения будут иметь статус информации ограниченного доступа. Кроме того, компании необходимо в то же время и доказать, что к информации имели доступ третьи лица, не имеющие право на ознакомление со сведениями, составляющими коммерческую тайну.

Существующая редакция Закона «О коммерческой тайне» не в полной мере отражает специфику доказывания факта распространения коммерческой информации в условиях цифровой экономики. Зачастую сложно установить, была ли информация не просто получена третьим лицом, но и использована им в целях, наносящих ущерб правообладателю. Полагаем, на законодательном уровне стоит урегулировать вопрос относительно возможности пересылки информации, составляющей коммерческую тайну на личную почту работника. Но в то же время здесь необходимо учесть тот момент, что не во всех компаниях имеется корпоративная почта, а значит деловая переписка и общение с сотрудниками ведется и на сторонних сервисах электронной почты. Полагаем, именно на законодательном уровне должен быть решен вопрос относительно использования коммерческой тайны в рамках трудовых отношений в части той проблемы, которая обозначена выше. В этой связи видится необходимым дополнить ст. 11 Закона «О коммерческой тайне» пунктом, согласно которому Действия работника, связанные с копированием, пересылкой или сохранением информации, составляющей коммерческую тайну, на личный адрес электронной почты или съемный носитель информации (в том числе флэш-накопитель) не являются нарушением режима коммерческой тайны при одновременном соблюдении следующих условий:

а) данные действия были необходимы для выполнения служебных обязанностей (например, при отсутствии технической возможности осуществления работы на корпоративном оборудовании или с использованием корпоративных сервисов, или при необходимости

обработки информации вне рабочего места);

б) работник не позднее чем в течение двух рабочих дней уведомил работодателя (или уполномоченное им лицо) в письменной или электронной форме о факте копирования, пересылки или сохранения информации, с указанием цели данных действий и перечня скопированной, пересланной или сохраненной информации;

в) работник принял меры по обеспечению конфиденциальности информации (например, установил пароль на архив с информацией) и готов предоставить работодателю информацию о предпринятых мерах;

г) данные действия не противоречат внутренним нормативным актам правообладателя коммерческой тайны, регламентирующим порядок работы с конфиденциальной информацией.

Внесение данных изменений позволит обеспечить непосредственно, как законные интересы работника, так и компании, у которой уже могут быть доказательства того, что коммерческая тайна подлежала утечке.

Таким образом, совершенствование доказывания факта распространения коммерческой тайны требует как уточнения законодательной базы, адаптированной к реалиям цифровой экономики, так и совершенствования практики сбора и оценки доказательств. Предложенные изменения в Закон «О коммерческой тайне» направлены на создание баланса между защитой прав правообладателя и обеспечением возможности добросовестного выполнения трудовых функций, что позволит повысить эффективность защиты коммерческой тайны в условиях современных технологических вызовов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 27 июля 2014 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

[3] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2023 № 88-1131/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=91687> (дата обращения: 05.01.2026).

[4] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2023 по делу № 88-10070/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=123499> (дата обращения: 05.01.2026).

[5] *Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 по делу № 88-18752/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=136046> (дата обращения: 05.01.2026).*

[6] *Городов О.А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика / О.А. Городов. – М. : Статут, 2008. – 189 с.*

[7] *Клычкова К.С. Защита коммерческой информации как фактор обеспечения экономической безопасности предприятия / К.С. Клычкова, И.А. Сергеева // Сборники конференций НИЦ Социосфера, – 2020. – №. 24. – С. 115-118.*

[8] *Пасечник О.С., Бекирова Р.Ф. Проблемы привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны / О.С. Пасечник, Р.Ф. Бекирова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. – №. 1. – С. 266-271.*

[9] *Сошникова Т.А. Проблемы привлечения к материальной ответственности работника за разглашение коммерческой тайны / Т.А. Сошникова // Образование и право. – 2022. – №. 6. – С. 394-400.*

References:

[1] *Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on July 27, 2014) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.*

[2] *Federal Law of July 29, 2004 No. 98-FZ (as amended on August 8, 2024) «On Commercial Secrets» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 32. Article 3283.*

[3] *Determination of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 26, 2023 No. 88-1131/2023 // SPS «ConsultantPlus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=91687> (accessed: 05.01.2026).*

[4] *Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 18.04.2023 in case No. 88-10070/2023 // SPS «ConsultantPlus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=123499> (accessed: 05.01.2026).*

[5] *Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/05/2023 in case No. 88-18752/2023 // SPS «ConsultantPlus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=136046> (date of access: 01/05/2026).*

[6] *Gorodov O.A. Unfair competition: theory and law enforcement practice / O.A. Gorodov. - M.: Statut, 2008. - 189 p.*

[7] *Klychkova K.S. Protection of commercial information as a factor in ensuring the economic security of an enterprise / K.S. Klychkova, I.A. Sergeeva // Proceedings of conferences of the Research Center Sociosphere, - 2020. - No. 24. – P. 115-118.*

[8] *Pasechnik O.S., Bekirova R.F. Problems of bringing to liability for disclosure of commercial secrets / O.S. Pasechnik, R.F. Bekirova // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. - 2019. - Vol. 5. - No. 1. - P. 266-271.*

[9] *Soshnikova T.A. Problems of bringing an employee to material liability for disclosure of commercial secrets / T.A. Soshnikova // Education and law. - 2022. - No. 6. - P. 394-400.*

СЕМЕНОВА Регина Олеговна,
магистрант,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
e-mail: ReOSemenova@kpfu.ru

РЕЗЕНКОВ Эдуард Андреевич,
магистрант,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
e-mail: eduard.rezenkov@mail.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРИМИНГОВЫХ ПЛАТФОРМ: ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы принадлежности, защиты авторских прав и тенденции глобального рынка лицензирования в сфере стриминговых платформ. Выявлены проблемы применения международного и регионального законодательства к подобным цифровым сервисам, используемым из любой точки мира. Изучены механизмы и порядок получения лицензий на примере законодательства РФ, ЕС и США. Настоящее исследование подчеркивает важность понимания характера самого цифрового контента и изначальной цели регулирования стриминговых площадок и делает вывод о том, что фрагментарный подход к регулированию может не в полной мере соответствовать данной цели и тормозить развитие медиаконтента по всему миру.

Ключевые слова: стриминговые платформы, цифровой контент, лицензирование, регулирование, геоблокировка, глобальные подходы.

SEMENOVA Regina Olegovna,
Master's student,
Kazan (Volga Region) Federal University

REZENKOV Eduard Andreevich,
Master's student,
Kazan (Volga Region) Federal University

REGULATION OF STREAMING PLATFORMS: GLOBAL APPROACHES TO LICENSING

Annotation. This article examines issues of ownership, copyright protection, and trends in the global licensing market within the streaming platform sector. It identifies challenges in applying international and regional legislation to such digital services, which are accessible from anywhere in the world. The mechanisms and procedures for obtaining licenses are analyzed using the examples of Russian, EU, and US legislation. The study emphasizes the importance of understanding the nature of digital content itself and the original purpose of regulating streaming platforms. It concludes that a fragmented regulatory approach may not fully align with this purpose and could hinder the development of creativity worldwide.

Key words: streaming platforms, digital content, licensing, regulation, geo-blocking, global approaches.

Повсеместное распространение и стремительное развитие площадок для медиаконтента в течение последнего десятилетия привело к установлению стриминговых платформ как основного способа потребления медиа и цифрового контента во всем мире. Вместе с тем, эта тенденция непременно отразила некоторую напряженность в международной нормативно-правовой базе. В настоящий момент, стриминговая платформа – это не просто сервис передачи информации в режиме реального времени через Интернет с серверов на устройство. Это цифровая экосистема, представляющая интегрированную инфраструктуру для хостинга, обработки и доставки медиаконтента. Она поддерживает как прямые трансляции с возможностью синхронного интерактивного взаимодействия аудитории через чаты, так и предоставление контента по запросу (video-on-demand). Область ее применения обширна и охватывает такие сегменты, как гейминг, образование, развлечения и музыкальная индустрия [3, с 77-81].

Лицензирование в сфере стриминговых платформ включает в себя несколько главных аспектов: лицензии медийной деятельности: на вещание, распространение, регистрация в качестве СМИ, а также лицензии на сам аудиовизуальный контент – его использование, распространение, воспроизведение.

Среди последних выделяют такие виды лицензий как исключительная (когда права предоставляются только одной платформе) и неисключительная (если права могут быть предоставлены нескольким платформам одновременно), прямая (если заключается напрямую с правообладателем), сублицензия (заключается с другим лицензиатом, например дистрибьютером) и лицензия через коллективное управление правами. Обычно лицензирование контента для стриминговых платформ предполагает подробные переговоры между правообладателями, такими как студии или продюсерские компании, и платформами. Соглашения должны содержать подробные условия о том, какие страны или территории включены, как долго контент доступен и являются ли права эксклюзивными.

Международная нормативно-правовая база по защите авторских прав в сфере стриминга включает в себя следующие основополагаю-

щие документы: Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886г., Международный договор ВОИС по авторскому праву (ДАП) 1996г [1, с 95-98].

Соединенные Штаты Америки регулируют авторское право в сфере стриминговых платформ посредством следующих актов: Закон США Об авторском праве 1976г., DMCA (англ. Digital Millennium Copyright Act — Закон об авторском праве в цифровую эпоху), который обеспечивает «безопасную гавань» для платформ, которые незамедлительно удаляют контент, нарушающий авторские права, Закон США «О соблюдении приличий в коммуникациях» (Communications Decency Act, CDA 1996 г.), который ограничивает ответственность платформы за публикуемый пользователями контент и позволяет им модерировать его, а также Protecting Lawful Streaming Act – Закон о защите законного потокового вещания (один из трех законопроектов об интеллектуальной собственности, вступивших в силу в декабре 2020 года в рамках Закона о консолидированных ассигнованиях 2021 года). В США существуют специализированные сервисы, упрощающие процесс получения лицензий. Коллективная организация по механическим лицензиям (The Mechanical Licensing Collective, MLC) создана в 2018 году по Закону о модернизации музыкальной индустрии (MMA), MLC управляет единой системой «бланкетной лицензии», упрощая получение разрешений для стриминговых сервисов, собирает и распределяет авторские отчисления (роялти) за механическое воспроизведение музыки (например, стриминг, загрузки). Лицензирование в сфере киноиндустрии в США происходит через Американскую ассоциацию кинокомпаний (MPAA), которая управляет рейтингами, и получением прокатных удостоверений [2, с. 35-36].

В Европейском Союзе действуют такие законодательные акты как: Директива об авторском праве на едином цифровом рынке (Директива DSM 2019/790) – обновляет правила авторского права для онлайн-платформ, влияющие на лицензирование и управление загружаемым пользователями контентом; Директива об аудиовизуальных медиа-услугах (AVMSD) – распространяет правила, аналогичные правилам вещания, на услуги по запросу, включая квоты для европейских произведений и прави-

ла, защищающие несовершеннолетних; GDPR (Общий регламент по защите данных, 2018) – регулирует конфиденциальность пользовательских данных, таких как геолокация, IP-адреса, файлы cookie, просмотры, поисковые запросы и тд. Что касается порядка выдачи лицензий, в ЕС нет единой системы и организации, так Франция и Германия требуют лишь прямого разрешения правообладателей для распространения любого медиаконтента, в Великобритании для публикации необходимо получить лицензию через Общество защиты прав на механическое воспроизведение, которое сейчас является частью более крупной организации PRS for Music [5].

В контексте российского законодательства, получение разрешений на исполнение музыкальных произведений чаще всего предполагает прямые договоренности исполнителей с правообладателями, либо использование иных форм лицензирования. В качестве информационного центра для идентификации авторов и обладателей прав выступает Российское авторское общество (РАО), выполняющее роль основного субъекта коллективного управления авторскими правами.

Таким образом, порядок предоставления лицензий, ответственность площадок, пользователей и исполнителей, а также степень защищенности авторских прав от риска неправомерного использования сильно различается в зависимости от законодательства страны происхождения. Нормативно-правовая база для регулирования авторских прав в сфере стриминговых сервисов характеризуется некоторой асимметрией между глобальностью потребления, свободой творчества, креативности и необходимостью установления жесткого контроля над использованием и распространением контента для защиты обладателей авторских прав от их вероятных нарушений, а также охраны моральных и нравственных ценностей потребителей цифрового контента.

Многие стриминговые платформы устанавливают правила площадки, позволяющие автоматически блокировать контент и пользователей, нарушающих авторские права, а также технологии геоблокировки для контроля доступа аудитории к определенному контенту. Геоблокировка в основном обеспечивает соблюдение соглашений и национальных законов об

авторском праве, позволяет осуществлять подбор контента с учетом региональных предпочтений аудитории, ограничивает риски несанкционированного вещания. Такие ограничения также влияют на конкуренцию в сфере медиaprостранства, формируя спрос и предложение. Несмотря на то, что пользователи нередко ищут иные способы получить доступ к контенту из-за рубежа, чем также могут быть подвержены риску деактивации аккаунтов, посредством таких ограничений круг зрителей сужается.

Кроме этого, ввиду комплексных геополитических причин иностранные правообладатели все реже заключают новые лицензионные договоры со стриминговыми платформами в Российской Федерации. Для них совокупность юридических запретов на своей родине, экономических и репутационных рисков перевешивает потенциальную прибыль от данного рынка. В связи с этим, в августе 2022 года в Госдуму был внесен законопроект о принудительном лицензировании на использование авторских и смежных прав правообладателей из «недружественных стран», необоснованно расторгнувших лицензионный договор. По мнению депутата, необходимо путем внесения изменения в Гражданский кодекс РФ внедрить механизм, согласно которому суд своим решением может обязать правообладателя заключить лицензионный договор с определенным лицом, заинтересованным в использовании принадлежащего правообладателю объекта. Данная инициатива не была поддержана представителями стриминговых платформ, поскольку в данной сфере принудительная лицензия сравнима с «узаконенным пиратством», что может негативно сказаться на защите прав иностранных правообладателей и инвестиционной привлекательности страны в целом. Таким образом, стриминговым платформам в РФ удалось отстоять принцип работы в легальном поле [4, с. 99-102]

Тем не менее, в настоящий момент, частой проблемой, возникающей по вопросам защиты авторских прав в сфере стриминговых платформ повсеместно остается нарушение авторских прав, в частности, незаконное использование, копирование и распространение объектов авторских прав. В РФ за прошедший год количество судебных дел по таким нарушениям выросло на 35%. Также, согласно статистическим данным, несмотря на то что сами

площадки постоянно улучшают технологию защиты контента на своих платформах с помощью механизмов искусственного интеллекта, постоянной модерации и блокировки подобных нарушений, в США около 80 процентов от всего цифрового пиратства происходит именно посредством стриминговых сервисов [5].

Таким образом, основными векторными проблемами регулирования стриминговых платформ остаются:

1. Усложненный порядок получения лицензий в некоторых странах, многообразие региональных особенностей и различие механизмов защиты по всему миру

2. Искусственно созданные рамки для потребления медиаконтента посредством геоблокировки, тесная зависимость сферы лицензирования от геополитических рисков

3. Отсутствие возможности полностью искоренить проблему несанкционированного использования и распространения объектов авторских прав

Медиаконтент, по своей сути, поскольку его основной способ потребления сейчас происходит посредством сети Интернет, имеет глобальную и безграничную природу. Фильмы, сериалы и музыка — это продукт, доступ к которому потенциально возможен мгновенно из любой точки мира. С появлением данной технологии уже известные и многие начинающие артисты, авторы произведений, блогеры и другие обладатели авторских прав надеялись получить всемирную славу. Однако эта присущая сети свобода наталкивается на искусственные барьеры: национальные законодательства об авторском праве, лицензионные соглашения, разделяющие планету на регионы, геоблокировку и политические санкции. В результате глобальный цифровой океан контента оказывается разделённым на локальные «аквариумы», где доступ определяется не столько желанием зрителя или технологиями, сколько юридическими и политическими границами, перенесёнными из офлайн-мира в онлайн-пространство.

Учитывая международный характер и опыт сотрудничества стран, любые меры, способные разрешить обозначенные выше проблемы требуют беспрецедентного уровня международного сотрудничества и воли от всех сторон — правообладателей, правительств и платформ. Введение таких мер, как либерализация

лицензионного права, создание новых международно-правовых рамок, гибкие и новые технологические решения для упрощения получения разрешений на использование объектов авторских прав и вознаграждения могут быть мерами, способными сдвинуть вектор развития регулирования стриминговых платформ в сторону большей доступности медиаконтента. Но пока политические и коммерческие интересы почти всегда перевешивают идею по-настоящему открытого и единого информационного пространства. На практике локальные решения часто оказываются более реалистичными, чем глобальная либерализация.

Таким образом, основной целью создания и развития стриминговых платформ было формирование динамичной, конкурентной и разнообразной медиа-экосистемы, которая приносила бы пользу как создателям, так и дистрибьюторам и потребителям контента, но одновременно с этим выявились существенные пробелы и сложности в регулировании данной сферы, такие как: усложненный порядок получения лицензий, геоблокировки, фактическая невозможность борьбы с так называемым «пиратством» на стриминг платформах, а также многообразие способов регулирования лицензирования цифрового контента. Так примеры Франции/Германии (через прямое разрешение) и Великобритании (через коллективное управление и PRS for Music) демонстрируют разнообразие в методах регулирования. При этом данные проблемы усугубляются определенными геополитическими факторами. В результате доступность контента по-прежнему определяется юридическими и политическими границами.

И в связи с вышесказанным, сама возможность гармонизации и глобальной стандартизации лицензирования стриминг-контента остается невозможной, так как фрагментарный подход к регулированию в данной сфере не учитывает сам характер цифрового контента и зачастую препятствует его развитию. Таким образом, будущее развитие данной сферы будет и дальше определяться не глобальными реформами, а локальным регулированием и постоянным соперничеством между системами защиты контента и методами их обхода, тем самым, оставляя идею единого информационного пространства утопической.

Список литературы:

- [1] Титова С.В., Чикризова К.В. Разработка и использование обучающих материалов на базе ИИ в вузах: правовые аспекты. // Высшее образование в России. — 2025. — Т. 34 №. 6. — С. 91-111.
- [2] Булгаков А.Э. Политические лидеры в социальных сетях: прозрачность ответственности. // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — №. 5. — С. 32-40.
- [3] Ларионова М.В., Доронин П.А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.. — 2024. — Т. 19 №. 2. — С. 70-92.
- [4] Туркин Р. Э.. К вопросу о принудительных лицензиях в авторском праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — №. 3 (45). — С. 61-72.
- [5] Покровская А.В. Использование новых технологий для защиты авторских прав на платформах электронной коммерции: международный опыт. // Труды по интеллектуальной собственности. — 2025. — Т. 52 №. 1. — С. 95-108.

References:

- [1] Titova S.V., Chikrizova K.V. Development and Use of AI-Based Educational Materials in Universities: Legal Aspects. // Higher Education in Russia. - 2025. - Vol. 34, No. 6. - Pp. 91-111.
- [2] Bulgakov A.E. Political Leaders on Social Networks: Transparency of Responsibility. // Constitutional and Municipal Law. - 2023. - No. 5. - Pp. 32-40.
- [3] Larionova M.V., Doronin P.A. Problems of Regulating Digital Platforms: Difficulties and Opportunities for International Cooperation // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. - 2024. - Vol. 19, No. 2. - Pp. 70-92.
- [4] Turkin R. E. On the Issue of Compulsory Licenses in Copyright // Journal of the Intellectual Property Court. - 2024. - No. 3 (45). - P. 61-72.
- [5] Pokrovskaya A. V. Using New Technologies to Protect Copyright on E-Commerce Platforms: International Experience // Works on Intellectual Property. - 2025. - Vol. 52 No. 1. - P. 95-108.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАСУМОВА Жасмин Ришадовна,
магистрант,
Южно-Российский институт управления –
филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
e-mail: kasumova_zhasmin@mail.ru

ИГРОВОЙ ТИП ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: СУЩНОСТЬ, ПРИЗНАКИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ ОТ КОРЫСТНОГО, НАСИЛЬСТВЕННОГО И СИТУАТИВНОГО ТИПОВ

Аннотация. В статье исследуется игровой тип личности преступника – этот феномен считается мало разработанным в отечественной криминологии. Актуальность темы предопределена необходимостью совершенствования типологии личности преступника для того, чтобы повысить эффективность профилактики преступлений, в том числе индивидуализировать меры воздействия и прогнозирования поведения преступника. Существующая проблема заключается в отсутствии чёткой дефиниции игрового типа, размытости критериев его диагностики и недостаточности эмпирической базы, что негативно влияет на профилактическую работу с лицами, у которых прослеживается игровая мотивация противоправных действий.

Научная новизна исследования состоит в систематизации признаков игрового типа личности, в его разграничении с корыстным, насильственным и ситуативным типами по основным критериям, в определении механизмов формирования игровой криминальной мотивации. Методология включает теоретический анализ научной литературы и сравнительный анализ типологий личности преступника. В рамках теоретического анализа были изучены: фундаментальные работы по криминологии и психологии девиантного поведения (исследования Е. В. Богатовой, А. И. Долговой, С. А. Шоткинова); публикации в рецензируемых журналах по проблемам типологии преступников. Сравнительный анализ игрового типа личности преступника с классическими криминологическими типами проводился на основе критериев, предложенных в работах А.К. Артамонова, Р.Р. Хатамова. В статье раскрывается сущность игрового типа личности преступника, выделяются его признаки (стремление к риску, желание получить острые ощущения, доминирование игровой мотивации над рациональными целями). Проводится сравнительный анализ с иными типами преступников: корыстным, насильственным, ситуативным.

Выводы исследования помогают расширить теоретические представления о типологии преступников и имеют практическую значимость для правоохранительных органов, ведь они позволяют разграничить подходы к предупреждению преступлений и работе с различными категориями преступников.

Ключевые слова: игровой тип личности преступника; типология преступников; мотивация преступного поведения; корыстный тип преступника; насильственный тип преступника; ситуативный тип преступника; признаки криминальной личности; личность преступника.

THE GAME PERSONALITY TYPE OF THE CRIMINAL: THE ESSENCE, SIGNS AND CRIMINOLOGICAL DIFFERENCES FROM THE MERCENARY, VIOLENT AND SITUATIONAL TYPES

Annotation. *The article examines the gaming personality type of the criminal – this phenomenon is considered to be poorly developed in Russian criminology. The relevance of the topic is determined by the need to improve the typology of the criminal's personality in order to increase the effectiveness of crime prevention, including individualizing measures of influence and predicting criminal behavior. The existing problem is the lack of a clear definition of the game type, the blurred criteria for its diagnosis and the lack of an empirical base, which negatively affects preventive work with people who have a gaming motivation for illegal actions.*

The scientific novelty of the research consists in the systematization of the signs of the gaming personality type, in its differentiation from the selfish, violent and situational types according to the main criteria, in determining the mechanisms of the formation of gaming criminal motivation. The methodology includes a theoretical analysis of scientific literature and a comparative analysis of the typologies of the criminal's personality. As part of the theoretical analysis, the following were studied: fundamental works on criminology and the psychology of deviant behavior (research by E. V. Bogatova, A. I. Dolgova, and S. A. Shotkinov); publications in peer-reviewed journals on the typology of criminals. A comparative analysis of the criminal's gaming personality type with classical criminological types was conducted based on the criteria proposed in the works of A. K. Artamonov and R. R. Khatamov. The article reveals the essence of the criminal's gaming personality type, highlights its signs (the desire for risk, the desire to get thrills, the dominance of gaming motivation over rational goals). A comparative analysis is carried out with other types of criminals: mercenary, violent, situational.

The findings of the study help to expand theoretical understanding of the typology of criminals and have practical significance for law enforcement agencies, because they allow us to distinguish approaches to crime prevention and work with different categories of criminals.

Key words: *the game personality type of the criminal; the typology of criminals; motivation of criminal behavior; mercenary type of criminal; violent type of criminal; situational type of criminal; signs of criminal personality; criminal personality.*

Игровой тип личности преступника – это специфический криминологический феномен, который основывается на наличии сразу нескольких мотиваций совершения преступлений [5, с. 183]. Основную роль может играть не только определённая цель (например, корыстная), сколько желание эмоционально насытиться посредством участия в «игре», связанной с высоким уровнем риска, азарта, нарушения установленных правил. Здесь возможные материальные выгоды могут быть равнозначны по своему значению эмоциям, которые преступник проживает в

процессе совершения самого преступления.

Для игрового типа личности преступника характерна необходимость получить острые ощущения, поэтому они всегда ищут такие ситуации, которые связаны с опасностью, риском, а совершение преступления для них это некий «квест», «соревнование» как с правоохранительными органами, так и с жертвами. В сознании таких людей преступление – это определённое театрализованное действие, в котором преступник может быть и актёром, и режиссёром, ведь он получает удовольствие от самого процесса такой игры – начиная от

детальной проработки плана, дальнейшей импровизации в ходе осуществления своего плана, до эмоций от превосходства над своим «противником».

Вместе с этим какие-либо рациональные соображения (страх наказания, финансовые расходы) зачастую совершенно незначительны по сравнению с эмоциональным импульсом, который и руководит человеком [3, с. 151]. Преступление для него – не средство для того, чтобы достичь цель, а самоцель – как способ для интенсивных переживаний, подтверждение своей уникальности.

Для игрового типа личности преступника характерно такое поведение, которое отличается повышенным уровнем риска, импровизации: кражи с проникновением в охраняемые объекты, либо мошенничество с психологическим манипулированием над жертвой, различные провокации. Для их действий присуща и чрезмерная «театральность»: оставление каких-либо знаков, записок на месте совершения преступления, преднамеренное совершение сложных схем для того, чтобы усилить накал эмоций. Однако в таком случае может быть и низкий уровень планирования – ведь эмоции могут взять верх и человек уже ориентируется на текущие возможности и импровизацию.

Криминологическая значимость игрового типа личности состоит в его повышенной общественной опасности. Данные преступники склонны к рецидиву, потому что первоначальный мотив их деятельности подразумевает постоянное стремление к рискованным и опасным ситуациям. При этом их поведение достаточно сложно прогнозировать по причине их импульсивности и склонности к импровизации, что затрудняет проведение даже профилактической работы.

В первую очередь, для игрового типа личности характерна выраженная импульсивность [4, с. 205]. Преступник может принимать некоторые решения абсолютно спонтанно, под влиянием определённого момента, при этом он может не анализировать последствия.

Конечно, основной признак – это стремление к риску и азарту, ведь он испытывает удовольствие от самого процесса совершения преступления. Даже риск разоблачения толь-

ко увеличивает его эмоции.

Демонстративность поведения преступника также считается важной особенностью. Он желает произвести впечатление на окружающих людей, подчеркнуть свою исключительность, уникальность, ловкость и находчивость. Это может выражаться в намеренно дерзких действиях, провокационных жестах, оставлении подсказок для правоохранительных органов на месте совершения преступления. Ему важно, чтобы его действия обсуждались, а репутация «гениального» преступника только укреплялась, и его не могли поймать.

Высокая способность к адаптации и импровизации помогают игровому типу быстро перестраиваться в постоянно меняющихся условиях. Он может находить нестандартные выходы из сложных ситуаций, использовать в свою пользу случайные обстоятельства. Но долгосрочная стратегия ему не характерна, потому что действия зачастую основаны на интуиции, эмоциональном порыве.

Также типичный признак – переоценка собственных возможностей [2, с. 135]. Игровой тип личности преступника верит в собственную неуязвимость, считает себя «умнее», чем правоохранительная система, абсолютно уверен, что сможет избежать наказания. Причём такая иллюзия контроля может подпитываться переменными успехами, что приводит к тому, что он снова и снова подвергается риску, не замечая объективных угроз.

Эмоциональная лабильность может выражаться в достаточно быстрой смене настроений, прямой зависимости от внешних стимулов. Скудная, монотонная жизнь человека приводит к тому, что он пытается найти новые эмоции в преступлении, а сама авантюра приводит к желанию повторения. А если преступника постигла неудача, то это может привести к агрессии, импульсивным попыткам «отыграться». Нормы общества воспринимаются им как условные правила, которые можно нарушать ради собственного удовольствия. Отношения для него являются инструментом, который он использует для осуществления «игр».

Склонность к рецидиву – вполне закономерный результат указанных выше признаков [8, с. 259]. Даже получение наказания не приводит к переоценке поведения, потому что

мотивация исходит из его внутреннего состояния, эмоционально-насыщенного характера. Поэтому зачастую после отбывания наказания игровой тип личности преступника сразу стремится вернуться к привычному стилю жизни, в котором риск и нарушение правил – основные источники его эмоционального удовлетворения.

Соответственно, совокупность таких признаков формирует устойчивую модель поведения, в которой преступление – это некий способ существования, человек постоянно выбирает «игру» с законом и обществом.

Возможность сопоставить игровой тип личности преступника с другими типами личности (корыстным, насильственным и ситуативным), поможет более детальнее понять природу преступного поведения человека через анализ мотивационных, поведенческих и личностных различий между ними.

Игровой тип личности преступника нацелен на получение эмоционального удовлетворения в процессе совершения преступления, следовательно, основное отличие от остальных типов, состоит в том, что личная выгода либо причинение вреда другим людям – это только вспомогательные элементы, которые только могут усилить эмоциональный накал. Поэтому такой преступник постоянно ищет любые возможности для воплощения в жизнь своего «сценария», зачастую провоцируя ситуации, чтобы испытать себя, а также получить новые эмоции и впечатления [6, с. 291]. Его действия хоть и выглядят спонтанно, однако за ними скрывается осознанное стремление к переживанию острых ощущений.

Корыстный же тип личности руководствуется только рациональными соображениями. Для него преступление – это средство для достижения материальной выгоды, в котором каждое действие необходимо просчитать с точки зрения затрат и прибыли [1, с. 245]. В отличие от игрового типа личности, он всяческим образом будет избегать неоправданного риска, он стремится к конспирации. Причём его поведение характеризуется системностью, рутинностью: он предпочитает только чётко отработанные схемы, сокращая вероятность своего разоблачения. А эмоциональная составляющая минимальная, потому что удовлетворение приносит лишь результат

преступления в виде полученных материальных благ.

Усилия насильственного типа личности преступника направлены на реализацию своей агрессии. Его мотивация может быть как аффективной (резкая вспышка гнева, мести), точно также и инструментальной (применение насилия для достижения какой-либо другой цели). В отличие от игрового типа личности, он воспринимает жертву как объект для подавления и унижения, а не как «партнёра по игре». Поведение является целенаправленным, преступник настроен на доминирование. Если даже происходят какие-либо импульсивные действия, то его эмоциональный фон – это гнев, ярость, удовлетворение от осуществлённой агрессии (но никак не азарт и возбуждение). Насилие – это способ подтверждения своей силы и власти, а не элемент «игры».

Ситуативный тип значительно отличается от остальных типов тем, что в нём отсутствует устойчивая криминальная установка. Все его противоправные действия – это только реакция на конкретное стечение обстоятельств, когда само преступление считается вынужденным шагом, иногда даже единственным вариантом выхода из трудного положения [7, с. 1035]. Соответственно, в отличие от игрового типа, здесь нет поиска риска, стремления к эмоциональному насыщению. Практически все решения спонтанные, без предварительного планирования. Само поведение примитивно: преступник выбирает доступные способы для достижения цели, не думая о творческом подходе.

Если анализировать поведенческие аспекты, то здесь присутствуют явные различия. Игровой тип проявляет нарочитую демонстративность, импровизацию, пренебрежение установленными мерами безопасности для того, чтобы усилить риск. Корыстный тип – систематичность действий, тщательная подготовка ради достижения выгоды. Насильственный тип – целенаправленный выбор своей жертвы, проявление жестокости, агрессивности. Ситуативный тип – спонтанность действий, примитивные способы совершения преступления.

По отношению к последствиям также прослеживаются различия. Игровой тип воспри-

нимает наказание как часть «игры», что увеличивает вероятность рецидива. Корыстный тип стремится избежать наказания, потому что оно лишает его выгоды. Насильственный тип может испытывать удовлетворение от осуществлённой агрессии. Ситуативный тип зачастую раскаивается в содеянном.

Личностные особенности также имеют большое значение. Для игрового типа характерна импульсивность, авантюризм, демонстративность. Для корыстного типа - прагматизм, расчётливость. Для насильственного типа характерна низкая эмпатия, стремление к доминированию. Ситуативный тип - слабая воля, прямая зависимость от внешних обстоятельств.

Таким образом, в исследовании была раскрыта сущность игрового типа личности преступника, проанализированы его отличия от корыстного, насильственного и ситуативного типов. Это позволяет точнее диагностировать личность преступника, прогнозировать возможный рецидив и индивидуализировать профилактические меры. Ключевой принцип профилактики для игрового типа личности - перенаправление импульсивности и тяги к риску в социально одобряемые сферы. Для реализации этого подхода могут быть задействованы следующие механизмы и институты:

1) Уголовно-исполнительная система: включение в программы ресоциализации специализированных тренингов по управлению импульсивностью; организация спортивных секций с элементами экстремальной активности (скалолазание, паркур) под контролем психологов и т.д.

2) Службы пробации и постпенитенциарного сопровождения: содействие в трудоустройстве в динамичные профессии (спасатели, инструкторы по экстремальным видам спорта, тестировщики экстремальных аттракционов); партнёрство с клубами экстремальных видов спорта для организации контролируемого досуга; консультации с психологами, специализирующимися на поведенческой коррекции.

3) Социальные и образовательные учреждения: разработка профориентационных программ, ориентирующих на профессии с высокой долей ответственности и динамикой (МЧС, авиация, медицина катастроф); создание молодёжных клубов по интересам с элементами соревновательности и управляемого риска и т.д.

Реализация указанных мер требует межведомственного взаимодействия (ФСИН, МВД, Минтруда, Минобрнауки, НКО) и разработки специализированных методических рекомендаций для специалистов, работающих с данной категорией лиц.

Список литературы:

[1] Артамонов А. К. Криминологическая классификация и типология личности преступника: современное состояние проблемы / А. К. Артамонов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 4. – С. 244–247.

[2] Богатова Е. В. К вопросу о практическом значении криминологического анализа личности преступника / Е. В. Богатова // Эпомен. – 2022. – № 68. – С. 133–139.

[3] Долгова А. И. Личность преступника как криминологическая проблема / А. И. Долгова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 3(95). – С. 151–159.

[4] Елесина И. Г. Понятие, структура и криминологическая характеристика свойств личности преступника / И. Г. Елесина, Е. В. Сухарева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2025. – № 1(102). – С. 200–205.

[5] Кадралева Ж. А. Личность преступника как ключевой элемент изучения в криминологии / Ж. А. Кадралева, С. В. Бондаренко // Личность, право, государство: проблемы развития и взаимодействия : сборник статей научно-представительских мероприятий. – Москва : ИП Колупаева Е. В., 2023. – С. 182–184.

[6] Кошкина В. А. Актуальные проблемы криминологической характеристики личности преступника / В. А. Кошкина // Актуальные проблемы теории и практики социально-гумани-

тарных наук : сборник научных статей. – Москва : ООО «СТК-Пресс», 2025. – С. 288–291.

[7] Хатамов Р. Р. Классификация и типология личности преступника / Р. Р. Хатамов // Флагман науки. – 2025. – № 11(34). – С. 1035–1037.

[8] Шоткинов С. А. К вопросу о детерминации индивидуального преступного поведения и учения о личности преступника в криминологии / С. А. Шоткинов // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 2. – С. 259–264.

References:

[1] Artamonov A.K. Criminological classification and typology of the criminal's personality: the current state of the problem / A.K. Artamonov // Legal policy and legal life. - 2023. - No. 4. - Pp. 244-247.

[2] Bogatova E.V. On the practical significance of criminological analysis of the criminal's personality / E.V. Bogatova // Epomen. - 2022. - No. 68. - Pp. 133-139.

[3] Dolgova A.I. The criminal's personality as a criminological problem / A.I. Dolgova // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - 2023. - No. 3 (95). - Pp. 151-159.

[4] Elesina I. G. Concept, structure and criminological characteristics of the personality traits of a criminal / I. G. Elesina, E. V. Sukhareva // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. - 2025. - No. 1 (102). - P. 200-205.

[5] Kadraleeva Zh. A. Personality of a criminal as a key element of study in criminology / Zh. A. Kadraleeva, S. V. Bondarenko // Personality, law, state: problems of development and interaction: a collection of articles from scientific and representative events. - Moscow: IP Kolupaeva E. V., 2023. - P. 182-184.

[6] V. A. Koshkina. Actual Problems of Criminological Characteristics of a Criminal's Personality. Actual Problems of the Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences: A Collection of Scientific Articles. Moscow: STK-Press, 2025, pp. 288–291.

[7] R. R. Khatamov. Classification and Typology of a Criminal's Personality. The Flagship of Science. No. 11(34), pp. 1035–1037.

[8] S. A. Shotkinov. On the Determination of Individual Criminal Behavior and the Theory of a Criminal's Personality in Criminology. S. A. Shotkinov. Civil Service and Personnel. No. 2, pp. 259–264.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ДОСМАМБЕТОВ Рустем Джевджетович,
магистрант,
Крымский филиал РГУП,
e-mail: dosmambetow@yandex.ru

ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ И ПОДВЕРГНУТЫХ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы привлечения к уголовной ответственности истории развития уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Обоснована необходимость введения уголовной ответственности за преступление с административной преюдиции, доказан ее высокий превентивный потенциал, эффективность в обеспечении транспортной безопасности. Обозначены проблемы правоприменительной практики по ст. 264.1 УК РФ, сделан вывод о необходимости дополнительных пояснений по их разрешению со стороны Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: транспортные преступления, уголовная ответственность, административная преюдиция, состояние опьянение, повторность.

DOSMAMBETOV Rustem Dzhevdzhetovich,
Master's student,
Crimean branch of the
Russian State University of Justice

ISSUES OF BRINGING TO CRIMINAL LIABILITY PERSONS DRIVING A VEHICLE IN A STATE OF INTOXICATION AND SUBJECT TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

Annotation. This article examines the history of criminal liability for driving while intoxicated by individuals subject to administrative penalties or with a criminal record. The need for introducing criminal liability for the offense of administrative prejudice is substantiated, demonstrating its high preventative potential and effectiveness in ensuring transportation safety. The article identifies challenges in law enforcement practice under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and concludes that additional clarifications on their resolution by the Supreme Court of the Russian Federation are needed.

Key words: transport crimes, criminal liability, administrative prejudice, state of intoxication, repeat offense.

Безопасность дорожного движения является неотъемлемой составляющей национальной безопасности Российской Федерации. Важнейшими средствами обеспечения безопасности дорожного движения привлечение виновных в нарушении правил дорожного движения к административной и уголовной ответственности. Наибольшим потенциалом общественной опасности обладают лица, управляющие транспортными сред-

ствами в состоянии алкогольного опьянения.

Дорожно-транспортные происшествия являются результатом совершения административных правонарушений и преступлений. Как известно, автотранспортные средства относятся к источникам повышенной опасности, поэтому соответствующие административные правонарушения и преступления отличаются высокой степенью общественной опасности. Д.В. Собин указывает, «нарушение пра-

вил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств – это пограничное правонарушение административно-правового и уголовно-правового характера. Поэтому чем эффективнее органы власти будут предупреждать административные правонарушения, тем меньше будет совершаться коррелируемые с ними преступления» [9, с. 147].

Одним из действенных способов влияния на лиц, регулярно допускающих управление автотранспортом в состоянии опьянения, является преступление с административной преюдицией, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, в соответствии с которой наступает уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Введение ст. 264.1 УК РФ обусловлено причиной, о которой писал З.З. Мамхатов – «неспособность административно-правового регулирования эффективно решать свои задачи в той или иной сфере и необходимость уголовно-правового воздействия при повторном совершении аналогичного административного правонарушения» [6, с. 4].

В научном мире решение о введении в уголовное законодательство ст. 264.1 УК РФ породило многочисленные дискуссии. Так, Е.А. Жарких дает негативную оценку ст. 264.1 УК РФ, поскольку в ней сочетается повторность совершения административного правонарушения и преступления [2, с. 25]. По мнению Н.А. Лопашенко, «рецепция института административной преюдиции в уголовном праве России – тупиковый путь развития этой отрасли права» [4, с. 5-7].

А.С. Лебедев положительно оценивает инициативу законодателя о дополнительном уголовно-правовом воздействии на лиц, привлеченных к административной ответственности и повторно нарушивших правила дорожного движения. Однако «состав преступления находится в стадии формирования и нуждается в совершенствовании» [3, с. 94].

Р.Б. Осокин также поддерживает законодателя, считая, что появление ст. 264.1 УК РФ «ужесточает ответственность за повторное нахождение лица за управлением транспортным средством, в состоянии алкогольного опьянения» [8, с. 121].

Конституционный Суд РФ отметил следующее, «повторное (многократное) совершение лицом однородных административных правонарушений свидетельствует о недостаточности административно-правовых средств для противодействия таким деяниям, что может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий, которые, оставаясь административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и способны причинить серьезный вред общественным отношениям» [7].

Об эффективности ст. 264.1 УК РФ можно сделать вывод из анализа судебной статистики [1]. Так, в 2024 году общее количество осужденных по ст. 264 УК РФ составило 8915 человек, по ст. 264.1 УК РФ – 41112 человека, что превосходит более чем в 4,5 раза. В структуре наказаний лишение свободы осужденных по ст. 264 УК РФ составляет 54,5%, причем половине из них назначено реальное отбывание наказания. Лишение свободы ст. 264.1 УК РФ назначено 18,4% осужденным, из них 71,3% отбывают реальный срок наказания. Наибольший удельный вес наказаний по ст. 264.1 УК РФ приходится на обязательные работы – 62,5%. В 2023 году общее количество осужденных по ст. 264 УК РФ составило 8118 человек, по ст. 264.1 УК РФ – 48655 человека, что превосходит в 6 раз.

Таким образом, можно заключить об эффективности ст. 264.1 УК РФ, широком ее использовании в правоприменительной практике.

Профилактический потенциал ст. 264.1 УК РФ состоит, с одной стороны, в противодействии административным правонарушениям, предусмотренным ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ. С другой стороны, дает возможность сотрудникам полиции, благодаря формальному составу ст. 264.1 УК РФ, привлекать лицо, управляющее транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения к ответственности, не дожидаясь наступления последствий такого управления.

При этом правоприменители сталкиваются с отдельными проблемами привлечения к уголовной ответственности злостных административных правонарушителей.

В первую очередь, должен быть доказан факт управления транспортным средством в состоянии опьянения, что требует своевременного освидетельствования подозреваемого. Процедуру освидетельствования необходимо провести не позднее пяти часов после дорожно-транспортного происшествия, обеспечить ее правильное процессуальное оформление. Это подразумевает четкое взаимодействие между следователями, инспекторами ДПС, медицинскими работниками, экспертами-криминалистами.

Следующий вопрос, требующий разъяснения Верховного Суда РФ, связан со сроком исчисления срока привлечения к ответственности в целях привлечения к ответственности по ст. 264 УК РФ. Лицу, привлеченному к административной ответственности, могут быть назначены несколько наказаний, а отсчет должен вестись от окончания последнего из исполняемых наказаний, вне зависимости от его вида.

Может сложиться ситуация, когда лицо, совершившее административное правонарушение по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ, снова управляет транспортным средством в состоянии опьянения, когда постановление о совершенном административном правонарушении не вступило в силу. В этом случае оно не считается привлеченным к административной ответственности, хотя общественная опасность такого лица и необходимость его привлечения

к уголовной ответственности очевидны.

Также правоприменители сталкиваются со сложностями при квалификации деяния лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, при наличии признаков совершения других преступлений [5, с. 198-199].

Таким образом, введение уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ стало действенным средством воздействия на лиц, повторно совершающих аналогичные административные правонарушения в области безопасности дорожного движения. При этом действенность уголовно-правовой нормы напрямую зависит от правильности ее применения, соблюдения законности, профессионального подхода правоприменителей. Выявлено, что проблемным вопросом применения ст. 264.1 УК РФ является практическое определение и доказывание признаков объективной стороны преступления. Требуется пояснений высшей судебной инстанции вопросы о сроках истечения административного наказания в рамках возможности применения ст. 264.1 УК РФ, а также повторного совершения административного правонарушения, если постановление о предыдущем не вступило в силу. Решение данных вопросов даст возможность повысить эффективность уголовно-правового воздействия на злостных правонарушителей, тем самым снизить уровень аварийности на российских дорогах.

Список литературы:

- [1] Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.anu-npress.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 08.01.2026).
- [2] Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения // Российский следователь. 2016. № 19. С. 23-26.
- [3] Лебедев А. С. Особенности формирования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 93-100.
- [4] Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 5-7.
- [5] Лысков Ю.В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ / Ю. В. Лысков, Д. В. Якунин // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 11. С. 196-201.
- [6] Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2022. – 30 с.
- [7] Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 N 2173-О «Об отказе в

принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рарова Ивана Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71797602/> (дата обращения: 08.01.2026).

[8] Осокин Р. Б. К вопросу о повышении интенсивности криминализации деяния, сопряженного с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 121-124.

[9] Собин Д.В. Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264.1 УК РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2019. – 187 с.

References:

[1] Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code // Judicial statistics of the Russian Federation. URL: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 08.01.2026).

[2] Zharkikh E.A. Criminal-legal and administrative-legal recidivism: points of contact // Russian investigator. 2016. No. 19. pp. 23-26.

[3] Lebedev A.S. Features of the formation of criminal-legal impact on driving vehicles while intoxicated // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (97). pp. 93-100.

[4] Lopashenko N.A. There is no administrative prejudice in criminal law! // Bulletin of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. No. 3. Pp. 5-7.

[5] Lyskov Yu.V. Problems of Prosecuting Crimes Under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / Yu.V. Lyskov, D.V. Yakunin // Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. No. 11. Pp. 196-201.

[6] Mamkhyagov Z.Z. Administrative Prejudice in Criminal Law: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. - Krasnodar, 2022. – 30 p.

[7] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 28, 2017 No. 2173-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivan Sergeevich Rarov regarding the violation of his constitutional rights by Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/71797602/> (date of access: January 8, 2026).

[8] Osokin R.B. On the issue of increasing the intensity of criminalization of an act associated with a violation of traffic rules by a person subject to administrative punishment (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. pp. 121-124.

[9] Sobin D.V. Combating violations of traffic rules and the operation of vehicles (Articles 264, 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of constructing crimes, penalization and prevention: diss. ... Cand. of Law. - Krasnodar, 2019. - 187 p.

ШТОКБЕРГ Станислав Игоревич,
студент 1 курса магистратуры,
Московский университет Синергия,
e-mail: sib.proekt23@mail.ru

ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ (СТ. 290 УК РФ): УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу получения взятки как одного из наиболее опасных коррупционных преступлений, предусмотренных статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается уголовно-правовая характеристика данного деяния через призму элементов состава преступления, включая объект, объективную и субъективную стороны, а также специальный субъект. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам получения взятки и проблемам их применения в правоприменительной практике. Анализируются сложности разграничения получения взятки со смежными составами преступлений, такими как мошенничество и коммерческий подкуп. Отдельный акцент сделан на трудностях доказывания умысла и имущественной обусловленности вознаграждения. Представленные выводы направлены на формирование целостного понимания сущности получения взятки и повышение эффективности уголовно-правового противодействия коррупции.

Ключевые слова: получение взятки, коррупционные преступления, ст. 290 УК РФ, квалификация преступлений, должностное лицо, уголовная ответственность.

STOKBERG Stanislav Igorevich,
First-year Master's student,
Synergy University of Moscow

RECEIVING A BRIBE (ARTICLE 290 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS AND ISSUES OF LEGAL QUALIFICATION

Annotation. The article examines receiving a bribe as one of the most socially dangerous corruption-related crimes stipulated in Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criminal law characteristics of this offense are analyzed through the elements of the corpus delicti, including the object, objective and subjective aspects, as well as the special subject. Particular attention is paid to qualifying circumstances and difficulties arising in law enforcement practice. The problems of distinguishing bribery from related offenses such as fraud and commercial bribery are considered. Special emphasis is placed on issues of proving intent and the material nature of unlawful remuneration. The conclusions presented contribute to a comprehensive understanding of bribery and to improving the effectiveness of criminal law measures against corruption.

Key words: receiving a bribe, corruption crimes, Article 290 of the Criminal Code, crime qualification, official, criminal liability.

Коррупционные преступления продолжают оказывать деструктивное воздействие на систему государственной власти и механизм публичного управления, подрывая доверие общества к институтам государ-

ства и праву в целом. В структуре данных деяний получение взятки занимает особое место, поскольку непосредственно связано с использованием должностного положения вопреки интересам службы. Статья 290 Уголовного ко-

декса Российской Федерации закрепляет уголовно-правовой запрет на получение взятки, формируя один из ключевых инструментов противодействия коррупции в сфере государственной и муниципальной службы.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом выявленных фактов получения взятки, а также высокой степенью латентности данного преступления. Практика расследования и судебного рассмотрения дел данной категории свидетельствует о наличии значительных трудностей при квалификации деяний, связанных с определением предмета взятки, установлением момента окончания преступления и разграничением получения взятки со смежными составами. Указанные обстоятельства нередко приводят к неоднородности правоприменения и возникновению противоречий в судебных решениях.

В этих условиях особое значение приобретает комплексный анализ уголовно-правовой характеристики получения взятки и проблем его квалификации. Целью настоящего исследования является системное рассмотрение состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, а также выявление ключевых спорных аспектов правоприменительной практики, что позволяет углубить понимание сущности взяточничества и определить направления повышения эффективности уголовно-правового регулирования.

Получение взятки как уголовно наказуемое деяние относится к числу наиболее общественно опасных коррупционных преступлений, поскольку посягает на нормальное функционирование государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что объектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие законную, беспристрастную и добросовестную деятельность должностных лиц при осуществлении ими служебных полномочий. Нарушение данных отношений приводит не только к конкретному ущербу интересам службы, но и к снижению доверия граждан к государственным институтам в целом [1].

Объективная сторона получения взятки выражается в принятии должностным лицом

лично либо через посредника денег, иного имущества, имущественных прав или услуг имущественного характера за совершение действий либо бездействие в пользу взяткодателя или представляемых им лиц. Существенным признаком является обусловленность передаваемого вознаграждения служебным поведением должностного лица, входящим в круг его полномочий либо связанным с возможностью влияния на принятие решений в силу занимаемого положения. При этом преступление имеет формальный состав и признается оконченным с момента принятия хотя бы части предмета взятки, независимо от фактического выполнения обещанных действий [4; 5].

Предмет взятки в уголовном законодательстве имеет исключительно имущественный характер и подлежит обязательной денежной оценке. К нему относятся не только денежные средства и материальные ценности, но и услуги имущественного характера, а также иные имущественные права. Отсутствие материальной выгоды исключает квалификацию деяния по ст. 290 УК РФ, что имеет принципиальное значение для разграничения взятки и правомерных форм благодарности либо подарков. В правоприменительной практике именно установление имущественной составляющей и ее связи с должностными полномочиями нередко вызывает затруднения [4].

Субъект получения взятки является специальным — это должностное лицо, обладающее функциями представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Наличие специального субъекта предопределяет необходимость строгого разграничения получения взятки от коммерческого подкупа и иных смежных составов. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом: лицо осознает противоправность получения вознаграждения и желает использовать служебное положение в личных интересах либо в интересах третьих лиц [6].

Особое место в структуре нормы ст. 290 УК РФ занимают квалифицирующие признаки, связанные с размером взятки, способом совершения преступления и статусом субъекта. Законодатель дифференцирует уголов-

ную ответственность в зависимости от значительного, крупного и особо крупного размера взятки, что отражает степень общественной опасности деяния. В научных исследованиях обращается внимание на то, что при наличии таких квалифицирующих признаков, как вымогательство взятки или совершение преступления группой лиц, размер полученного вознаграждения должен учитываться в обязательном порядке, поскольку он влияет на справедливость уголовно-правовой оценки содеянного [3].

Существенные проблемы возникают при квалификации получения взятки и его отграничении от мошенничества и коммерческого подкупа. Если должностное лицо получает вознаграждение за действия, которые заведомо не входят в круг его полномочий и не могут быть осуществлены с использованием служебного положения, содеянное подлежит квалификации как мошенничество. В свою очередь, коммерческий подкуп отличается иным субъектным составом и сферой общественных отношений, что требует от правоприменителя тщательного анализа фактических обстоятельств дела [2; 5].

Не менее сложным является вопрос доказывания умысла и наличия причинно-следственной связи между получением имущественной выгоды и служебным поведением должностного лица. Латентный характер взяточничества, использование посредников и маскировка взятки под иные гражданско-правовые отношения существенно осложняют процесс доказывания. Это приводит к неоднородности судебной практики и подтверждает необходимость единообразного толкования положений ст. 290 УК РФ с учетом разъяснений высших судебных инстанций и доктринальных подходов [1; 6].

В результате анализ уголовно-правовой характеристики получения взятки и проблем его квалификации позволяет выявить ключевые узлы правоприменительных трудностей,

связанных с определением предмета преступления, статуса субъекта и границ действия нормы, что имеет принципиальное значение для обеспечения законности и эффективности борьбы с коррупцией.

Проведённое исследование позволило рассмотреть получение взятки как сложное уголовно-правовое явление, обладающее высокой степенью общественной опасности и оказывающее прямое влияние на устойчивость системы государственной власти. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, показал, что его специфика определяется сочетанием специального субъекта, формального характера объективной стороны и обязательной имущественной обусловленности передаваемого вознаграждения. Эти элементы образуют правовую конструкцию, требующую точного и взвешенного подхода при квалификации.

В ходе работы было выявлено, что наибольшие затруднения в правоприменительной практике связаны с установлением предмета взятки, разграничением получения взятки со смежными составами преступлений, а также с доказыванием прямого умысла и корыстной направленности действий должностного лица. Латентный характер взяточничества, использование посредников и маскировка противоправных действий под формально законные сделки существенно осложняют процесс расследования и нередко приводят к неоднородности судебных решений.

Рассмотрение квалифицирующих признаков получения взятки позволяет сделать вывод о значении размера взятки и способа совершения преступления для справедливой уголовно-правовой оценки содеянного. Это означает, что единообразное толкование положений ст. 290 УК РФ и их последовательное применение имеют ключевое значение для повышения эффективности противодействия коррупции и укрепления доверия общества к правовой системе.

Список литературы:

- [1] Абдульмянова Т. В. Получение взятки (ст. 290 УК РФ) в системе коррупционных преступлений // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 1 (47). С. 132–136.
[2] Грибин А. Н. Проблемы квалификации преступления по получению взятки (ст. 290

УК РФ) // Вестник магистратуры. 2025. № 2-2 (161). С. 116–118.

[3] Пешков Д. В. Проблемы квалификации взяточничества // Инновационная наука. 2016. № 6-3. С. 171–173.

[4] Петрова А. А., Штефан А. В. Уголовно-правовая характеристика получения взятки // Вестник магистратуры. 2025. № 4-1 (163). С. 60–62.

[5] Сечевой М. С. Получение взятки (ст. 290 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации // Вестник науки. 2025. № 7 (88). С. 146–151.

[6] Шестаков К. В. Получение взятки (ст. 290 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации // Вестник магистратуры. 2025. № 6-4 (165). С. 107–109.

References:

[1] Abdulmyanova T. V. Bribe-taking (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the System of Corruption Crimes // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2022. No. 1 (47). pp. 132–136.

[2] Gribin A. N. Problems of Qualifying the Crime of Bribe-taking (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Magistracy. 2025. No. 2-2 (161). pp. 116–118.

[3] Peshkov D. V. Problems of Qualifying Bribery // Innovative Science. 2016. No. 6-3. pp. 171–173.

[4] Petrova A. A., Stefan A. V. Criminal-Legal Characteristics of Bribe-taking // Bulletin of the Magistracy. 2025. No. 4-1 (163). P. 60–62.

[5] Sechevoy M. S. Taking a Bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminal-Law Characteristics and Qualification Issues // Science Bulletin. 2025. No. 7 (88). P. 146–151.

[6] Shestakov K. V. Taking a Bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminal-Law Characteristics and Qualification Issues // Magistracy Bulletin. 2025. No. 6-4 (165). P. 107–109.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,
магистрант юридического факультета
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА DOS/DDOS-АТАК

Аннотация. *DoS/DDoS-атаки неспроста представляют как один из опасных и устоявшихся примеров неправомерных воздействий на информационную безопасность и стабильную цифровую среду в виде комплекса действий, направленных на подрыв стабильной работы информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также серверного и сетевого оборудования. Проведенный анализ в статье преследует основные цели: во-первых, систематизировать технические аспекты процесса современных DoS/DDoS-атак для понимания сложных манипуляций и различий на основе простых ассоциаций на реальных примерах, во-вторых, дать уголовно-правовую оценку этим деяниям, а, в-третьих, подвергнуть обсуждению предлагаемые изменения в уголовное законодательство насчет обособленной от ст.273 УК РФ квалификации за совершения DoS- и DDoS-атак.*

Ключевые слова: *Dos-атака, DDos-атака, цифровая среда, информационная безопасность, преступления в сфере компьютерной информации, Интернет.*

PEKAREVA Victoria Vladimirovna,
Master's Student, Faculty of Law,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russia

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF DOS/DDOS ATTACKS

Annotation. *DoS/DDoS attacks are rightly considered one of the most dangerous and established examples of unlawful interference with information security and a stable digital environment in the form of a set of actions aimed at undermining the stable operation of the Internet information and telecommunications network, as well as server and network equipment. The analysis conducted in this article has the following main objectives: firstly, to systematise the technical aspects of modern DoS/DDoS attacks in order to understand complex manipulations and differences based on simple associations using real-life examples; secondly, to provide a criminal law assessment of these acts, and thirdly, to discuss the proposed changes to criminal legislation regarding the classification of DoS and DDoS attacks as separate from Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Key words: *Dos-attack, DDos-attack, digital environment, information security, computer information crimes, Internet.*

В условиях быстро меняющегося цифрового ландшафта постоянное внимание к вопросам информационной безопасности становится неотъемлемой частью устойчивого развития организаций и общества в целом[2]. Злоумышленники постоянно совершенствуют методологию обнаружения

уязвимостей в корпоративных и государственных информационных системах. Кроме того, этому способствует наращивание инноваций, в том числе искусственного интеллекта, играющего одну из главных ролей, поскольку благодаря применению интеллектуальных технологических инноваций физический мир

объединяется с виртуальным миром, что усугубляет уязвимости промышленных систем на базе Интернета вещей [6], как результат это существенно упрощает для преступника процесс воздействия на конкретную цель, позволяя организовывать масштабные, продолжительные и интенсивные распределенные атаки с меньшими усилиями. Необходимость в рассуждениях природы неправомерного воздействия на цифровую среду, а также в защите от подобных атак обоснована не только их актуальностью, но и тем, что подобные инциденты могут привести к серьезным последствиям для информационной сети, к простоям в работе веб-сайтов и онлайн-сервисов, потере данных, нарушению технологических процессов. Большое разнообразие форм и методов атак говорит о высоком уровне востребованности среди нарушителей, что заставляет разрабатывать теоретическую и практическую основу для противодействия, в частности, правовые меры и более гибкие системы мониторинга сетевого трафика, обеспечивающие защиту от их разных видов [3]. Для коммерческой компании преступления такого рода означают прямые финансовые убытки из-за простоя сервисов, потерю доверия клиентов, колоссальный репутационный ущерб. Для государственных порталов или критической инфраструктуры, такой как банковские системы или транспортные сети, DDoS-атака представляет собой значительную опасность, поскольку они обладают потенциалом для полного или частичного вывода из строя ключевых систем и сервисов, что формирует значительные риски для благополучия граждан и поддержания правопорядка, а именно нарушения стабильности и безопасности общества в целом.

В 2025 году был отмечен существенный рост как количества, так и уровня сложности DDoS-атак. Оценки масштабов этого роста разнятся: по данным экспертов в области кибербезопасности, прирост числа инцидентов достиг 90%, в то время как Роскомнадзор сообщает о стопроцентном увеличении. По мнению Михаила Хлебунова, директора по продуктам «Servicepipe», подобные расхождения в статистике объясняются различиями в клиентских базах анализируемых компаний. Другим важным фактором является применяемая

методология подсчета, поскольку некоторые системы ведут подсчет с каждого пика нагрузки как отдельной атаки, что приводит к фиксации множества инцидентов в течение одного события, тогда как подход «Servicepipe» предполагает учет атаки как единого целого, от начала до полного прекращения, вне зависимости от количества пиков трафика.

Компании, предоставляющие услуги связи остаются наиболее уязвимыми целями для злоумышленников в цифровой среде. Игорь Ляпунов, занимающий пост старшего вице-президента по информационной безопасности в компании ПАО «Ростелеком» и возглавляющий группу компаний «Солар», представил данные об успешном отражении беспрецедентной по своей мощности распределенной атаки типа «отказ в обслуживании». Подобная атака была зафиксирована в 2025 году и характеризовалась пиковой нагрузкой, достигающей 11 терабит в секунду. Можно констатировать о качественной трансформации угроз: если всего два года назад атака мощностью 3 Тбит/с расценивалась как событие экзистенциального масштаба, способное парализовать значительную часть национальной телекоммуникационной сети, то современные реалии демонстрируют способность инфраструктуры выдерживать почти четырехкратное увеличение нагрузки.

На глобальном уровне эскалация мощности DDoS-атак достигла еще более внушительных показателей. Недавний мировой рекорд, зафиксированный и отраженный компанией «Cloudflare», составил 22,2 терабита в секунду при скорости около 10,6 миллиарда пакетов в секунду. Несмотря на кратковременность инцидента, продолжавшегося всего 40 секунд, объем сгенерированного негативного трафика был эквивалентен одновременной трансляции приблизительно одного миллиона видеопотоков в разрешении 4K. Этот случай наглядно иллюстрирует колоссальный атакующий потенциал, доступный злоумышленникам.

Классифицировать DoS/DDoS-атаки можно различным способом, обратим внимание на принцип воздействия на целевую систему. Одной из наиболее распространенных разновидностей являются атаки, направленные на исчерпание пропускной способности сетево-

го канала, суть которой заключается в генерации массированного потока данных, который превышает возможности инфраструктуры, сервера по его обработке. Другой вид подразумевает использование уязвимостей и специфических особенностей, присущих сетевым протоколам, то есть вместо того, чтобы перегружать канал связи большим объемом данных, злоумышленники иницируют множество соединений или отправляют особым образом сформированные пакеты. В результате серверное оборудование нецелесообразно расходует свои вычислительные ресурсы, такие как процессорное время или память, на обработку фиктивных запросов. Еще одна разновидность атак нацелена непосредственно на прикладной уровень, то есть на веб-приложения и сервисы, а именно воспроизводятся запросы, которые предельно точно симулируют поведение реальных пользователей, что может выражаться в массовом обращении к определенным страницам веб-сайта или в отправке сложных, ресурсоемких запросов к базе данных. Рассуждения о разных подвидах такой популярной категории неправомерного воздействия на информационную безопасность представляет собой обширное поле для анализа. Существует значительное многообразие форм и методов подобного незаконного вмешательства, каждая из которых обладает своими уникальными чертами. Это позволило бы выделить отдельные, специфические виды атак в самостоятельные категории, основываясь на их характерных особенностях и применяемых инструментах. Тем не менее, основная задача, стоящая перед настоящим исследованием, лежит в несколько иной плоскости и не предполагает исчерпывающего систематизирования всех существующих разновидностей неправомерного воздействия на цифровую среду.

До этого момента изложение о DDoS и DoS-атаках носило обобщенный характер, однако они не являются тождественными противоправными посягательствами, поскольку в их механизме реализации имеются существенные различия. DoS-атаки представляют собой целенаправленное воздействие на информационную систему, проявляющееся в создании чрезмерной нагрузки на вычислительные мощности или сетевые каналы целе-

вого ресурса, что приводит к дефициту его системных возможностей. Перегрузка ресурсов вызывает либо критическое снижение производительности сервера или сервиса, либо его полную недоступность для конечных пользователей. Легитимные запросы перестают обрабатываться, поскольку все ресурсы системы заняты обработкой фиктивного трафика.

Развитием этой концепции являются распределенные атаки в виде DDoS. Их ключевое отличие состоит в том, что вредоносная активность осуществляется не из одного источника, а синхронно с огромного количества подконтрольных зараженных устройств. Для координации подобных масштабных операций злоумышленники, как правило, применяют ботнет, который представляет собой сеть из большого числа скомпрометированных устройств, таких как компьютеры, серверы или даже устройства интернета вещей (IoT), которые находятся под централизованным управлением атакующего. Так, например, поскольку устройства интернета вещей (IoT) предоставляют большие объемы данных и низкую вычислительную мощность, на эти системы совершается множество атак. Вычислительные ограничения интернета вещей позволяют при совершении тех же DDoS и DoS-атак опытным злоумышленникам обходить традиционные меры безопасности и вызывать значительную потерю данных, наносить большой ущерб компаниям, сферам здравоохранения, образования, государству в целом и обычным пользователям, как обозначалось ранее. Таким образом, в процессе обеспечения информационной безопасности чаще всего сталкиваются специалисты с вызовами в поддержании стабильности и выполнения принципов: конфиденциальности (защиты информации от несанкционированного доступа); целостности (неразрешения доступа к информации несанкционированным способом); доступности (обращение к информации при необходимости) [8]. В подобных атаках, не только в отношении IoT, в большей степени, реализация проявляется в нарушении принципа доступности, потому что по команде оператора все устройства начинают синхронно отправлять запросы на целевой ресурс, создавая лавинообразный поток трафика, который система не в состоянии обработать, поскольку

ку ей приходится справляться с колоссальным числом запросов, идущих отовсюду, что делает защиту невероятно сложной задачей. Преступники стали вдобавок активно применять метод, известный как IP-спуфинг, для маскировки своих атак, потому что позволяет подменять свой цифровой след. В результате вредоносный трафик выглядит так, будто он исходит из абсолютно безопасного источника — например, из внутренней сети самой компании или от доверенного партнёра, чей адрес внесён в список разрешённых. Мотивы злоумышленников при этом разнятся: от банального вымогательства, когда за прекращение атаки требуют выкуп, развлекаются, совершают вызов системе, демонстрируют навыки[7], занимаются распространением дезинформации, продвижением, нечестной конкурентной борьбой, также способствуют отвлечению внимания от другого преступления, выражают политический протест или даже разворачивают «войны» в цифровом пространстве между государствами.

Летом 2025 года поступило предложение в виде внесения поправок в уголовное законодательство, а именно в главу 28 УК РФ, предусматривающую привлечение к уголовной ответственности лиц, совершающих злостное воздействие на информационную систему, информационно-телекоммуникационную сеть, компьютерную информацию или сеть электросвязи[5]. Объективная сторона противоправного деяния заложена в предлагаемую ст.272.2 УК РФ и охватывает характеристики DoS/DDoS-атак. В настоящее время совершение данного преступления квалифицируется по ст.272 и (или) ст.273 УК РФ.

Адаптация уголовного законодательства к новым реалиям, связанным с интернет-технологиями, подразумевает разработку новых статей, касающихся кибербуллинга, фишинга, утечки персональных данных ddos-атак, преступлений, связанных с криптовалютой, искусственным интеллектом (нейросетями) и др. [1]. Поэтому предлагаемые изменения в законопроект позволили бы не только закрыть актуальный набирающий оборот процесс совершения данных атак в количественных и качественных показателях, но и усовершенствовать уголовно-правовое направление для более полного и точного охвата всего спектра

противозаконных деяний, которые стали возможны благодаря развитию цифровой среды и технологий. Тем самым необходимо преодолеть сложившуюся практику, когда правоприменители вынуждены инкриминировать лицу статью УК РФ наиболее близкую по составу, но не отражающую в полной мере специфику, в частности техническую, совершенного деяния. Разработка и введение новых, специализированных составов преступлений позволит не только преодолеть проблему привлечения к уголовной ответственности, но и сформировать логически стройную, систематизированную базу для эффективного противодействия всему спектру угроз в сфере компьютерной информации, а также адаптировать законодательство под текущую действительность.

Сложившаяся ситуация представляет собой благоприятную возможность не допустить внесения излишних изменений и возникновения проблем, существенно доработать предполагаемую новеллу на концептуальном уровне. Текущая редакция проекта предусматривает ответственность за деяния, которые приводят к нарушению доступности и любому иному воздействию на функционирование цифровых ресурсов, систем и информации, но только при условии наступления тяжких последствий, причинения ущерба. Подобная формулировка представляется излишне обобщенной и несет в себе риски правоприменительных ошибок.

Для минимизации двусмысленного толкования и предотвращения потенциальных проблем в разрешении как теоретических, так и прикладных вопросов в будущем, крайне важно еще на стадии разработки нормативного акта ввести четкую дефиницию самого понятия такого вида атак или, что кажется более верным решением, закрепить совокупность признаков, позволяющих раскрыть данный вид атак, обозначить, определить, что будет относиться к ним. Тем самым, это, в том числе позволит отграничить противоправное деяние от иных схожих противоправных явлений в цифровой среде. В качестве таких критериев следует рассмотреть использование распределенных сетей, известных как ботнеты, а также применение специализированного программ-

ного обеспечения, предназначенного для генерации аномального трафика.

Кроме того, юридически значимыми характеристиками должны стать такие объективные показатели, как систематичность и повторяемость запросов, исходящих с одного или множества IP-адресов, явная скоординированность действий атакующих и, безусловно, размер фактически причиненного материального или иного ущерба. Комплексный анализ этих факторов позволит объективно оценивать каждое конкретное событие.

Следует признать, что разработчики законопроекта предприняли попытку учесть субъективную сторону преступления, используя термин «целенаправленное воздействие», который недвусмысленно указывает на наличие прямого умысла у виновного лица. В сочетании с требованием о значительности нанесенного вреда, это создает определенный правильный барьер для необоснованного привлечения к ответственности рядовых пользователей, чьи действия могли непреднамеренно спровоцировать

повышенную нагрузку на информационный ресурс. Тем не менее, детализация характеристик самой атаки остается первостепенной задачей для эффективности будущей нормы.

Мощность DDoS-атак растет экспоненциально, и они являются одной из опасных угроз информационной безопасности, и знание их механизмов и методов защиты от них имеет большое значение для обеспечения надежности и безопасности современных информационных систем, чем и занимаются специалисты информационной безопасности [4]. Преодоление барьера в 20 Тбит/с демонстрирует, что злоумышленники научились эффективно управлять колоссальными сетями скомпрометированных устройств, что ставит под угрозу стабильность не только отдельных компаний, но и целых сегментов национальных интернет-инфраструктур, требуя от провайдеров и специалистов по информационной безопасности разработки новых, более проактивных и масштабируемых методов защиты.

Список литературы:

- [1] Айсханова Е. С. Проблемы совершенствования уголовно-правового законодательства Российской Федерации, регулирующего информационную сферу / Е. С. Айсханова, Д. С. Королев // *Наука молодых - будущее России : Сборник научных статей 9-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах, Курск, 12–13 декабря 2024 года.* – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 307-308.
- [2] Джепаров, Т. Т. Удаленные сетевые атаки / Т. Т. Джепаров, В. М. Казармичиков // *Информационные системы, экономика и управление : Ученые записки.* – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2025. – С. 61-71.
- [3] Егоров Е. В. Технология пассивной идентификации вредоносного DOS-трафика в задачах расследования инцидентов информационной безопасности / Е. В. Егоров, В. А. Овчаров // *Труды Военно-космической академии имени А.Ф.Можайского.* – 2024. – № 691. – С. 121-133.
- [4] Матвеев А. В. DDOS-Атака как один из компонентов информационной безопасности / А. В. Матвеев, С. Р. Розенгрин // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета.* – 2024. – № 21. – С. 267-269.
- [5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // *Федеральный портал проектов нормативных правовых актов.* URL: <https://regulation.gov.ru/projects/159661/> (дата обращения: 16.01.2026).
- [6] Титов Д. Н. Анализ атак на Интернет вещей / Д. Н. Титов, Е. В. Рыжкова // *Интерэкспо Гео-Сибирь.* – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 176-182.
- [7] Трент Уэйли *Unix и Linux: руководство системного администратора / Трент Уэйли [и др.] : пер. с англ. – 5-е изд. – СПб. : Диалектика, 2020. – 989 с.*
- [8] Pimentel, E. L. *Detecting attacks in Fog and cloud computing environments using Deep Learning: A systematic literature review* / E. L. Pimentel, C. A. De Souza, C. B. Westphall // *Computer Networks.* – 2025. – Vol. 264. – P. 111269.

References:

- [1] Ayskhanova E. S. Problems of improving the criminal legislation of the Russian Federation regulating the information sphere / E. S. Ayskhanova, D. S. Korolev // *Science of the young - the future of Russia: Collection of scientific articles of the 9th International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists. In 5 volumes, Kursk, December 12-13, 2024.* - Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2024. - Pp. 307-308.
- [2] Dzheparov, T. T. Remote network attacks / T. T. Dzheparov, V. M. Kazarmshchikov // *Information systems, economics and management: Scientific notes.* - Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics «RINH», 2025. - Pp. 61-71.
- [3] Egorov E. V. Passive identification technology of malicious DOS traffic in the tasks of investigating information security incidents / E. V. Egorov, V. A. Ovcharov // *Proceedings of the A.F. Mozhaitsky Military Space Academy.* - 2024. - No. 691. - Pp. 121-133.
- [4] Matveev A. V. DDOS attack as one of the components of information security / A. V. Matveev, S. R. Rosengrin // *Proceedings of young scientists of Altai State University.* - 2024. - No. 21. - Pp. 267-269.
- [5] On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // *Federal portal of draft regulatory legal acts.* URL: <https://regulation.gov.ru/projects/159661/> (accessed: 16.01.2026).
- [6] Titov, D. N., Analysis of Attacks on the Internet of Things / D. N. Titov, E. V. Ryzhkova // *Inter Expo Geo-Siberia.* - 2024. - Vol. 8, No. 2. - Pp. 176-182.
- [7] Trent Whaley, *Unix and Linux: A System Administrator's Guide* / Trent Whaley [et al.]: trans. from English. - 5th ed. - St. Petersburg: Dialectics, 2020. - 989 p.
- [8] Pimentel, E. L. Detecting attacks in Fog and cloud computing environments using Deep Learning: A systematic literature review / E. L. Pimentel, C. A. De Souza, C. B. Westphall // *Computer Networks.* - 2025. - Vol. 264. - P. 111269.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

АГИЧЕВА Екатерина Ивановна,
студент 1 курса магистратуры,
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Казань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматривается содержание процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации как самостоятельного гарантийного института уголовного процесса. Анализируются теоретические подходы к понятию безопасности, нормативно-правовые основы государственной защиты, а также система мер, направленных на предотвращение противоправного воздействия на участников процесса. Особое внимание уделено анализу судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, позволившей выявить устойчивые правовые позиции по вопросам оценки реальности угрозы, допустимости доказательств, полученных с участием защищённых лиц, и принципов соразмерности применяемых мер.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обеспечение безопасности; государственная защита; участники уголовного процесса; меры безопасности; судебная практика; реальная угроза; права личности; Верховный Суд Российской Федерации.

AGICHEVA Ekaterina Ivanovna,
first-year master's student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

THE CONTENT OF THE PROCESS OF ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the content of the process of ensuring the safety of participants in criminal proceedings in the Russian Federation as an independent guaranteeing institution of the criminal process. The article analyzes theoretical approaches to the concept of security, the regulatory framework for state protection, as well as a system of measures aimed at preventing unlawful influence on the participants in the process. Special attention is paid to the analysis of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, which made it possible to identify stable legal positions on the assessment of the reality of the threat, the admissibility of evidence obtained with the participation of protected persons, and the principles of proportionality of the measures applied.

Key words: criminal proceedings; security; state protection; participants in criminal proceedings; security measures; judicial practice; real threat; individual rights; Supreme Court of the Russian Federation.

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является одним из ключевых условий реализации задач уголовного процесса и гарантией эффективности правосудия. Участие в расследовании и судебном разбирательстве нередко

сопряжено с риском оказания незаконного воздействия, что объективно требует от государства создания действенного механизма защиты лиц, содействующих отправлению правосудия.

В условиях усложнения структуры пре-

ступности и увеличения числа уголовных дел, связанных с организованными и коррупционными преступлениями, значение института государственной защиты существенно возрастает. Его функционирование направлено не только на предотвращение физического вреда, но и на обеспечение возможности свободной реализации процессуальных прав без давления, угроз и вмешательства со стороны заинтересованных лиц.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ содержания процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, нормативно-правовых основ его реализации, а также судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. Особое внимание уделяется выявлению проблем правоприменения, препятствующих эффективному функционированию данного института, и обоснованию необходимости его дальнейшего совершенствования.

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в современной правовой системе Российской Федерации выступает не как вспомогательный элемент уголовного процесса, а как самостоятельный гарантийный механизм, обеспечивающий устойчивость функционирования правосудия. Его содержание связано с созданием правовых и организационных условий, исключающих либо минимизирующих возможность противоправного воздействия на лиц, вовлечённых в производство по уголовному делу. В научной литературе безопасность рассматривается в расширительном понимании - не только как отсутствие непосредственной физической угрозы, но и как состояние защищённости процессуального статуса лица, позволяющее ему реализовывать свои права и обязанности без давления, устрашения или вмешательства со стороны заинтересованных субъектов [2]. Таким образом, безопасность охватывает как материальные, так и нематериальные аспекты охраны личности.

Исследователи подчёркивают, что объект государственной защиты включает совокупность жизненно значимых интересов: физическую неприкосновенность, психоэмоциональную устойчивость, имущественную сферу, а также гарантии свободного участия в уголовном процессе [6]. В этом контексте

меры безопасности выполняют не только охранительную функцию, но и обеспечивают реализацию принципов состязательности, равенства сторон и справедливости судебного разбирательства.

Нормативное закрепление института государственной защиты базируется на положениях уголовно-процессуального законодательства и специального федерального регулирования. При этом в научных исследованиях подчёркивается системность соответствующих мер, выражающаяся в их многоуровневом характере и разнообразии форм реализации [1; 3]. Речь идёт о совокупности процессуальных гарантий, организационных решений и специальных технических средств, применяемых при наличии объективно подтверждённых данных о существовании угрозы.

Среди основных форм защиты выделяются: ограничение доступа к сведениям о личности участника процесса, использование псевдонимов, особый порядок допроса, обеспечение охраны, изменение места проживания и иные меры, направленные на предотвращение причинения вреда [2; 3]. Их применение должно носить индивидуализированный характер и соотноситься со степенью риска, что предполагает оценку конкретной ситуации, а не формальное следование установленному перечню.

В научной доктрине значительное внимание уделяется процедуре принятия решения о применении мер безопасности. Предлагаемый алгоритм включает выявление признаков угрозы, проверку достоверности соответствующей информации, определение интенсивности и характера риска, выбор адекватной меры и последующий контроль за её исполнением [3]. Вместе с тем подчёркивается, что отсутствие детализированных критериев оценки угрозы создаёт предпосылки для неоднородности правоприменительной практики и формализации принимаемых решений [1].

Публикации прикладного характера обращают внимание на то, что эффективность государственной защиты во многом зависит от уровня информированности участников уголовного процесса о существующих гарантиях и механизмах обращения за защитой [5]. Недостаточная правовая осведомлённость гражд-

дан снижает результативность нормативных положений и препятствует их полноценной реализации.

Комплексный характер института безопасности обуславливает его межотраслевую природу. Реализация соответствующих мер предполагает взаимодействие суда, органов предварительного расследования, прокуратуры и иных государственных структур, что требует согласованности их действий и чёткого распределения полномочий [6]. В разъяснениях органов прокуратуры подчёркивается, что обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является публичной обязанностью государства и важнейшей гарантией эффективности борьбы с преступностью [4].

Анализ научных источников позволяет выделить ряд устойчивых проблем функционирования рассматриваемого института: отсутствие унифицированных методик оценки реальности угрозы, фрагментарность регулирования процедурных аспектов, ограниченные организационные ресурсы, а также недостаточная согласованность межведомственного взаимодействия [1; 5; 6]. Эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования как нормативной базы, так и практических механизмов реализации мер безопасности.

В целом можно констатировать, что институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации обладает сформированной законодательной основой и теоретическим обоснованием, однако требует дальнейшего развития в направлении уточнения критериев применения мер, стандартизации процедур и повышения эффективности координации деятельности уполномоченных органов [1-6].

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства регламентируется нормативными актами различного уровня.

Положения о защите прав личности закреплены в статье 45 Конституции Российской Федерации. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (Далее - УПК РФ) в ст. 11 установлена обязанность суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника

органа дознания и дознавателя принимать в пределах своих компетенций меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса при наличии достаточных данных о наличии угрозы.

Определяет условия, основания и виды мер государственной защиты Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В соответствии со ст. 2 данного закона, защите подлежат потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, их близкие родственники а также иные лица, содействующие правосудию, если им угрожает опасность в связи с участием в уголовном процессе, меры могут быть также применены до возбуждения уголовного дела.

Закон предусматривает широкий перечень мер безопасности, включая:

- Личную охрану и охрану жилища;
- Выдачу специальных средств индивидуальной защиты;
- Временное помещение в безопасное место;
- Изменение места жительства;
- Замену документов и изменение внешности;
- Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице.

Таким образом, нормативная база формирует комплексный механизм государственной защиты, сочетающий процессуальные и организационные меры.

Анализ судебных актов Верховного Суда Российской Федерации, по делам связанным с применением мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, позволяет выявить устойчивые правовые позиции по вопросам оценки реальности угрозы, допустимости доказательств, полученных с участием защищённых лиц, а также соразмерности применяемых мер безопасности.

Ключевым условием применения мер государственной защиты является наличие достаточных данных о реальной угрозе жизни, здоровью либо имуществу участника процесса. Верховный Суд РФ подчёркивает, что такая угроза должна быть подтверждена совокупностью объективных обстоятельств и не может основываться исключительно на пред-

положениях.

Так, в определении по делу № 51-011-10, Судебная коллегия указала на недопустимость формального отказа в применении мер безопасности без анализа конкретных данных об угрозе [1]. Аналогичная позиция была выражена в определении по делу № 51-010-83, где отказ нижестоящего суда признан необоснованным ввиду отсутствия мотивированной оценки доводов заявителя [2].

В определении ВС РФ от 27 июля 2006 г., суд подчеркнул, что при рассмотрении вопроса о применении мер защиты суд обязан учитывать характер предъявленного обвинения, личность обвиняемого и возможное влияние на свидетелей [3]. В определении по делу № 222-УД25-9-А6 также отмечено, что вывод об отсутствии угрозы должен быть подтверждён исследованными доказательствами, а не носить декларативный характер [4].

Таким образом, судебная практика формирует стандарт обоснованности угрозы, предполагающий всесторонний анализ обстоятельств дела.

Верховный Суд РФ уделяет особое внимание процессуальной форме принятия решений о применении либо отказе в применении мер безопасности. В частности, в деле № 51-012-15СП указано, что постановление должно содержать конкретное обоснование оценки угрозы и причин выбора либо отказа от определённой меры [5].

В определении по делу № 12-О08-9 Суд отметил недопустимость затягивания принятия решения при наличии данных об угрозе [6]. В деле № 50-011-33 подчеркнута необходимость документального подтверждения обстоятельств, свидетельствующих о риске для участника процесса [7].

Эти решения демонстрируют требование к высокой степени мотивированности процессуальных актов.

Отдельное направление практики связано с оценкой допустимости показаний свидетелей, в отношении которых применены меры безопасности.

В определении по делу № 50-011-17 Верховный Суд РФ подтвердил, что использование псевдонима и сокрытие персональных данных не нарушают право обвиняемого на защиту при условии соблюдения принципа

состязательности и предоставления стороне защиты возможности задавать вопросы свидетелю [8].

Аналогичная позиция выражена в делах № 225 -УД24-23-А6 [9] и 48-007-24 [10], где Суд указал, что применение мер конфиденциальности не влечёт автоматического признания доказательств недопустимыми.

В определении по делу № 41-о 12-71 сп подчеркнута возможность защиты персональных данных свидетеля-информатора при наличии угроз со стороны обвиняемых [11].

Судебная практика свидетельствует о применении различных мер защиты - от обеспечения конфиденциальности сведений до изменения места жительства.

Так, в деле № 12-АПУ13-2 Верховный Суд РФ признал допустимым изменение места жительства свидетеля при невозможности обеспечения его безопасности иными способами [12]. В определении по делу № 224-УД24-54-А6 Суд указал, что мера должна быть соразмерна степени угрозы и отвечать принципу необходимости [13].

В делах № 78-УД24-11-А2 и № 224 -УД22-26-А6 подчеркнута необходимость оценки повторяемости и интенсивности угроз при выборе конкретной меры безопасности.

Верховный Суд РФ подтверждает, что меры государственной защиты распространяются не только на свидетелей, но и на потерпевших и иных участников процесса.

Так, в деле № 4-АПУ14-13 сп Суд признал незаконным отказ в защите потерпевшего [16]. В определении по делу № 83-УД25-9-А1 указано, что угрозы со стороны родственников обвиняемого также могут служить основанием для применения мер безопасности [17].

В деле № 205-АПУ19-1 подтверждена необходимость обеспечения конфиденциальности сведений о свидетелях по делам коррупционной направленности [18]. Аналогичные выводы содержатся в делах №59-О07-22СП [19], № 201-АПУ19-23 [20] и 205-АПУ18-18 [21].

Обобщение судебной практики Верховного Суда Российской Федерации позволяет сформулировать следующие положения:

1. Наличие реальной угрозы должно подтверждаться объективными данными и подле-

жит всесторонней судебной оценке.

2. Формальный отказ в применении мер безопасности признаётся существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

3. Показания защищённых свидетелей являются допустимыми доказательствами при соблюдении процессуальных гарантий.

4. Выбор меры безопасности осуществляется с учётом принципа соразмерности.

5. Судебная практика направлена на обеспечение баланса между правами обвиняемого и необходимостью защиты участников процесса.

Несмотря на сформированную нормативную основу института государственной защиты участников уголовного судопроизводства, правоприменительная практика выявила ряд системных проблем, снижающих эффективность реализации предусмотренных законом мер безопасности. Данные проблемы носят как процедурный, так и организационно-правовой характер.

Прежде всего, существенные затруднения вызывает оценка наличия «реальной угрозы» как обязательного условия применения мер безопасности. Законодатель использует оценочную категорию, не закрепляя чётких критериев её определения. В результате правоприменитель вынужден самостоятельно формировать подход к установлению достаточности оснований для защиты. Отсутствие унифицированной методики оценки угрозы приводит к неоднородности практики и, в отдельных случаях, к формальному отказу в применении мер безопасности без всестороннего анализа обстоятельств дела. Особую сложность представляет доказывание факта угрозы, поскольку давление на свидетелей и потерпевших нередко носит латентный, неформализованный характер.

Не менее значимой является проблема процедурной регламентации. Законодатель определяет перечень мер безопасности, однако не детализирует алгоритм их выбора, последовательности применения и возможной замены. Это обуславливает вариативность решений и отсутствие единообразия в процессуальном оформлении постановлений о применении либо об отказе в применении мер защиты. Кроме того, в практике встречаются случаи затягивания рассмотрения соответствующих

ходатайств, что снижает превентивный потенциал института государственной защиты.

Отдельного внимания заслуживает вопрос баланса между обеспечением безопасности участников процесса и соблюдением прав обвиняемого. Применение мер конфиденциальности, включая использование псевдонимов и ограничение доступа к сведениям о личности свидетеля, вызывает дискуссию относительно соблюдения принципов состязательности и равенства сторон. При отсутствии достаточной процессуальной компенсации такие меры могут восприниматься как ограничение возможностей стороны защиты по проверке достоверности доказательств.

Организационно-правовые трудности также оказывают влияние на эффективность реализации мер безопасности. Институт государственной защиты предполагает участие нескольких государственных органов - суда, органов предварительного расследования, прокуратуры, подразделений органов внутренних дел. Недостаточная координация их действий, а также отсутствие единых стандартов межведомственного взаимодействия способны затруднять оперативность и полноту принимаемых мер. Дополнительным фактором выступает ограниченность материально-технических ресурсов, необходимых для реализации отдельных форм защиты, в частности переселения или обеспечения длительной охраны.

Наконец, к числу проблем следует отнести недостаточную информированность участников уголовного судопроизводства о возможностях государственной защиты и порядке обращения за её предоставлением. Отсутствие доступных разъяснений и правовой поддержки снижает уровень использования предусмотренных законом гарантий.

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что ключевые трудности функционирования института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства связаны не столько с отсутствием нормативного регулирования, сколько с его оценочным характером, недостаточной детализацией процедур и организационной несогласованностью. Устранение указанных проблем требует разработки единых критериев оценки угрозы,

стандартизации процессуальных решений и совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства занимает важное место в системе гарантий прав личности и эффективного осуществления правосудия. Его содержание включает совокупность правовых, организационных и процессуальных мер, направленных на предотвращение противоправного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе.

Анализ нормативно-правовых основ и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует о сформированности базовых подходов к оценке реальности угрозы, допустимости доказательств, полу-

ченных с участием защищённых лиц, а также принципов соразмерности и необходимости при выборе конкретных мер безопасности. Вместе с тем выявленные проблемы правоприменения указывают на наличие пробелов и оценочных категорий, осложняющих единообразную реализацию соответствующих норм.

В целях повышения эффективности института государственной защиты представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства в части конкретизации критериев оценки угрозы, стандартизации процедур принятия решений и усиления межведомственного взаимодействия. Реализация указанных мер позволит повысить уровень защищённости участников уголовного судопроизводства и укрепить доверие к системе правосудия в целом.

Список литературы:

- [1] Зарипов Ф.Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Зарипов Фанис Фаварисович; Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2021. 240 с.
- [2] Ланшаков Д.С. Понятие и содержание системы мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №7. С. 150-154.
- [3] Зарипов Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. №1. С. 29-35.
- [4] Разъяснение законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e487920/ (дата обращения: 18.02.2026).
- [5] Федотов. Е.Е. Актуальные вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Молодой ученый. 2024. № 517.
- [6] Мишин А.В. Вопросы государственной защиты участников уголовного процесса // Ученые записки Казанского федерального университета. - 2011. - № 153 (4). С. 169-176.
- [7] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
- [8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
- [9] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон Рос. Федерации от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
- [10] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2011 г. по делу № 51-011-10 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/Eiqicxt4r5bT/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [11] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской

- Федерации от 19 ноября 2010 г. по делу № 51-010-83 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/5GVv576cdI5Q/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [12] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2006 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/arqzbiQPmrUT/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [13] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2025 г. № 222-УД25-9-А6 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/8T64ywdUr0bR/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [14] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. № 51-О12-15СП // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Eiqicxt4r5bT/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [15] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2008 г. № 12-О08-9 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/VktWJHT2NMJp/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [16] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 50-011-33 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ue1sNDWyLrLp/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [17] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 мая 2011 г. № 50-011-17 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/lRqVKA664Slr/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [18] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2024 г. № 225-УД24-23-А6 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/IT8siC2Rm9WP/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [19] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 2007 г. № 48-007-24 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/mdUr3jciGN5m/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [20] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 41-о 12-71 сп // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/DhXQGujaflxC/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [21] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2013 г. № 12-АПУ13-2 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/NPLAirLJmHLw/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [22] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2024 г. № 224-УД24-54-А6 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/D5BseN3VFxWp/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [23] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2024 г. № 78-УД24-11-А2 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. интернет-портал. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/TsDeQZgNm61/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [24] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 224-УД22-26-А6 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/L3mponRoId6l/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [25] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2014 г. № 4-АПУ14-13 сп // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vvNVi9PkdomD/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [26] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2025 г. № 83-УД25-9-А1 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/0CIIajrEkH1j/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [27] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 г. № 205-АПУ19-1 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/9D1R86dN2cx1/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [28] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 59-О07-

22СП // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OjyFl2VuLKQt/> (дата обращения: 18.02.2026).

[29] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2019 г. № 201-АП/19-23 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yn7wXjSDOVou/> (дата обращения: 18.02.2026).

[30] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2018 г. № 205-АП/18-18 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ttFNREdkIGQl/> (дата обращения: 18.02.2026).

References:

[1] Zaripov F.F. *Implementation of the Principle of Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings in the Context of Modern Russian Criminal Procedure Policy: Dis. ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.09 / Zaripov Fanis Favarisovich; Place of defense: Saratov State Law Academy. Saratov, 2021. 240 p.*

[2] Lanshakov D.S. *Concept and Content of the System of Security Measures for Participants in Criminal Proceedings // Gaps in Russian Legislation. 2019. No. 7. Pp. 150-154.*

[3] Zaripov F.F. *Concept, Types and Algorithm for Applying Security Measures for Participants in Criminal Proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. Pp. 29-35.*

[4] *Explanation of the Legislation on State Protection of Participants in Criminal Proceedings. // Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e487920/ (date of access: 18.02.2026).*

[5] Fedotov. E.E. *Current issues of ensuring the safety of participants in criminal proceedings // Young scientist. 2024. No. 517.*

[6] Mishin. A.V. *Issues of state protection of participants in criminal proceedings // Scientific notes of Kazan Federal University. - 2011. - No. 153 (4). P. 169-176.*

[7] *Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.*

[8] *Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (Part I). - Art. 4921.*

[9] *On state protection of victims, witnesses, and other participants in criminal proceedings: federal law of the Russian Federation of August 20, 2004, No. 119-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2004. - No. 34. - Art. 3534.*

[10] *Determination of the Criminal Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 3, 2011, in case No. 51-011-10 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Eiqcxt4r5bT/> (date of access: February 18, 2026).*

[11] *Determination of the Criminal Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 19, 2010, in case No. 51-010-83 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/5GVv576cdI5Q/> (date of access: February 18, 2026).*

[12] *Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 27, 2006 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/arqzbiQPmrUT/> (date of access: February 18, 2026).*

[13] *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of March 19, 2025 No. 222-UD25-9-A6 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/8T64ywdUr0bR/> (date of access: February 18, 2026).*

[14] *Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 25, 2012 No. 51-012-15SP // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Eiqcxt4r5bT/> (date of access: February 18, 2026).*

- [15] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 14, 2008 No. 12-008-9 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/VktWJHT2NMJp/> (date of access: February 18, 2026).
- [16] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 50-011-33 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ue1sNDWyLrLp/> (date of access: February 18, 2026).
- [17] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of May 17, 2011 No. 50-011-17 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/lRqVKa664Slr/> (date of access: February 18, 2026).
- [18] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of November 4, 2024 No. 225 -UD24-23-A6 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/IT8siC2Rm9WP/> (accessed on 18 February 2026).
- [19] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 August 2007 No. 48-007-24 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/mdUr3jciGN5m/> (accessed on 18 February 2026).
- [20] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 1 November 2012 No. 41-o 12-71 sp // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/DhXQGujafIxC/> (accessed on 18 February 2026).
- [21] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of June 18, 2013, No. 12-APU13-2 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/NPLAirLJmHLw/> (date of access: February 18, 2026).
- [22] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of September 25, 2024, No. 224-UD24-54-A6 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/D5BseN3VFXWp/> (date of access: February 18, 2026).
- [23] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of September 25, 2024 No. 78-UD24-11-A2 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: official Internet portal. - URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/TsDeQQZgNm61/> (date of access: February 18, 2026).
- [24] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2022 No. 224 -UD22-26-A6 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/L3mponRoId6l/> (accessed: 18.02.2026).
- [25] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 February 2014 No. 4-APU14-13 sp // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vvNVi9PkdomD/> (date of access: 18.02.2026).
- [26] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 December 2025 No. 83-UD25-9-A1 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/0C11ajrEkH1j/> (date of access: 18.02.2026).
- [27] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of February 12, 2019 No. 205-APU19-1 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/9D1R86dN2cx1/> (date of access: February 18, 2026).
- [28] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of March 13, 2008 No. 59-007-22SP // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OjyFl2VuLKQt/> (date of access: February 18, 2026).
- [29] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 3, 2019 No. 201-APU19-23 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yn7wXjSDOVou/> (date of access: 18.02.2026).
- [30] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 9, 2018 No. 205-APU18-18 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ttFNREdkIGQl/> (date of access: 18.02.2026).